

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Description du Kamtschatka

Stepan Petrovič [forme avant 2007] Krašeninnikov

О П И С А Н І Е
З Е М Л И
К А М Ч А Т К И,

С О Ч И Н Е Н Н О Е

СТЕПАНОМЪ КРАЩЕНИННИКОВЫМЪ,

Академіи Наукъ Профессоромъ.

Томъ второй.

Вторымъ изданиемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ 1786 году.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КАМЧАТСКАГО ОПИСАНІЯ.

ШОМЪ ВШОРЫЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

О КАМЧАТСКИХЪ НАРОДАХЪ.

	страни.
Глава 1. О Камчатскихъ народахъ вообще,	
2. О Камчадалахъ и о томъ чего имя Камчадалъ происходитъ,	8
3. О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа, о виб- шнемъ видѣ и поступкахъ ихъ,	14
4. О Камчатскихъ острожкахъ,	25
5. О домовою посудѣ и другихъ потребностяхъ,	31
6. О мужскихъ и женскихъ трудахъ,	38
7. О платьѣ,	42
8. О пищѣ и питіи Камчатскаго народа и приутожов- леніи оныхъ,	49
9. О ѣздѣ на собакахъ,	54
10. О военномъ ополченіи Камчадаловъ,	62
11. О богѣ и о сотвореніи земли по ихъ мнѣнію,	71
12. О шаманахъ,	81
13. О праздникахъ и церемоніяхъ,	84
14. О пирахъ и забавахъ,	108
15. О сведеніи дружества,	117
16. О сватахъ и свадьбахъ,	120
17. О плодородіи Камчадаловъ, о родахъ женъ ихъ и именахъ мужескихъ и женскихъ,	125
18. О болѣзняхъ и лѣченіи,	130
19. О погребеніи умершихъ,	135
20. О разныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа,	137
21. О Коряцкомъ народѣ,	145
22. О Курилахъ,	179

ЧАСТЬ

О Г Л А В Л Е Н І Е

Ч А С Т Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я

О ПОКОРЕНІИ КАМЧАТКИ, ОБЫВШИХЪ ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА БУНТАХЪ, ИЗМѢНАХЪ, И О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ ТАМОШНИХЪ РОССІЙСКИХЪ ОСТРОГОВЪ.

	страниц.
Глава 1. О первомъ покореніи Камчатки -	189
— 2. О бунтѣ тамошнихъ казаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ и о слѣдствіи того убійства, -	200
— 3. О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василя Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ достойнаго примѣчанія здѣлалось; о приключеніи при вывозѣ ясашной казни съ Камчатки; и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море, -	215
— 4. О измѣнѣ Камчадаловъ и о соженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ, -	225
— 5. О Камчатскихъ острогахъ о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ и о нынѣшнемъ ихъ состояніи -	236
— 6. О тамошнихъ жителейхъ и о ихъ содержаніи, -	243
— 7. О подчиненныхъ каждому острогу Камчатскихъ и Коряжскихъ острожкахъ, о ясашномъ сборѣ съ нихъ и о казенныхъ доходахъ, -	249
— 8. О купечествѣ, -	259
— 9. О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку переѣзжать можно, -	265

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

о Камчатскихъ народахъ.

ГЛАВА I

о Камчатскихъ народахъ вообще.

Камчатка сколь дикое мѣсто по своему состоянію, столь и дикими народами обитаемо. Иные изъ нихъ живутъ какъ Лопари, переходя съ мѣста на мѣсто съ оленьими шабунами своими; другіе по рѣкамъ въ Восточное и Пенжинское море текущимъ, не перемѣняя жилищъ своихъ, и имѣя отъ ловли рыбной или морскихъ звѣрей пропитаніе; а иные по островамъ лежащимъ около Курильской лопатки, питающіеся морскими звѣрьми, рыбою и всякими извергаемыми изъ моря и растущими около береговъ вещами, какъ на примѣръ рѣпою морскою, капустою, раками и прочая. Первые живутъ въ юртахъ изъ оленьихъ кожъ, а прочіе въ землянкахъ. Всѣ вообще житіемъ
Томъ II. А гнусны,

гнусны, нравами грубы, язычники не знающіе Бога и не имѣющіе никакихъ писмянъ.

Природныхъ тамошнихъ жителей считается три народа, Камчадалы, Коряки и Курилы. Камчадалы живущіе въ южной части Камчатскаго мыса, отъ устья рѣки Уки до Курильской лопатки, и на первомъ Курильскомъ острову называемомъ Шоумшчу. Коряки въ сѣверныхъ мѣстахъ, и въ кругъ Пенжинскаго моря до рѣки Нукчана, а въ кругъ Восточнаго Окіана почти до Анадыря; а Курилы на второмъ Курильскомъ острову и на другихъ до Японскаго владѣнія. И такъ Камчадалы съ южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Куриловъ, а съ сѣверной Коряковъ. Коряки смежны съ Чукчами, Юкагирами и Ламушками, а Курилы съ Камчадалами и Японцами.

Камчадаловъ по разности языка можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверной народъ, которой имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья, и по берегу Восточнаго Окіана отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за столповой по справедливости почестся можетъ: ибо оной и поступками въ разсужденіи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ ни гдѣ почти никакой не имѣетъ опмѣны. Напротивъ того у прочихъ въ каждомъ островѣ особое нарѣчіе примѣчается. Южной народъ по Восточному морю отъ Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому отъ лопатки на сѣверъ до рѣки Харіузовой имѣетъ свои жилища.

Коря-

Коряки раздѣляются просто на два же народа на Оленныхъ и сидячихъ. Оленные съ шабунами своими съ мѣста на мѣсто кочуютъ, а сидячіе живутъ при рѣкахъ, какъ Камчадалы. Въ языкъ имѣютъ шабую разность, что Оленные сидячихъ едва разумѣть могутъ, а особливо шѣхъ, кои смежны съ Камчадалами, и многія слова ихъ въ своемъ языкъ употребляютъ.

Такимъ же образомъ раздѣляютъ нѣкоторыя и Курильцовъ на дальнихъ и ближнихъ. Подъ именемъ дальнихъ разумѣются Курильцы на дальнихъ и на вѣтромъ Курильскомъ острову живущіе, по тому что они выѣхали съ другихъ острововъ; а подъ именемъ ближнихъ жители перваго Курильскаго острова и Курильской лопатки. Но сіе раздѣленіе несправедливо. Ибо хотя объявленные перваго острова и Курильской лопатки жители въ языкъ своемъ, въ обрядахъ и въ шѣлесномъ видѣ нѣсколько отъ Камчадаловъ и различуютъ, однако заподлинно извѣстно, что они происходятъ отъ Камчадаловъ, которыхъ я называю южными: а помянутая разность происходитъ отъ сосѣдства, обхожденія и взаимнаго супружества съ прямыми Курилами.

Камчадалы какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, житель, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое названіе происходитъ отъ глагола *Ителакса* живу, какъ пишесть господинъ Шеллеръ. *Кима ителакса* значить я живу, а *Мень* человека; *ма ителаксанъ*, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ, по егожъ объявленію, оспались въ языкъ Камчадаловъ,

которые живутъ между рѣками Немшикомъ и Морощечной. Всемилостивѣйшую Государыню называютъ они *Коачь Аеремъ*, то есть Государь сіяющій какъ солнце, безъ различія полу: ибо солнце на ихъ языкѣ *Коачь*, а Государь *Аеремъ*. Россіянъ вообще именуютъ *Брыхтатынъ* огненные люди, по причинѣ огненнаго оружія, котораго они не видавъ прежде, и не имѣя о снрѣльбѣ изъ него понятія, думали, что огонь не изъ ружья выходитъ, но что Россіяне огненное имѣютъ дыханіе. Коряки на ихъ языкѣ *Таулюганъ*, *Курильцы Кушинъ* и *Кужинъ*.

Камчадалы между прочимъ имѣютъ такое смѣшное обыкновеніе, что всякую вещь своимъ языкомъ назвать стараются, смотря на сходство ея имени, на дѣйствія и на другія обстоятельства: буде же понятіе какой вещи имъ трудно, и сходства имени скоро не сыщутъ, то и чужестранное имя принимаютъ, но такъ его испортивъ, что почти не будетъ имѣть съ сущимъ именемъ и подобія. Такимъ образомъ священникъ у нихъ называется *Богбогъ*, безъ сумнѣнія для того, что часто бога упоминаетъ; Докторъ *Дуктонасъ*, Студентъ *Сокейнахъ*, студеной, хлѣбъ *Брыхтатынъ аугъ*, Россійская сарана; дьячокъ *Ки аангычъ*, морской вострохвостъ ушка, которая по ихъ мнѣнію также какъ дьячекъ поетъ; Колоколъ *Кунъ*, желѣзо *Оачу*, Кузнецъ *Оазакиса*, Магрозъ *Учавшинитахъ*, на верхъ лазящій, Конопатчикъ *Калуласанъ*, чай *Солохохъ*, чайка, Подполковникъ, которой будучи при слѣдствіи многихъ вѣшалъ, *Итахзшахъ* вѣшатель.

Оленъ

Оленные Коряки сами себя называютъ *Тулугту*, Россіанъ *Мельгытангы*, какъ уже выше объявлено, Камчадаловъ *Хончала*, а о Курильцахъ не знаютъ. Сидячіе себя называютъ *Чаучу*, Россіанъ также какъ Оленные *Мелэгытангы*, Камчадаловъ *Нымьлага*, а Курильцовъ *Куйнала*.

Курильцы себя называютъ *Уйвуть-Ёеке*, Курильцовъ неясныхъ, кои на дальнихъ островахъ живутъ, *Лункуръ*, Россіанъ *Сисіанъ*, Камчадаловъ *Арутарунжуръ*, а про Корякб не вѣдаютъ.

Что значашъ названія, о кошорыхъ знаменованіи не упомянуто, того по причинѣ грубости народовъ и неискusstва толмачей не можно было провѣдать. Впрощемъ довольно видѣть можно всякому, что мы ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ сосѣдей, кошорые прежде отъ Россіи завоеваны были. Придавъ имени ихъ свое окончаніе и нѣсколько испорщя. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы по Коряцки, ибо Камчадалъ отъ Коряцкаго Хончала происходитъ; Курильцовъ по Камчатски, ибо Курилецъ отъ куши имѣетъ свое начало.

О происхожденіи Коряцкаго имени хотя неизвѣстно заподлинно, однако Стеллерово о томъ примѣчаніе, что слово Коряка происходитъ отъ Хора, Оленя, весьма вѣроятно: ибо Казаки по приходѣ къ сему народу, можетъ быть, часто слыша слово Хора. или и видя, что благополучіе помянутыхъ иновѣрцовъ состоитъ въ оленныхъ табунахъ, прозвали ихъ Коряками, то есть Оленнымъ народомъ. Чукочи живущей въ Чукцкомъ носу не мирной

мирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ Чулчу, которое общее есть всѣмъ сидячимъ Корякамъ. Одно неизвѣстно происхожденіе имени Юкагирь, съ которымъ народомъ Оленные Коряки пограничны въ сѣверѣ. Коряцкое имя едель, то есть Волкъ, къ которымъ они называютъ Юкагирей по причинѣ пропитанія ихъ звѣриною ловлею, которую уподобляютъ Волчьему хищенію, за начало Юкагирскаго наименованія почестъ сумнительно, хотя между обоими именами и есть нѣкоторое сходство; особливо же что не знаемъ мы, какъ Юкагири сами себя называютъ и какъ сосѣди ихъ, которые живутъ къ Якуцку ближе.

Что касается до языка Камчатскихъ народовъ, то ихъ по числу народовъ три счисляется: Камчатской, Коряцкой и Курильской: впрочемъ каждой языкъ по разности нарѣчія на особливые языки раздѣляется. Въ Камчатскомъ языкѣ три главныя нарѣчія, одно употребляется у сѣверныхъ, а другое у южныхъ Камчадаловъ. Сіи два нарѣчія такъ между собою различны, что можно бы ихъ почестъ и за два разные языка; однако Камчадалы другъ друга безъ помача разумѣютъ, хотя слова ихъ нарѣчій не имѣютъ почти никакого сходства, чему господинъ Стеллеръ не безъ причины удивляется. Третьимъ нарѣчьемъ можно почестъ языкъ, которымъ говорятъ жители Пенжинскаго моря отъ Боровской рѣки до Тигиля, и которой состоитъ изъ обоихъ вышеписанныхъ нарѣчій и изъ нѣкотораго числа Коряцкихъ словъ. Въ Коряцкомъ языкѣ * два же нарѣчія, одно Оленныхъ
Корякъ

* Стеллеръ третьимъ нарѣчьемъ почитаетъ Чукоцкой.

Корякѣ, а другое сидячихѣ. О Коряцкомѣ языкѣ хощя и неизвѣстно заподлинно, сколько въ немъ нарѣчій; ибо подданные Россійскіе говорятѣ однимѣ языкомѣ, а о другихѣ и сами не знаютѣ: однако сумнѣваться почти не можно, чѣтобъ у нихѣ по разнымѣ островамѣ не было въ языкѣ по крайней мѣрѣ такой же ошмѣны, какова у Камчадаловѣ южныхѣ и у сидячихѣ Корякѣ по разнымѣ островамѣ примѣчается.

Камчатской языкѣ выговаривается половиною въ горлѣ, и половиною во ртѣ. Произношеніе ихѣ языка тихо, трудно, съ протяженіемѣ и удивительнымѣ шлодвиженіемѣ; а сіе показываетѣ людей боязливыхѣ, роблѣпныхѣ, коварныхѣ и хитрыхѣ, каковы они и въ самомѣ дѣлѣ.

Коряки говорятѣ изѣ всего горла съ великимѣ крикомѣ и замѣшательствомѣ: слова въ языкѣ ихѣ долги, но слоги коротки: начинающія по большей части съ двухѣ гласныхѣ и на гласныя же кончатся, какѣ на примѣрѣ *Уешай*, важенка или неѣзжалой олень. Нравы сего народа согласны съ языкомѣ ихѣ, какѣ въ описаніи его объявлено будетѣ.

Курилы говорятѣ тихо, плавно, свободно и пріятно. Слова въ языкѣ ихѣ посредственны, гласныхѣ и согласныхѣ въ нихѣ умеренно; но и самой народѣ всѣхѣ дикихѣ народовѣ добронравнѣе, осторожнѣе, правдивѣе, поспояннѣе, обходительнѣе и честлюбивѣе.

ГЛАВА 2

О происхожденіи званія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ шокмо догадкамъ.

Хотя и выше сего объявлено, что званіе Камчадалъ происходитъ отъ Коряцкаго имени *Хончалю*, однако причины не показано, съ чего Коряки Камчадаловъ шакъ называютъ, и для того должно сообщить здѣсь извѣщеніе.

Нѣкоторые пишутъ, аки бы помянутой народъ Камчадалами отъ Россіанъ прозванъ по рѣкѣ Камчаткѣ, которая до ихъ еще приходу называлась Камчаткою, по имени славнаго воина *Кончаша*, и аки бы Россіане отъ тамошнихъ язычниковъ чрезъ знаки примѣняя, что великая оная рѣка *Кончатка* по ихъ именуется, всѣхъ тамошнихъ жителей прозвали Камчадалами. Но сіе есть искусной вымыселъ и предразсужденіе: 1) для того, что Россіанамъ съ Камчадалами чрезъ знаки говорить не было нужды: ибо при нихъ довольно было толмачей изъ сидячихъ Корякъ, которые Камчатской языкъ совершенно знаютъ. 2) что имя *Хончатъ* Камчадаламъ невѣдомо. 3) а хотя бы того имени и былъ у нихъ человекъ, то рѣка не могла прозваться его именемъ: ибо Камчадалы ни рѣкѣ, ни озерѣ, ни горѣ, ни островѣ именемъ людей не называютъ; но даютъ имъ имена по нѣкимъ свойственнымъ имъ качествамъ, или по сходству съ другими вещами. 4) что Камчатка рѣка не *Коншаткою*, но *Уйкуаль*, то есть большею рѣкою называется, какъ уже выше объявлено. А съ чего Коряки Камчадаловъ зовутъ *Хончалю*, о томъ
хотя

хотя заподлинно объявишь и не лъзя, для шого что Коряки и сами прищчины шому не вѣдають : однако не безъ основанія думашь можно , что *Хончала* ешь испорченное слово изъ *Коочь-ай*, что значить жителя по рѣкѣ Еловкѣ, кошорая течеть вѣ Камчатку, и Коочь называется, какъ вѣ первой части сего описанія показано.

Камчадалы кромѣ общаго имени Ипельмень, различають себя отъ большѣй части званіемъ рѣкѣ или другихъ урочищъ , гдѣ они жилища свой имѣють : шакъ напримѣръ, Кыкша-ай, житель при Большѣй рѣкѣ, Суачу-ай, житель при Авачѣ, Коочь-ай, Еловской житель и прочая : ибо ай приложенное къ званію рѣки или другаго какого урочища значить жителя шого мѣста, къ кошорому прилагается, шакъ какъ Ипельмень вообще Камчатскаго жителя.

Кошорые Кончала славнымъ воиномъ шамошнихъ мѣстъ называютъ , шѣ вѣ одномъ томѣ ошиблись, што храбрость оную одному человеку приписали, кошорую надлежало приписать всѣмъ Еловскимъ жителямъ, изъ кошорыхъ каждой *Коочь-ай* или по ихъ *Кончалѣ* называется. Ибо сіе самая правда , что Еловскіе жители издревле почитались храбрыми , и славны были передъ прошчими ; чего ради и Корякамъ , какъ по сосѣдству , шакъ и по той знаши подѣ именемъ своимъ *Коочь-ай*, кошорымъ они и отъ другихъ Камчадаловъ называются , были вѣдомы.

О перемѣнѣ Коочь-ай на Хончала, и Хончала на Камчала, вѣ разсужденіи нарочитаго сходства именъ, немногіе, чаю , сумнѣваться имѣють, особливо кошорымъ извѣстно , коимъ образомъ и вѣ самыхъ Евро-

Толь II.

Б

пейскихъ

пейскихъ языкахъ чужестранныя словѣ портяпся , а по шамошнимъ мѣстамъ пысячи оному примѣровъ показашь можно, какъ нешокмо язычники, но и самыя Россіяне чужія званія порпяпшъ. Такъ напрымѣръ изъ Усѣ - кыгѣ, шо есть Усѣ рѣчка , здѣланы у нихъ ушки, изъ Кру-кыгѣ крюки, изъ Уушу ушка, изъ Кали-кыгѣ Халилики, изъ Кужи Куриль или Курилець и прочая. Чтожъ касается до происхожденія Камчатскаго народа, до прежняго мѣста жилищъ ихъ, до преселенія, въ сіи мѣста и до времени преселенія, того хошя съ такою исправностію , каковѣ пребуется по исторической достовѣрности , показашь и не возможно; ибо дикой оной народъ , у котораго всѣ доказательства древности состояпшъ въ словесныхъ преданіяхъ, и самъ ничего о томъ не вѣдаешъ, но наипаче ушверждаетъ, что они на семъ мѣстѣ сошворены; и ни въ какія другія мѣста никогда не преселялись, а шворцомъ своимъ и прародителемъ почиташъ Кушху, которой прежде живалъ на небѣ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ пространнѣе; однако по склонности, по вѣшнему виду, по обычаямъ, по имени, по языку, плашью, и по другимъ обстоятельствомъ думать можно, что Камчадалы въ древніе годы преселились шуда изъ Мунгаліи, которой древности Спеллеръ приводитъ слѣдующее въ доказательство:

1) Что Камчадалы не знаютъ откуда они происходятъ , потерявъ о томъ всѣ преданія : чего ради вѣришъ начали, что Кушху на томъ мѣстѣ ихъ сошдалъ , какъ выше показано.

2) Что они до приходу Россійскихъ людей ни о какихъ другихъ народахъ ни мало не знаи , выключая

чая сосѣдей своихъ Корякъ и Чукочь, а о Японцахъ и Курильцахъ увѣдали они не весьма давно, или по причинѣ бывшего торгу съ ними, или по тому что иногда выкидывало на берега ихъ Японскія бусы.

3) Что сіи народы весьма умножились, не взиралъ на то, что ежегодно много ихъ погибало отъ кашащагося съ горъ снѣгу, отъ бурь, отъ звѣрей, отъ потопленія, отъ самоубивства и отъ войны между собою.

4) Что они великое имѣютъ знаніе въ шамонскихъ натуральныхъ вещахъ, какую онѣ имѣютъ силу, и къ чему угодны, чего въ краткое время опытами извѣдать не можно, шѣмъ напротивъ, что для такого изслѣдованія больше четырехъ мѣсяцовъ въ году не остается: ибо зима такъ долгая, а лѣто короткое, во и то время надлежитъ имъ употреблять на рыбную ловлю, какъ на главное пропитаніе.

5) Что инструменты и всякая домовая посуда разнятся отъ посуды всѣхъ другихъ народовъ, и что по обстоятельству ихъ житія и нужды такъ хитро извѣданы, что не видавъ образца и разумному шрудно выдумать: такого соспоанія ихъ санная ѳзда на сабакахъ.

6) Что нравы ихъ грубы, и склонность не разнствуешь отъ безсловесныхъ живонныхъ: ибо они пекутся о удовольствіи шокмо плоти, кошорое почитаютъ за вяцшее благополучіе, а о душѣ не имѣютъ и понятія.

Чтожъ они произошли изъ Мунгаліи, а не отъ другихъ народовъ, то есть ни отъ Ташаръ по сю

сторону Амура живущихъ, ни отъ Курильцовъ, ни отъ Японцовъ, о томъ думать побуждаютъ нижеписанныя обстоятельство. Отъ поколѣнія Татаръ не можно кажется имъ быть для того, что въ противномъ случаѣ при своемъ преселеніи конечно заняли бы они мѣста по Ленѣ, которыми нынѣ владѣютъ Якушы съ Тунгусами: ибо они и по довольству къ содержанію удобнѣе Камчатскихъ, и никѣмъ не были обитаемы. Буде же думать, что они въ шѣхъ мѣстахъ жила, но послѣ выгнаны Якушами по приходѣ ихъ въ шѣ мѣста какъ Тунгусы, которые нынѣ живутъ въ срединѣ между Братскими и Якушами, то бы Якуши объ нихъ, такъ какъ о Тунгусахъ имѣли хотя малое извѣстіе, чего однакожъ не примѣчено. Что они не отъ роду Курильскаго, оное доказывается нравами и совершеннымъ несходствомъ въ шѣлесномъ видѣ: а что не отъ Японцовъ, по вѣроятною древностію ихъ преселенія въ шѣ мѣста, которое, кажется, случилось, прежде нежели Японцы отъ Китайцовъ отпали и поселились на нынѣшнемъ мѣстѣ. Причина тому, что Камчадалы о употребленіи желѣза и о желѣзной рудѣ, также и о другихъ металлахъ не вѣдаютъ, хотя Мунгалы назадъ тому болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и ружейной сварядъ и домовые инструменты изъ желѣза дѣлашь начали, такъ какъ Татары изъ мѣди ножи и винжалы. По чему вѣроятно, что Камчатскіе народы въ началѣ самодержавнаго владѣнія Князей въ Восточныхъ странахъ Азіи, удалились къ морю такъ какъ Лопари, Остяки и Самодь, убѣгая отъ нашествія другихъ народовъ въ Европѣ, и по бѣрегу Пенжинскаго

скаго моря дошли до Камчатки. Ежели же бы Камчадалы не старѣ Тунгусовъ были преселеніевъ, то бы Тунгусы при случаѣ своего бѣгства не преминули дойти до Камчатки, какъ до мѣста безопаснѣйшаго по отдаленію. Чшо жъ тѣ мѣста заняты были шоль многочисленнымъ народомъ, чшо Тунгусы, не взирая на храбрость свою, не могли противъ ихъ отважиться, то непосредственно слѣдуетъ, что они задолго до приходу Тунгусовъ поселились и умножились.

Что касается до прежнихъ жилищъ Камчатскаго народа, то они, кажется, жили за Амуромъ въ Мунгаліи, и прежде съ Мунгалами были одинъ народъ, а оное доказываеиця слѣдующими доводами: 1) Чшо* въ Камчатскомъ языкѣ много словъ, которыя имѣютъ Мунгалское или Кипайское свойство по окончаніямъ на онгъ, ингъ, оангъ, чинъ, ча, чингъ, кси, ксунгъ: однако много бы шого было, естли бы кшо многихъ и цѣлыхъ словъ и согласныхъ реченій пошребоваль; ибо Камчатской языкъ въ одномъ народѣ и въ одной землѣ дѣлектами разнитця; но довольно для свойства языка и шого, по чему Европеецъ не учась языкамъ знаетъ изъ одного произношенія, кшо говоритъ по Нѣмедки, кшо по Француски, по Италіански, и прочая: наипаче разность словъ сама доказательствомъ, что преселеніе Камчатскаго народа въ самыя древнія времена было, и чшо понынѣ осталась одна шѣнь сходства между языками, а не самое сходство, такъ какъ

Б 3

въ

* Камчатской и Корядкой народъ должно разумѣшь за одинъ народъ, какъ изъ слѣдующаго явствуетъ, а объявленныя окончанія шокмо въ Корядкомъ языкѣ прибѣгаются.

въ Еврейскомъ и Ташарскомъ. Въ утверженіе сего можеть служить, что Камчатской языкъ съ Мунгальскимъ не токмо въ словахъ имѣеть сходство, но въ склоненіи и произвожденіи: ибо въ Мунгальскомъ языкѣ сіе особливое, что много первообразныхъ. 2) Что Камчадалы такъ какъ Мунгалы ростомъ низки, шѣдомъ смуглы, немохнапы, черноволосы, малобороды, лицемъ калмыковапы съ нокапыми носами, косопы. Глаза у нихъ впали, брови малы и рѣдки, брюха опвислы, ноги и руки малы и тонки, походка тихая. Сверхъ шого робость, хвастовство, раболѣпность къ строгимъ, упрямство и презрѣніе къ ласковымъ обомъ народамъ свойственны.

Г Л А В А 3.

О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа.

До покоренія Россійскому владѣнію дикой оной народъ жилъ въ совершенной вольности; не имѣлъ никакихъ надъ собою начальниковъ, не подверженъ былъ никакимъ законамъ, и дани никому не плачивалъ. Старые и удалые люди имѣли въ каждомъ оспроужкѣ преимуществство, которое однакожъ только въ томъ состояло, что ихъ совѣты предпочитались; впрощемъ было между ими равенство, никто никому повелѣвань не могъ, и никто самъ собою не смѣлъ другаго наказывать.

По внѣшнему виду сей народъ и сходенъ съ другими Сибирскими народами, и нѣкоторую имѣеть опмѣну, по чему оной легко распознашь можно, какъ уже

уже выше показано. Сходство состоитъ особливо въ томъ, что они пѣломъ смуглы и черноволосы, что глаза у нихъ малы и лица плоски; а несходство, что лица у камчадаловъ не столь продолговаты и скуласты, какъ у другихъ народовъ, что щеки у нихъ одупловаты, губы толсты и ротъ превеликой, возрасту всѣ по большей части средняго, плечисты и присадисты, особливо, кои живутъ при морѣ и морскими звѣрями питаются. Великановъ по всей Камчаткѣ не примѣчено.

Въ житиѣ гнусны, никакой чистоты не наблюдаютъ, лица и рукъ не умываютъ, ногшей не обрѣзываютъ, вѣдаютъ изъ одной посуды съ собаками и никогда ея не моютъ, всѣ вообще пахнутъ рыбою какъ гадары: волосовъ на головѣ не чешутъ, но расплетаютъ на двѣ косы какъ мужчины, такъ и женщины. У которыхъ бабъ долгая косы, тѣ для красоты расплетаютъ ихъ на многія мѣлкія косы, а по томъ въ двѣ большія соединяютъ, и закинувъ наспину связываютъ на концѣ веревочкой. Когда волосы изъ косъ выбиваются, то пришиваютъ ихъ нитками, чтобъ были гладки, и по тому онѣ столь шивы, что рукою какъ гребнемъ, поднявъ косы ихъ чешутъ, и смешая въ кучу пожираютъ, какъ выше показано. А у которыхъ волосы малы, тѣ парики объявленнымъ образомъ здѣланные носятъ, которые вѣсомъ бываютъ до десяти фунтовъ, и голову сѣбною копною представляють: впрочемъ женской полѣ красивѣе, и кажется умнѣе, чего ради изъ бабъ и изъ кобѣчучей ихъ болѣе шамановъ, нежели изъ мужеска полу.

Плашье

Плашье носятъ изъ звѣрныхъ кожъ ; питаются кореньемъ , рыбою и морскими звѣрями. Живушь зимою въ земляныхъ юртахъ , а лѣтомъ въ балаганахъ : въ зимнее время вѣдашь на собакахъ , а лѣтомъ , гдѣ судовой ходъ , башами , а гдѣ нѣтъ пѣшіе ходяшь. Тяжести мущины на плечахъ , а женщины лбомъ носяшь.

О Богѣ , порокахъ и добродѣтеляхъ имѣюшь развращенное понятіе. За вѣщшее благополучіе почишаюшь объяденіе , праздность и плотское совокупленіе : похоть возбуждаюшь пѣніемъ , пляскою и рассказываніемъ любовныхъ басенъ по своему обыкновенію. Главной у нихъ грѣхъ скука и беспокойство , котораго убѣгаюшь всѣми мѣрами , не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть , нежели не жить , какъ имъ угодно. Чего ради прежде сего самоубиство было у нихъ послѣдней способъ удовольствія , которое до самаго ихъ покоренія продолжалось ; а по покореніи такъ было умножилось , что изъ Москвы нарочные были указы , чтобъ Россіянамъ не допускашь Камчадаловъ до самовольной смерти.

Впрощемъ живушь они беззаботно , прудятся по своей волѣ , думаяшь о нужномъ и настоящемъ , будущее со всѣмъ оставя. Богатства , славы и чести не вѣдаюшь , чего ради нѣтъ между ими сребролюбія , любочестія и гордости , но токмо роскошь и похоть съ своими плодами , а при томъ ярость , ненависть и мщеніе : чего ради и войны какъ между собою , такъ и съ сосѣдними народами имѣли они не для распространенія землѣ , ни для пріобрѣшенія власти , но по

причинѣ

причинѣ какой нибудь обиды, или для похищенія сѣвскихъ припасовъ, а больше для дѣвокъ, которыхъ они могли въ жены брать съ меньшимъ трудомъ, нежели какъ добровольно: ибо имъ жены весьма доставались дорого, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ объявлено будетъ.

По тойже причинѣ и торги у нихъ не для богатства были, но для полученія нужнаго къ содержанию. Корякамъ давали они соболя, лисицы, рослая бѣлая сабачья кожа, сушеной мухоморъ и другія мѣлочи, а отъ нихъ получали шипое оленье платье и кожи. Между собою мѣнялись шѣмъ, въ чемъ одинъ противъ другаго имѣлъ изобиліе и недостатокъ; въ томъ числѣ почитались сабаки, лодки, чаши, корыта, сѣти, кропива мятая и сѣвскіе припасы; а мѣна она отправлялась подъ видомъ сведенія дружбы: ибо когда кому что у другаго нравилось, или въ чемъ случалась нужда, то долженъ онъ былъ къ другому прѣхать въ гости, и сказать о томъ безъ зазору, что онъ въ гости къ нему прѣхалъ, хотя бы прежде и не имѣлъ съ нимъ обхожденія. Тогда хозяину надлежало потчевать его по обычаю, обратъ все, что понравится, и отпустить домой почти нагова; а по томъ самому къ нему прѣхать, и бытъ приняту равнымъ образомъ: при кошорыхъ случаяхъ оба получали то, въ чемъ имѣли нужду, но о семъ въ особой главѣ писано будетъ пространнѣе.

Поступки ихъ безмѣрно грубы. Учтивства въ словахъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ. Шапокъ не скидаютъ, и не кланяются другъ другу. Въ разговорахъ

раха столь глупы, что кажется, будтобы они шокмо языкомъ разнились отъ безсловесныхъ животныхъ: однако любопытны, и всякой вещи начало и произхожденіе объявишь стараются, которое однакожь не превосходитъ мѣры ихъ понятія.

Всѣ почти мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды, землю, горы и лѣса населили они различными духами, которыхъ опасаются, и больше Бога почитаютъ. Жершвы даютъ при всякомъ случаѣ, а иныхъ и болваны при себѣ носятъ, или имѣютъ въ своихъ жилищахъ. А Бога напрошивъ шого не шокмо не боясь, но и злословятъ при шрудныхъ или вѣщасливыхъ случаяхъ.

Лѣшъ отъ рожденія себѣ не знаютъ. Счетъ, хотя у нихъ и до сна есть, однако такъ имъ шруденъ, что безъ пальцовъ трехъ перечестъ не могутъ. Всего смѣшнѣе, когда имъ надобно считать больше десяти, тогда они пересчитавъ пальцы у рукъ, и ставши обѣ руки вмѣстѣ, что значитъ десять, остальное дочитаютъ ножными перстами. Буде же число превзойдетъ двадцать, то пересчитавъ пальцы у рукъ и у ногъ въ нѣкоторое приходятъ изумленіе, и говорятъ *Мача?* то есть, гдѣ взять?

Въ году считаютъ десять мѣсяцовъ, изъ которыхъ иные долѣ, а иные короче: для шого что они не по лунному теченію ихъ раздѣляютъ, но по тому, что когда дѣлаютъ, какъ видно изъ слѣдующихъ ихъ названій.

1. Чуалингачь-кулечъ. Грѣховъ очиститель, ибо въ семь мѣсѣвъ бываетъ у нихъ

нихъ праздникъ и грѣховъ
очищеніе.

2. Кукамлинначь-кулечь.	—	Отъ великихъ морозовъ шо-
порища ломающся.
3. Балашуль	—	Тепла начало.
4. Кыдышкуннычь	—	Долгой день спановишся.
5. Кахтань	—	Наставой мѣсяцъ.
6. Куйше	—	Мѣсяцъ красной рыбы.
7. Ажаба	—	— бѣлой рыбки.
8. Кайко	—	— Кайка рыбы.
9. Кыжу	—	— бѣлой рыбы.
10. Кихшеру	—	— листопадной.

Сей послѣдней мѣсяцъ до самаго Ноября, или до
ихъ грѣховъ очистителья продолжается: чего ради со-
держитъ въ себѣ около шрехъ мѣсяцовъ. Но сіи име-
на мѣсяцамъ не у всѣхъ Камчадаловъ употребитель-
ны, да шокмо у шѣхъ, кои живутъ по рѣкѣ Камчат-
кѣ; а у находящихся отъ Камчатки въ сѣверѣ, нѣко-
шорымъ мѣсяцамъ имена особливья, и въ счисленіи
ихъ слѣдующей порядокъ:

1. Кѣлуооль - кулечь.	—	Рѣкоставъ мѣсяцъ.
2. Кыжатиъ -	—	Звѣрей слѣдитъ удобной.
3. Чужалингечь-	—	Грѣховъ очиститель.
4. Кѣкамлингчъ	—	Отъ мороза шопорища ло-
мающся.
5. Кыдышконечъ	—	Дни долгіе спановяшся.
6. Шижо -	—	Лахшаки щеняшся.
7. Кууаль -	—	Тюлени щеняшся.
8. Кѣжа -	—	Бѣжалые олени шеляшся.
9. Каю -	—	Дикіе олени шеляшся.

10. Куйлькожалидечь-кулечь. Рыбу промышляшь начинають.

Годъ раздѣляется на чешыре части и лѣто называютъ они *Адамаль*, зиму *Кобелю*, осень *Кытхиль*, весну *Уалъ*, а когда которое время начинается или кончится, о томъ сказано мнѣ, что они того не вѣдаютъ; но господинъ Спеллеръ о раздѣленіи времени слѣдующее пишетъ: Камчадалы довольно знаютъ, что свѣтъ сотворенъ не отъ вѣка, но что оной воспріятъ начало со временемъ. Время отъ жителей Пенжинскаго моря *Иткюохъ* или *Азкедъ*, а отъ жителей рѣки Камчатки *Еткуль* или *Ельчичъ* безъ всякаго въ произведеніи основанія именуется. Отъ незначія движеній главныхъ планетъ раздѣляютъ они время удивительно, и дѣйствія движенія на землѣ принимая въ основаніе опредѣляютъ оное. Вообще солнечной годъ раздѣляютъ на двое, считая по шести мѣсяцовъ въ каждой половинѣ. Такимъ образомъ зима составляетъ у нихъ годъ, а лѣто другой.

Величина каждаго года опредѣляется печеніемъ луны, и время отъ одного новомѣсячія до другаго за число дней въ мѣсяцѣ принимается. Лѣтней годъ начинается у нихъ съ Маія мѣсяца а зимней съ Ноября. Южные Камчадалы Май называютъ *шавъ-коачъ*, то есть *шравничковъ мѣсяцъ*, ибо *шавъ* на ихъ языкѣ *шравникъ*, а *коачъ* луна и солнце. Причина названія мѣсяца, что тогда шравники прилетаютъ, и вездѣ появляются. Июнь *куа-коачъ* кокушкинъ мѣсяцъ, что кокушка тогда кокуетъ: Июль *Етемста-коачъ* лѣтней мѣсяцъ; Августъ *Кихзул-коачъ* отъ промыслу рыбы при

при лунномъ сїяніи ; Сентябрь *Коазухта-коачь* блеклой и листопадной мѣсяцъ отъ того , что въ то время листъ на деревьѣ блекнетъ и опадаетъ. Октябрь *Ликисъ-коачь* пигаличей мѣсяцъ , для того что малая сія пшца , которой во все лѣто на деревьяхъ одѣтыхъ листьемъ не можно видѣть , тогда оказывается. Сїи шесть мѣсяцовъ составляютъ лѣто и первой годъ. Въ зимнемъ году первой числится Ноябрь по ихъ званію *Каза-коачь* отъ дѣланія кропивы , ибо кропива по ихъ казанію называется , которую они тогда рвутъ , мочатъ , дерутъ и сушатъ. Декабрь *Ноккооснобилъ* , нѣсколько озябъ , показывая , что тогда обыкновенно стужа начинается. Генварь *Зиза-коачь* не прогай меня , отъ того что почитается тогда за великой грѣхъ припадкою изъ рѣкъ пить воду , но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ или бараней рогъ , которой вмѣсто ковша употребляется. Причина тому , что они пючи припадкою отмараживаютъ губы. Февраль *Кича-коачь* , отъ лѣсницъ , по которымъ они на балаганы лезятъ , и по которымъ тогда усматриваютъ , что дерево отъ стужи бываетъ кропко , Мартъ *Агду-коачь* отъ отверстія юрпы , для того что въ то время прошалины около онаго обыкновенно случаются. Апрель *Масгаль-коачь* Трясогускинъ мѣсяцъ , для того что трясогуски тогда прилетаютъ , и показываютъ своимъ прибытіемъ , что зима и годъ окончились.

Въ семъ извѣстїи господина Шеллера двѣ вещи не недостойны примѣчанія , 1) что попались ему , какъ видно , умные люди , съ которыми онъ разговаривалъ. 2)

В. 3

что

что не у всѣхъ Камчадаловъ одно число и имена мѣсяцамъ.

Дней они не различаютъ особливимъ званіемъ, не раздѣляютъ ихъ на недѣли или другіе періоды, и числа дней въ году и мѣсяцѣ не знаютъ.

Время опредѣляютъ по знашнымъ нѣкоторымъ приключеніямъ, какъ на примѣрѣ по приходу Россіянъ, по великому Камчатскому буншу, по первой Камчатской Экспедиціи. Письма никакого не знаютъ, ни гѣроглическихъ фигуръ для памяти не употребляютъ, но однихъ повѣстей и преданій держатся, которыя часъ ошъ часу въ такой недостатокъ приходятъ, что ошъ сущихъ дѣйствій, какъ бы одна тѣнь остается.

Причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній не знаютъ. Однако въ случаѣ ихъ выносятъ на юршу огонь, и приказываютъ свѣшиламъ, чтобы они свѣшили по прежнему. Затмѣнія солнца и луны называются по ихъ *Кулечъгужичъ*.

Изъ звѣздъ знаютъ имена шокмо премъ созвѣздіямъ, большѣму медвѣдю, плеядамъ и премъ звѣздамъ въ Оріонѣ. Медвѣдя называютъ *Кранхль*, плеяды *Дежичъ* или *Ижичъ*, а Оріона *Укальтежидъ*.

Громъ и молнію иные врагамъ, а иные людямъ живущимъ въ горѣлой сопкѣ приписываютъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ.

Вѣтрамъ имена у нихъ есть только значнѣйшимъ, однако не одинакія. Живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ восточной вѣтеръ называютъ *Шангышъ*, съ низу вѣющей, западной *Быкымыхъ*, сѣверной *Етежемъ*, сѣверовосточной *Коаслюль* жировой, по тому что онымъ
вѣщ-

вѣтромъ къ берегамъ ледъ нажимаетъ, въ которомъ случаѣ бьютъ они много морскихъ звѣрей, и ѣдятъ жирно. Сѣверо-западной *Тагъ* Верховой, южной *Челюкымъ*. А живущіе отъ рѣки Камчапки на сѣверѣ Восточной вѣтрѣ называютъ *Кунешхтъ* съ моря дышущей, западной *Емшхтъ* съ земли вѣющей, сѣверной *Тынгылшхтъ* студеной, южной *Челюгынкь*, южно-западной *Гынгы Емшхтъ* женская погода, для того что во время онаго вѣтра небо по ихъ мнѣнію, какъ женщина, плачетъ.

Судъ и расправа у нихъ общая. Удовольствіе обидимому равное воздаяніе. Кто кого убилъ, тотъ самъ отъ сродниковъ убійеннаго былъ убиваемъ. Ворамъ, кои часто приличались, обжигали руки обвивъ ихъ берестюю; но шѣхъ, кои въ первой разъ бывали пойманы, покраденые били безъ всякаго отъ вора сопротивленія, послѣ чего принуждены были такіе люди жить на единѣ безъ всякой помощи и безъ всякаго съ другими обхожденія, какъ сущіе плушы и полищическою смертію казненные.

Невѣдомыхъ воровъ называли они жженіемъ спановыхъ жилъ каменнаго барана при собраніи и при шаманствѣ, ибо по ихъ мнѣнію сводитъ послѣ того злодѣя вмѣсто, какъ жилы отъ огня сжимаются.

О имѣніи и юртахъ никогда они не ссорятся, ибо для всякаго земли, воды и произрастающихъ съ животными довольно; о границахъ и предѣлахъ не бываетъ споровъ, ибо всякъ со излишествомъ имѣетъ пропитаніе отъ той рѣки и луговъ, гдѣ его рожденіе.

Женъ

Женѣ имѣють по одной, по двѣ и по три, сверхъ того нѣкоторые содержатъ и такъ называемыхъ по ихъ Коекчучей, которые въ женскомъ платьѣ ходящъ, всю женскую работу отправляютъ, и съ мужчинами не имѣють никакого обхожденія, будто бы гнушались дѣлами ихъ, или зазирались вступать не въ свое дѣло.

Мѣры верстамъ не знаютъ. Разстояніе считаютъ по ночамъ, сколько будучи въ дорогѣ ночевать должны.

Великое искусство имѣють пересмѣхать всякаго и точно представлять, кого похощащъ, по походкѣ, по голосу, по рѣчи и по всѣмъ пріемамъ: такимъ же образомъ представляютъ они и звѣрей и птицъ, и сіе у нихъ въ числѣ непоследнихъ забавъ почитается.

Но сколь они въ жившѣ своемъ ни гнусны, и въ поступкахъ ни глупы, однако о всемъ такомъ мнѣніе имѣють, что нѣтъ лучше жившя ихъ и удовольствія. Чего ради казачьему жившю, въ чемъ съ ихъ несходно, не безъ презрѣнія удивляются. Токмо нынѣ во всемъ последовала великая переменна. Старые, которые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ воспріяли Христіанскую вѣру, и стараются во всемъ Россійскимъ людямъ последовать, насмѣхаясь жившю предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ острогѣ опредѣленъ начальникъ, которой Тоюнъ называется, и которому по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу поручены судъ и расправа надъ подчиненными кромѣ криминальныхъ дѣлъ. Во многихъ
мѣ-

Внутреннее строение жилища

Строение жилища

мѣстахъ не токмо у Таіоновъ, но и у простыхъ людей построены избы и горницы по Россійскому обыкновенію, а индѣ и часовни для молишвы. Заведены шамъ и школы, въ которыя сами Камчадалы охотно отдають дѣшей своихъ. Такимъ образомъ въ крашкое время много варварства безъ сумнѣнія искоренишся.

Г Л А В А 4.

О Камчатскихъ острожкахъ.

Подъ именемъ острожка разумѣется на Камчаткѣ всякое Камчатское жилище, состоящее изъ одной или нѣсколька земляныхъ юртъ и изъ балагановъ. Покамчатски такія жилища называются *Атынуль*, а казаки прозвали ихъ острожками безъ сумнѣнія отъ того, что по приходѣ ихъ на Камчатку укрѣплены были оныя землянымъ валомъ или полисадникомъ, какъ у сидячихъ Корякъ въ сѣверѣ и понынѣ укрѣпляются.

Юрты дѣлають они слѣдующимъ образомъ: выкапываютъ землю аршина на два въ глубину, а въ длину и въ ширину смотря по числу жителей. Въ ямѣ почти на самой срединѣ ставятъ чешыре столба толстые, одинъ отъ другаго по сажени и далѣ. На столбы кладуть толстыя перекадины, а на нихъ потолокъ накатываютъ, оставя почти на срединѣ чешвероугольное отверстіе, кошорое и вмѣсто окна, и вмѣсто дверей, и вмѣсто трубы служить. Къ помянутымъ перекадинамъ прислоняють съ земли бревна же, кошорыхъ нижніе концы на поверхности земли

Томъ II

Г

млі

мли утверждаются; и обрешетя ихъ жердями покрывающъ правую, и осыпающъ землю, такъ что юрша съ наружи имѣетъ видъ небольшого круглаго холмика; но внутри онѣ четверугольныя, однако почти всегда двѣ стѣны бывающъ долѣ, а двѣ короче. У одной продолговатой стѣны между стоячими столбами бываетъ обыкновенно очагъ, а отъ него выводъ, котораго внѣшнее отверстіе гораздо ниже помянутаго. Дѣлаесяжъ сей выводъ для того, чтобъ входящимъ во оной воздухомъ выгоняло дымъ вонъ изъ юршы чрезъ верхнее отверстіе.

Внутри юршы подлѣ стѣнъ дѣлающъ они полки, на кошорыхъ спящъ семья подлѣ семьи рядомъ. Токмо не бываетъ полковъ противъ очага: ибо шамъ обыкновенно стойтъ домовая посуда ихъ, чаши и корыта деревянные, въ кошорыхъ и себѣ и сабакамъ ѣсть варящъ. А въ кошорыхъ юршахъ полковъ нѣтъ, шамъ вкругъ мѣстъ, гдѣ спящъ, положены бревна, а самыя мѣста уславы рогожами.

Украшенія въ юршахъ никакого нѣтъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ стѣны обвѣшены бывающъ плетеными изъ шравы рогожами, а по ихъ званію чирелами.

У сѣверныхъ Камчадаловъ бываетъ въ юршахъ по два идола, изъ кошорыхъ одинъ называется Ханшай, а другой Ажушакъ. Ханшай дѣлаеся на подобіе Сирены, шо естъ съ головы по груди челоукомъ, а оштуду рыбоу, и ставищя обыкновенно подлѣ огнища; а для чего и во образъ кого, другой прищчины не могъ вывѣдашъ, кромѣ того, что естъ духъ сего имени. Идолъ сего

сего Ханшяя ежегодно дѣлается новой во время грѣховъ очищенія, и спавится со старымъ вмѣстѣ, по числу копорыхъ можно узнать, сколько которой юрты лѣтъ отъ построенія. Ажушакъ есть шолбикъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой: спавишься надъ домашнею посудою, и почитается за караульщика отгоняющаго отъ юрты лѣсные духи: за что и кормящъ его Камчадалы по всякой день, мажущъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные Камчадалы имѣютъ, и называютъ Ажулуначъ, но вмѣсто Ханшаевъ есть у нихъ по грядкамъ колье съ обпесаными головками, именуемое Урйлыдачь.

Входящъ въ юрты по лѣсницамъ спремянкамъ, подъ которыми обыкновенно очагъ бываетъ, и для того во время шопленія юрты непривычному трудно входитъ и выходитъ изъ юрты: ибо и лѣсница такъ горяча бываетъ, что ухватишься не лъзя; и проходя сквозь дымъ должно переводить духъ, чтобъ не задохнуться. Но Камчадаламъ то не препяшштвуетъ: ибо они по своимъ лѣсницамъ, на которыхъ ступеняхъ шокмо носками шановишься можно, такъ какъ бѣлки на верхъ взбѣгающъ; и бабы съ малыи робятами за плечми сквозь дымъ ходишь не опасаются, не смотря на то, что онѣ и коекчучи имѣютъ позволеніе ходишь и выходитъ чрезъ другое отверстіе, которое просто жупаномъ называется. Впрощемъ естли мущина пойдешь жупаномъ, тошъ часъ прищину подасть надъ собою смѣяться: ибо се у нихъ столь странное дѣло, что

казаковъ, копорые при первомъ случаѣ не обыкнувъ ходить сквозь дымъ, выходили жупаномъ, почипали они всѣхъ коекчучами.

Головни изъ юртъ вымешиваютъ въ верхнее отверстіе ущемя въ двѣ нарочно для шого здѣланныя палки, копорыя называютъ Андронами, и потъ за великаго щеголя и удалца почипается, копорой большія колонни изъ глубокой юрты выбрасываетъ мѣшко.

Въ сихъ юртахъ живутъ Камчадалы съ осени до весны, а потомъ выходятъ въ балаганы. Южные Камчадалы юрту называютъ *Тгомкегсчичь*, а сѣверные *Кузучь* или *Тимусчичь*. Верхнее отверстіе *Оночь*, нижнее *Линель*, закрышку его *Шолоначь*, отъ чего весь выходъ казани называютъ жупаномъ. Стоячіе столбы въ юртѣ *Кокодь*, а толстыя бревна, копорыя съ землѣй прислоняются къ перекладинамъ, *Кошледь*.

При каждой юртѣ бываетъ по малой мѣрѣ столько балагановъ, сколько семей въ острожкѣ: ибо оныя и вмѣсто кладовыхъ анбаровъ, и вмѣсто дѣшнихъ покоевъ служатъ, а дѣлаются слѣдующимъ образомъ: Сперва ставятъ девять столбовъ вышиною сажени по двѣ и больше, въ при ряда въ равномъ разстояніи. Столбы связываютъ перекладинами, на перекладинахъ мосятъ полъ колемъ, и устилаютъ правую: поверхъ полу дѣлаютъ изъ кольяжъ высокой воспроверхой шащерь, копорой обрѣшешя прущьями или тонкими кольямижъ, покрываютъ правую. Траву прижимаютъ колемъ, а для крѣпости, чщобъ не сносило вѣтромъ, концы верхняго колья съ концами нижняго связываютъ ремнями и веревками. Двери у нихъ дѣлаются съ двухъ сторонъ,
однѣ

однѣ противѣ другихъ прямо. Ходящѣ на балаганы по такимъ же лѣшницамъ, какъ въ зимнія юршы.

Такіе балаганы бываюшѣ у нихъ не токмо при зимнихъ юршахъ, но и на лѣшовьяхъ, гдѣ кормъ промышляюшѣ, и сіе строеніе по обстоятельству шамошнихъ мѣстѣ весьма способно и нужно: ибо въ разсужденіи шамошнихъ мокрыхъ погодѣ во время рыбной ловли принуждены они бываюшѣ досушивать рыбу подѣ балаганами. Но есть и другая шамошнимъ жителямъ выгода отѣ балагановъ; ибо когда они съ лѣшнихъ промысловъ въ дома возвращаюшся, то сушеную рыбу обыкновенно оставляюшѣ до зимы въ балаганахъ, по большей части безѣ караулу, токмо оставивъ прочѣ лѣшнику. И такимъ образомъ кормъ ихъ хранится въ цѣлости отѣ звѣрей, которые на балаганы попасть не легко могутѣ, а ежели бы оное строеніе не столь высоко было, то бы звѣри ничего имъ не оставили: ибо есть примѣры, что медвѣди взлазяшѣ иногда и въ балаганы, не смотря на всѣ трудности; особливо же въ осеннее время, когда въ рѣкахъ рыба и по полямъ ягоды перемежаюшся.

На лѣшнихъ промыслахъ при балаганахъ дѣлаюшся правяные шелашы, которые по Камчатски бажабашѣ, а по Руски барабанами называюшся. Въ нихъ они по большей части ѣсть варяшѣ, и рыбу чистятѣ въ ненастливую погоду, а казаки соль варяшѣ изѣ морской воды.

Многолюдные оспрожки обставлены бываюшѣ вокругъ балаганами, и издали показываюшѣ презрядной видѣ. Всякой шакой оспрожекѣ кажешся городомъ по прип-

чинѣ балагановѣ, копорые и сами мы не видавѣ почишали башнями.

Камчадалы строятъ свои острожки обыкновенно по островамѣ въ густыхъ шалникахъ, или на шакихъ мѣстахъ, копорыя ошѣ напуры крѣпки, и безопасное имѣющѣ положеніе, разстояніемѣ ошѣ моря меньше 20 верствъ, а иногда и гораздо далѣ; а на устьяхъ рѣкъ бывающѣ у нихъ лѣшова. Однако сіе касается до однихъ южныхъ Камчадаловѣ, кои живутѣ по Пенжинскому морю, а по Восточному морю есть острожки и подлѣ самага моря.

Всякой острожекѣ шу рѣку, при копорой живешѣ, почишаешѣ за владѣніе своего рода, и сѣ той рѣки на другую никогда не преселяется. Еслили по какой нибудѣ причинѣ одна или нѣсколко семей пожелающѣ жившѣ особливыми юртами, то дѣлающѣ оныя выше или ниже острожка по тойже рѣкѣ или по посторонней, копорая печешѣ въ рѣку ихъ. Чего ради думать можно, что на всякой рѣкѣ живутѣ сродники, копорые происходятѣ ошѣ одного прародителя. Сами Камчадалы, по объявленію Стеллера, говоряшѣ, что Кушѣ, копораго иногда богомѣ, а иногда прародителемѣ называютѣ, на каждой изѣ Камчатскихъ рѣкъ жилѣ по два года, и дѣшей родивѣ оставлялѣ ихъ на природномѣ ихъ мѣстѣ ошѣ копорыхъ каждая рѣка имѣешѣ нынѣ своихъ жиселей. Такимѣ образомѣ Кушѣ ихъ дошелѣ до Озерной рѣки, копорая печешѣ изѣ Курильскаго озера; и аки бы совершивѣ печеніе и труды свои приставилѣ къ горѣ башы свои и ошбылѣ сѣ Камчатки.

На

На промыслы звѣриные ходяшѣ Камчадалы по своимѣ же рѣкамѣ, что, можетѣ бышѣ, прежѣ сего наблюда-лось строго, но нынѣ желающіе промысляшѣ морскихѣ звѣрей, ходяшѣ верстѣ по двѣсти отѣ своихѣ жилищѣ на Авачу и на Курильскую лопашку.

ГЛАВА 5.

О домо́вой посудѣ и о другихѣ нужныхѣ въ жи́иці потребностяхѣ.

Вся Камчатская посуда и всѣ Экономическія ихѣ принадлежности, состояшѣ въ чашахѣ, коры-шахѣ, береспеныхѣ кужняхѣ, а по шамошнему чума-нахѣ, да въ санкахѣ и лодкахѣ: въ часахѣ и корышахѣ варили они ѣстѣ и себѣ и сабакамѣ, кужни употре-бляли вмѣсто спакановѣ, санки къ ѣздѣ зимою, а лодки лѣшомѣ. Чего ради и писашѣ бы о томѣ болѣе нѣчего, естѣли бы сей народѣ такѣ какѣ другіе имѣлѣ тогда или зналѣ употребляшѣ металлы. Но какѣ они безѣ желѣзныхѣ инструменшовѣ могли все дѣлать, строить, рубишѣ, долбитишѣ, рѣзатишѣ, шишѣ, огонь доставатишѣ, какѣ могли въ деревянной посудѣ ѣстѣ варитишѣ, и что имѣ служило вмѣсто мешалловѣ; о томѣ, какѣ о дѣлѣ не всякому знаѣмомѣ, упомянушѣ здѣсь не непристойно, шѣмѣ наипаче, что сїи средства не разумной или ученой народѣ вымыслилѣ, но дикой, грубой и шрехѣ перечестѣ неумѣющій. Столь сильна нужда умудряшѣ къ изобрѣшенію пошребнаго въ жизни!

Прежніе Камчатскіе металлы до прибышїа почти Россїянѣ были кости и камень. Изѣ нихѣ они дѣла-
ли

ли шопоры , ножи, ко́пье , стрѣлы, ланцеты и и́глы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ шопорищамъ плашмя, каковы у насъ бывающъ шеслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыша и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени , что лодку при года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыша, кошорыя по шамошнему хомягами называющся, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто здѣланное изъ дорогова мешалла, превысокою работою, и всякой оспрожекъ могъ тѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью , особливо когда кто наваря въ одной посудѣ пищи не одного гостя могъ удовольствовашь; ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ прошивъ дватцати человекъ сѣдаешъ, какъ о шомъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ камнемъ.

Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленовашаго или дымчашаго хрустала на подобіе ланцовъ востроконечные, и насаживали ихъ на черенъе деревянное. Изъ шогожъ хрустала бывали у нихъ стрѣлы , ко́пья и ланцеты, кошорыми кровь и понынѣ пускающъ. Швальныя и́глы дѣлали они изъ собольихъ костей, и шили ими не шокмо плашье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухаго дерева , на кошорыхъ по краямъ наверхены дирочки, да кругленькія изъ сухагожъ дерева палочки, кошорыя
вершя

Кам.

7

каковыбѣ они малы ни были. Расклепывающѣ кончикѣ, гдѣ уши были, камнемъ, и другою иглою просверливаютѣ новыя: и такѣ дѣлающѣ, пока ужѣ одно почи воспрее шолько останется.

Желѣзную и мѣдную посуду еще во время моей бытности токмо шѣ употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались Россійскому житію послѣдовать; въ томѣ числѣ были значнѣйше новокрещенные Тоюны, которые живутѣ близѣ Россійскихѣ остроговѣ, и часто имѣютѣ съ нашими обхожденіе: а прочіе деревянной своей посуды и повинѣ не оставляющѣ.

Сказываютѣ, будто желѣзные инструмены знали Камчадалы еще до покоренія Россійской державѣ, а получали ихѣ отѣ Японцовѣ, которые приѣзжали къ Курильскимѣ островамѣ, а однажды и на Большую рѣку моремѣ; и будто Камчадалы Японцовѣ Шишманѣ называютѣ для того, что чрезѣ нихѣ узнали желѣзныя иглы; ибо игла по Камчатски Шишъ называется. Что касается до Курильскихѣ острововѣ, то сумнѣнія нѣтъ, что прежде сего приѣзжали туда Японцы на бусахѣ, и торговали: ибо я и самѣ досталѣ съ Курильскихѣ острововѣ Японскую саблю, лаковой поднось и серебряныя серги, которые ни откуда получены, какѣ шолько изѣ Японіи; а бывала ли когда Японская буса на Большой рѣкѣ, о томѣ заподлинно утверждащѣ нельзя, для того что кажешся трудно повѣришь, чтобѣ такіе мореходы, каковы Японцы, отважились итти для купечества въ незнаемыя страны и провѣдыващѣ пристанищѣ съ трудомѣ и опасно-

опасностью: развѣ, можешъ бышь, приносило когда такое ихъ судно погодою, какъ шо не рѣдко случается.

Изъ всей работы сихъ дикихъ народовъ, которую они каменными ножами и шопорами весьма чисто дѣлають, ни что мнѣ такъ не было удивительно, какъ цѣпь изъ моржовой кости, которая привезена на ботшу Гавріилъ изъ Чукоцкаго носу. Она состояла изъ колецъ гладкостію подобныхъ поченымъ, и изъ одного зуба была дѣлана; верхнія кольца были у ней больше, нижнія меньше, а длиною была она не много меньше полуаршина. Я могу смѣло сказать, что по чистотѣ работы и по искусству никтобъ не почелъ оную за шруды дикаго Чукчи и за дѣланную каменнымъ инструментомъ, но за поченую подлинно. Въ разсужденіи недоспашка въ инструментахъ Чукоцкой оной художникъ конечно не скучливъ былъ къ работѣ, и имѣлъ довольно свободнаго времени, которое могъ употребить на сію бездѣлицу: ибо смотря по другимъ вещамъ, сколько продолжительно онъ дѣлались отъ Камчадаловъ, сумнѣваться не можно, что онъ употребилъ на сію работу не меньше года времени. А къ чему сія цѣпь была употребляема, о томъ не извѣстно, ибо казаки нашли оную въ пустой Чукоцкой юртѣ.

Коряцкіе кюлки, которые они изъ мѣлкихъ продолговатыхъ косточекъ сшиваютъ ремнями, и ихъ такъ называемыя костяныя проерогія чекуши, которыми насаживаютъ они на долги ратовища, и въ военное время употребляютъ, также не недостойны

примѣчанія: ибо кость такъ гладко обдѣлана, что лоснилась.

Что касается до санковъ ихъ, какимъ образомъ ихъ дѣлаютъ, о томъ писано будетъ въ главѣ о сабачьей ѣздѣ; а здѣсь сообщимъ мы извѣстіе о лодкахъ, гдѣ какія въ тѣхъ мѣстахъ употребляются, и изъ какаго дѣрева обыкновенно бываютъ.

Камчатскія лодки, или по шамошнему баты, дѣлаются двоякимъ образомъ, и по разности образцовъ разными именами называются, одни Кояхшахтымъ, а другія Тахшѹ. Кояхшахтымъ отъ нашихъ рыбацкихъ лодокъ никакой не имѣютъ отпѣны: ибо и носъ у нихъ выше кормы, и бока разложисты: а у лодокъ Тахшѹ носъ и корма съ боками равны или и ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради къ ѣздѣ весьма неспособны, а особливо въ погоду: ибо вода въ нихъ потчасъ заливается. Кояхшахтымъ употребляются по одной рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до самаго устья, а въ другихъ мѣстахъ какъ по Восточному, такъ и по Пенжинскому морю Тахшѹ.

Когда къ лодкамъ Тахшѹ пришиваются набои, что обыкновенно дѣлается у жителей Боброваго моря, тогда онѣ Байдарами называются, и жители въ нихъ гоняются по морю за морскими звѣрями. Дны у шакихъ байдаръ колютъ они нарочно, и зашивъ кишowymi усамн конопатятъ мохомъ или мягкою кропивою: ибо примѣчено ими, что нерасколотыя байдары на морскихъ валахъ колются, и бываютъ промышленникамъ причиною гибели. Островные Курильцы и на Лопашкѣ живущіе, байдары строятъ съ килемъ,
доски

доски пришивають усамижь, а конопашь мохомъ.

По всей Камчатской землѣ не дѣлають лодокъ ни изъ какого дѣрева кромѣ пополи, выключая Курильцовъ, которые того не наблюдаютъ: ибо они строятъ байдары свой изъ лѣса выбрасывающагося изъ моря, которой приносятъ изъ Японіи, Америки и съ береговъ Китайскихъ, а у нихъ не растетъ лѣсу къ строенію удобнаго. Сѣверные Камчатскіе народы, сидячіе Коряки и Чукчи дѣлають свой байдары изъ кожъ лапшавныхъ, какъ уже выше объявлено, а причина тому можетъ быть недостатокъ же въ удобномъ лѣсѣ, или что неимѣвшимъ желѣза коженя дѣлашь способнѣе было.

Въ башахъ и рыбу ловящъ, и кладь возящъ по два человекъ, изъ которыхъ одинъ на носу, а другой на кормѣ сидитъ. Въ верхъ по рѣкамъ взводящъ башы на шестахъ съ превеликою шрудностью: ибо на быстрыхъ мѣсахъ стоящъ иногда съ полчетверши всѣ вышгнувшись на шесты, которыми опираются, пока лодка на поларшина подася. Однако не смотря на всѣ шрудности удалые камчадалы взводящъ такимъ образомъ башы и съ грузомъ верстъ по двашцати вверхъ, а на легкѣ переходящъ верстъ по шришцати и до сорока. Чрезъ рѣки перегребають обыкновенно стоя, какъ Волховскіе рыбаки въ челнокахъ своихъ.

Клади на большихъ башахъ можно возить пудъ по шришцати и по сороку. Когда кладь легка но озойна, какова на примѣрѣ сухая рыба, то перевозящъ ея на паромахъ сплошивъ два баша вмѣстѣ, и на-

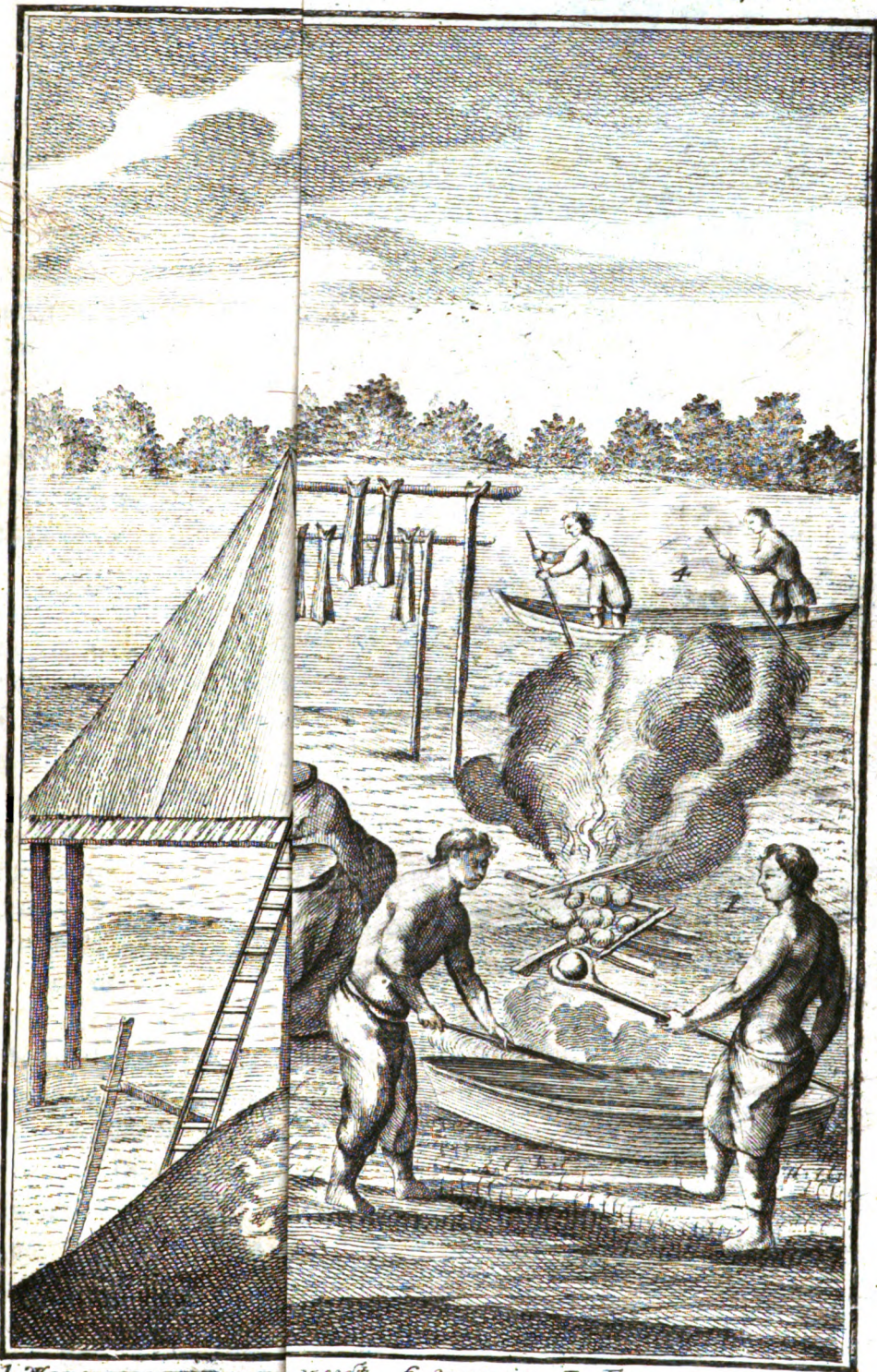
мостя мостъ, однако вверхъ по быспрымъ рѣкамъ паромы проводишь и трудно и продолжительно; чего ради употребляютъ онѣ шокмо по рѣкѣ Камчаткѣ, которая по глубинѣ своей и умѣренной быстринѣ къ тому способна; а по другимъ рѣкамъ шолько внизъ по рѣкамъ на паромахъ ѣздятъ, а вверхъ рѣдко, и шо по нуждѣ, когда по окончаніи рыбныхъ промысловъ у моря надобно переѣзжать въ острогъ со всѣмъ домашнимъ приборомъ и съ малолѣшными, или когда кладъ шакова. что въ батъ умѣстить не лзя, какъ напримѣръ бочки и кадки съ рыбою, кошоры насаливають рыбы у моря.

Г Л А В А 6.

О муской и женской работѣ.

Въ Камчатскомъ жишѣ, какъ въ крестьянствѣ, въ разныя времена и работа бываетъ различная. Лѣтнее время мушины трудятся въ ловлѣ рыбы, въ сушеніи ея, въ перевозкѣ ошъ моря на свои жилища, въ припасѣ сабакамъ корму, костей и кислой рыбы; а женщины между тѣмъ чистятъ изловленную рыбу, пластаютъ, а иногда и въ ловлѣ мужьямъ способствуютъ. Излишнее время употребляютъ онѣ на собираніе разныхъ травъ, коренья и ягодъ не шокмо на пищу, но и въ лѣкарства: дѣлаютъ сладкую траву, кошорую прежде шокмо на пищу, а нынѣ и для сидѣнія вина употребляютъ: готовятъ кипрей и* траву, изъ кошорой плешутъ ковры свои, епанчи, мѣшечки и другія домашнія мѣлочи, и всѣ какъ съѣстные, такъ

* *Secale spiculis geminatis* Linn. Svec. p. 36.

1. Жиръ парятъ изъ 6. Знмяя 7. Балаганъ.
 лѣньмѣ каменьмѣ прѣ юрта .

шакъ и другіе припасы имѣющъ на рукахъ своихъ.

Когда осень настанетъ, тогда мужчины упражняются въ ловлѣ осенней рыбы, въ промыслѣ различныхъ пщицъ, гусей, лебедей, утокъ и прочая, водятся съ своими сабаками, вывязывая и выдерживая ихъ, какъ Якушны лошадей своихъ: заготовляютъ лѣсъ къ дѣланію саней и другой работѣ потребной; а женщины водятся съ кропивою, рвущъ, мочашъ, мнушъ, обдирающъ и кладущъ подъ балаганы; ходятъ по тундрамъ и вынимающъ изъ мышиныхъ норъ лилейные корни, или по шамошнему сарану, разнаго роду.

Зимую мужчины ходятъ за соболями и лисицами, вязущъ сѣши для ловли рыбы, дѣлающъ санки, ѣздящъ за дровами, перевозятъ запасъ свой изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ лѣшомъ приготовили, а не успѣли перевезти осенью; а женщины больше трудятся въ сученіи нишокъ на сѣши. И сія ихъ работа шакъ продолжительна, что одна баба едва насучитъ шолько можешъ, чтобъ мужу достало потребныхъ сѣшей на лѣшо, а у кошорыхъ семья побольше, тѣ готовятъ и съ излишествомъ, и мѣняютъ другимъ на угодныя себѣ мѣлочи, каковы на примѣръ иглы, шелкъ, наперстки, ножики, и прочая.

Весною, когда рѣки проходятъ, и рыба, которая въ нихъ зимовала, къ морю подымается, мужчины упражняются въ ловлѣ ея или ѣздящъ къ морю, и промышляющъ вахню, кошорой по морскимъ губамъ бываетъ тогда великое довольство; а нѣкоторые и въ дальнія мѣста на Восточное море и на Курильскую допашку для ловли морскихъ бобровъ и другихъ морскихъ

скихъ звѣрей оплучаются: а женщины ходящѣ по тундрамъ, собираютѣ черемшу и другія молодыя шравы не шокмо для награжденія обыкновеннаго погдашняго недостатку въ пищу, но и для забавы; ибо они зелень шакъ любящѣ, что во все вешнее время почти извѣрошу не выпускаютѣ. Женской полѣ весь погда по тундрамъ ходитѣ, и вечеромъ сѣ превеликими ношами домой возвращаютѣ, однако шѣхъ ношѣ не спанешѣ имѣ на сутки.

Сверхѣ того до мужеской работы принадлежитѣ юршы и балаганы строитѣ, юрты шопитѣ, шпрямашѣ, сабакѣ кормитѣ, при случаѣ гостей подчивашѣ, сабакѣ обдирашѣ и другихъ звѣрей, когда понадобится на плашье, и въ приугоповленіи домоваго и военнаго снаряду; а женская работа состоитѣ въ выдѣлываніи кожѣ на плашье и обуви, въ шитьѣ плашьа и обуви: ибо онѣ у Камчадаловѣ и поршные и сапожники, а мушинѣ за шо принятѣся шакое безчестіе, что шомѣ часѣ почтешѣ за коекчуча. Чего ради сѣ первыхъ временѣ всѣхъ казаковѣ, у которыхъ иглу въ рукахъ или шило видали, почитали они за коекчучей, ибо у нихъ шють шокмо однѣ бабы и коекчучи, которые и въ женскомѣ плашьѣ ходящѣ, и женскую работу опправляютѣ, муской ошнюдь не прикасаясь. До нихѣ же касаетѣся, краситѣ выдѣланныя кожи, шакже лѣчитѣ и шаманитѣ. А какимѣ образомъ выдѣлываютѣ онѣ кожи, и кратящѣ, чѣмѣ шють и клеящѣ, о шомѣ здѣсь же сообщитѣ должно.

Всякія кожи, кошорыя на шубы употребляютѣ, напрымѣрѣ олени, шюлени, сабачьи, бобровыя, дѣлаютѣ

дѣлають онѣ одинакимъ образомъ. Сперва мочать мездру водою, и камнемъ утвержденнымъ въ средину палки сбиваютъ болонь и жилы, копорыя остаются при сниманіи: по томъ намазываютъ жеваною икрою квашеною или свѣжею, и свернувъ кожу шопчуть ногами по шѣхъ порѣ, пока мездра провянетъ: послѣ опять скоблятъ и натирають, продолжая работу до шѣхъ порѣ, пока мездра мякка и чиста будетъ.

А копорыя кожи ровдугами или замшею здѣлають намѣрены, съ шѣхъ сперва сбиваютъ жилы и болонь объявленнымъ же образомъ, по томъ коптятъ ихъ въ дыму съ недѣлю, послѣ мочать и парятъ, чшобъ шерсть ошпрѣла, а наконецъ намазываютъ икрою, мнутъ, шопчуть и скоблятъ камнемъ, какъ выше показано.

Оленьи и сабачьи кожи на плашье красятъ ольхою чрезъ многократное напираніе мѣлко изрубленною корою; а шюленьи, копорыя на плашье, обувь или на ремни, копорыи санки обвиваются, особливимъ образомъ: оправивъ съ кожи шерсть, шиваютъ оную мѣшкомъ вверхъ шерстью, и сваря крѣпко ольховой рубленой коры вливаютъ въ помянушой мѣшокъ и зашиваютъ. Спустя нѣсколько времени вѣшаютъ мѣшокъ оной на дерево, и бьютъ палкою, по томъ опять даютъ лежатъ нѣкоторое время, а послѣ опять вѣшаютъ и бьютъ палкою: и сіе продолжаютъ по шѣхъ порѣ, пока краска въ кожу довольно вѣстятъ; тогда расшиваютъ мѣшокъ, растягиваютъ кожу и сушатъ на воздухѣ, а наконецъ мнутъ до мякка руками, и употребляютъ въ дѣло. Такія кожи на сафьянѣ много походятъ, однако Ла-

Томъ II Е мушки

мушки, какъ пишеть Стеллеръ, лучше ихъ умѣюшъ выдѣлывать, а называютъ ихъ Мандарами, и каждую кожу продаюшъ до осьми гривенъ.

Тюленью шерсть, кошорую просто называютъ краскою, и окладываютъ ею платье и обувь, красяшъ онѣ бруснишнымъ сокомъ сваря его съ ольховою корою, съ квасцами и съ каменнымъ масломъ, и сія краска бываетъ жаркова цвѣшу.

Плашье и обувь шивали онѣ костяными иглами, а вмѣсто нитокъ употребляли оленьи спановыя жилы, кошорыя раздѣля сучашъ какъ нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей дѣлаюшъ онѣ изъ рыбныхъ сухихъ кожъ, а особливо изъ Китовой. Оныя кожи обвершываютъ въ бересто, загребаюшъ въ горячей пепелъ, и не много спустя вынимаюшъ, и употребляютъ на что надобно. Имъ можно клеить спольже крѣпко, какъ лучшимъ карлушчешымъ клеємъ.

Г Л А В А 7

О Камчатскомъ плашьѣ.

Матерія, изъ кошорой Камчадалы прежде сего носили платье, и нынѣ по большей части носятъ, оленьи, собачьи, неръпичьи и другихъ какъ морскихъ, шакъ и земныхъ звѣрей, и пшичьи кожи, кошорыя они безъ разбору въ одну шубу шивали, что еще и мѣ въ Курильскихъ паркахъ случилось видѣшъ, но однако въ верхнемъ плашьѣ имѣюшъ ошмѣну, хошя она и не весьма велика.

Верхнее

Камчаткаль изъ Злынекъ Матъи.

Верхнее плащье по казачьи называется куклянка, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ Коависъ, а отъ южныхъ Кахпитачъ: а дѣлающся куклянки двумя разными покроями, у однѣхъ подолъ бываетъ ровной, а у другихъ назади съ нарочитою выемкою и съ хвостомъ долгимъ: первыя подъ именемъ куклянокъ круглыхъ, а другія подъ именемъ куклянокъ съ хвостами извѣстны. Впрочемъ шьющя изъ кожъ оленьихъ длиною нѣскольکو ниже колѣней съ широкими рукавами и съ кулемъ, кошорой на голову въ случаѣ вьюги поверьхъ шапки надѣвается. Воротъ у нихъ какъ шолько головъ пройши, къ вороту пришиваются сабачьи лапы, кошорыми въ погоду лице закрываютъ. Вкругъ подолу, рукавовъ и вкругъ куля опушиваются куклянки рослою бѣлою сабачиною, что выше всякаго пуху почитается. На спинѣ пришиваются къ нимъ ряски изъ ремешковъ распестренныхъ краскою, а иногда и по двѣ великія шишки расшитыхъ шелками или различныхъ цвѣтовъ ремешками и распестренныхъ краскоюжъ. Надѣваются обыкновенно парами, нижняя шерстью, а верхняя мездрой внизъ. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираютъ кожи такихъ шерстей, каковы въ чести у нихъ, а именно черная, бѣлая и пѣгая, кошорая выше всѣхъ почитается. Однако сего плащья за сущее Камчатское почестъ не можно, ибо они отъ Корякъ его получали, а сами шивали наиболѣе изъ сабачьихъ кожъ изъ соболей, лисицъ, еврашекъ и изъ каменныхъ барановъ, впрочемъ тѣмже покроемъ, какъ выше показано.

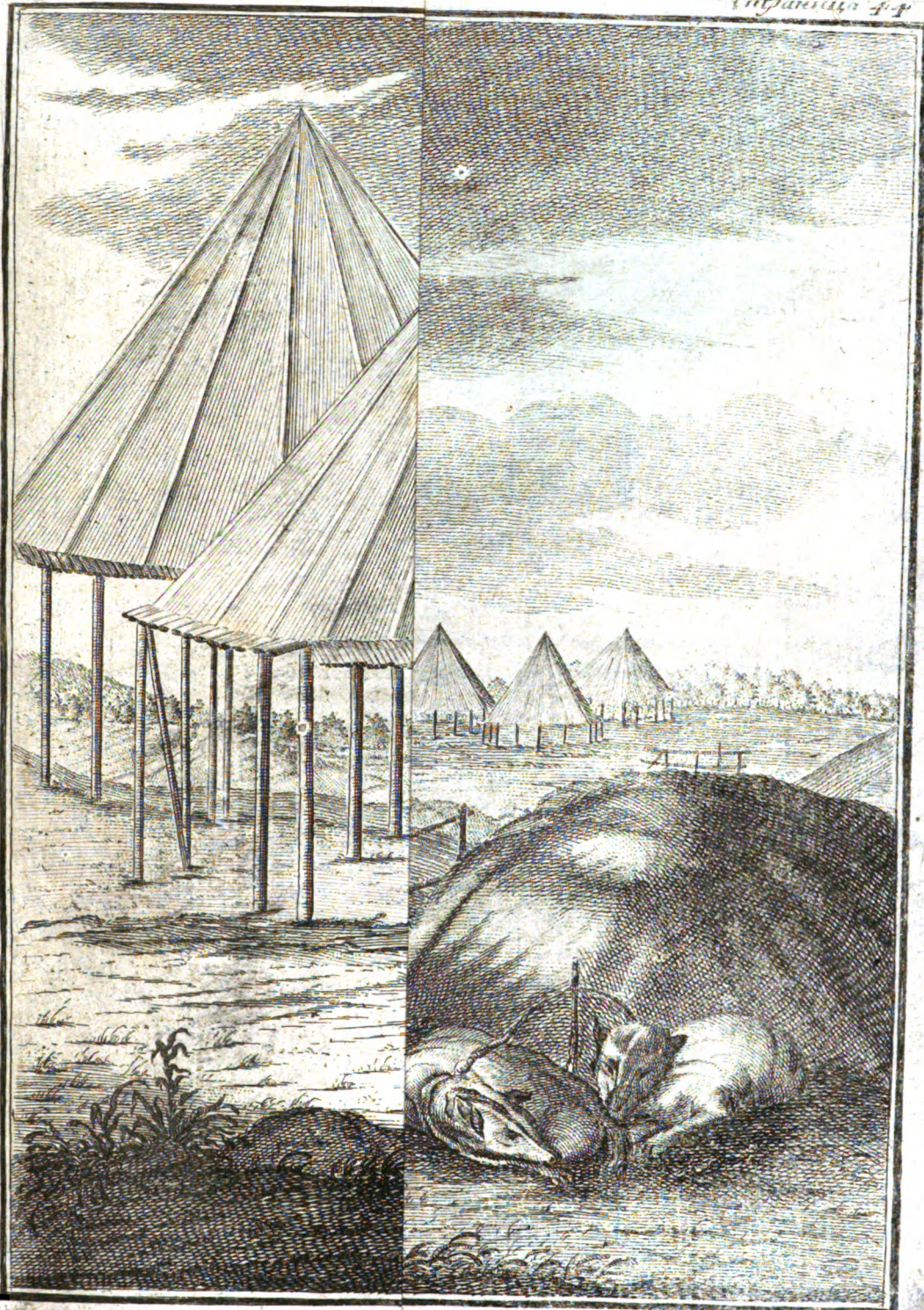
Есть еще плащье называемое камлѣи, кошорое парами же носится, а разность его отъ куклянокъ со-

стоитъ въ одной длинѣ, что оно дѣлается почти по пяты, сверхъ того никакими красками не красится. Но и сіе отъ Корякъ же получается.

Лучшее плашье, кошорымъ и козаки и Камчадалы щеголяютъ, по казачьи называется пѣрка, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ шингекъ, а отъ южныхъ шангакъ, длиною бываетъ съ куклянку, въ подолѣ ширѣ, а подъ мышками уже, съ рубашечнымъ ворошомъ и съ рукавами узкими. Въ кругѣ подолу, ворошу и въ кругѣ рукавовъ обшиваешся подзорами, и окладываешся бобровымъ пухомъ.

Подзоры у сѣверныхъ Камчадаловъ чѣсту а у южныхъ Еганемъ называемые, шьются слѣдующимъ образомъ: замшею ремень шириною пальца на полтора разчерчивается клѣшками въ три ряда: клѣшки длиною бываютъ около полувершка, и каждая разнымъ шелкомъ разшивается выключая верхней рядъ, которой черезъ клѣшку вышивается бѣлыми волосами изъ бороды оленьей. Къ шакому ремню сверху и снизу пришиваютъ по красному или черному мандарному ремню, которой узорами жъ изъ сабачья горла выдѣланнаго на подобіе лайки распестренъ. Къ ремнямъ пришиваютъ сабачье жъ горло вырѣзанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покореніи, а до того распестряли ихъ оленьими волосами крашеною шерстью и сабачьимъ горломъ.

Вышепомянутое плашье и мушины и женщины безъ разбору носятъ, а разность между мужскимъ и женскимъ состоитъ въ нижнемъ плашьѣ и въ обуви. Женское нижнее плашье, въ кошоромъ онъ дома

Камчадалка съ Дѣтѣми въ Простомъ Платьѣ

дома обыкновенно ходящѣ, содержитѣ и штаны и душагрейку вмѣстѣ сшишыя. Штаны длиною и шириною подобны Голанскимъ обрюкамъ, и также подвязывающя ниже колѣна: а душагрейка съ воротомъ, кошорой на веревочкѣ и сшягивается и распускается. Сіе платье называется хоньбами и съ ногъ надѣвается. Оно бываетъ лѣтнее и зимнее: лѣтнее шьется изъ ровдугъ или изъ кожъ морскихъ звѣрей выдѣланныхъ на подобіе ровдугъ, а зимнее изъ оленьихъ, и изъ кожъ каменныхъ барановъ, кошорое онѣ носятъ иногда вверхъ, а иногда внизъ шерстью. Муское покоевое или домашнее платье есть ременной поясъ по ихъ Мѣхва, у котораго напередѣ пришитъ мѣшечикъ для прикрытія тайнаго уда, а назади ременныя мохры для прикрытія заду, впрошчемъ бываетъ оной раскрашенъ и перпичьею крашеною шерстью. Въ семъ платьѣ хаживали прежде сего Камчадалы не шокмо дома, но и на промыслахъ въ лѣтнее время: но нынѣ употребляется оно шокмо у отдаленныхъ отъ Россійскихъ остроговъ, а ближніе носятъ рубахи, кошорыя покупаютъ у Рускихъ.

Лѣтніе штаны какъ у мужскаго, такъ и у женскаго полу одинакіе: шьются изъ разныхъ кожъ на подобіе поршковъ, каковы носятъ мужики деревенскіе, шокмо поуже. Зимніе мускіе штаны хотя шѣмже покромѣ бываютъ, какъ лѣтніе, однако съ шою отмѣною, что ширѣ и что огузье у нихъ въ низъ шерстью, а сопли, на кошорыя обыкновенно олени или волчьи камасы употребляются, вверхъ шерстью, Поконецъ соплей бываетъ ровдужной, или суконной опушень, въ кошорой ремень продѣвается для завязыванія

зываетъ обуви, на которую надѣваются, чтобы снѣгъ за оную не засыпался.

Мужская обувь отъ женской вообще различуется тѣмъ, что у мужской голенищи коротки а у женской по колѣно долги, впрочемъ шьется изъ различныхъ кожъ: которую носятъ лѣтомъ въ мокрую погоду, ша дѣлается изъ сырой шюленьей кожи вверхъ шерстью наподобіе поршней, каковы носятъ Сибирскіе казаки и Ташары, когда бечевою ходятъ: ибо и поршни шьются изъ сырой же лошадиной или коровьей кожи вверхъ шерстью. Зимнюю обувь, въ которой ходятъ на промыслы, шьютъ изъ сушеной рыбьей кожи, а особливо чавычьею, Кайковой и Няркиной, но она хороша только въ морозы, а въ мокрую погоду тотчасъ расплывається. Наболѣе употребляютъ на зимнюю обувь оленьи камасы, которыя носятъ вверхъ шерстью, подошва у нихъ бываетъ изъ дахшашной кожи, а для большаго тепла собираютъ ихъ и изъ лоскутъ оленьихъ камасовъ, у которыхъ шерсть долга, и изъ медвѣжьихъ камасовъ, въ которыхъ подошвахъ сверхъ тепла и сія есть выгода, что можно ходить и по скользкимъ мѣстамъ безъ опасности.

Лучшая обувь, которою также какъ нарками Казаки и Камчадалы щеголяютъ, шитые шорбасы, которые походятъ нѣсколько на упуки и также подвязываются ремнями. Подошва у нихъ бываетъ изъ шюленьей бѣлой кожи, головы изъ красной мандары, возьмы изъ бѣлой лайки или по ихъ сабачьи горла, а голенища изъ замши или изъ шюленьей крашеной кожи, къ которымъ на верху широкіе подзоры пришиваются, каковы

Камидаль въ летнее платье,

Качадалма пѣ само ѣже мно ѣтно убрѣдѣ .

каковы къ паркамъ. Сія обувь такой важности, что ешья на холостомъ ея увидятъ, помъ часъ будетъ подозрѣніе, что у него ешь любовница. Такія порбасы по Камчатски называются Эгоеинутъ и Дзилетъ.

Чулки носятъ они изъ сабачьихъ кожъ, а называютъ ихъ чажами, но больше обвиваютъ ноги тоншичемъ, отъ чего по скаскамъ ихъ не меньше чажей шепла, а при томъ сія выгода, что не потѣютъ ноги.

Шапки носятъ такіяжъ какъ Якутскія: но господинъ Стеллеръ объявляетъ, будто прежъ сего бывали у нихъ шапки изъ пшичьихъ перьевъ и изъ звѣриныхъ кожъ безверхія, на подобіе старинныхъ нашихъ преуховъ бабьихъ; токмо съ тою ошмѣною, что уши у Камчатскихъ шапокъ не сшивались вмѣсто. Лѣтомъ носятъ они берестенные умбракулы, которые завязываются на зашылкѣ, а у Курильцовъ лѣшнія шапки плешеныя изъ травы наподобіе вѣнчика.

Женской лучшей головной уборъ парикъ, о которомъ выше упомянуто. Сіи парики такъ любы имъ бывали и милы, что по объявленію Стеллера, препятствовали многимъ къ воспріятію православной вѣры: для того что при крещеніи снимали съ нихъ такое странное украшеніе: а у которыхъ натуральные волосы по паричному расшипы были, тѣхъ оспригали къ чувствительной ихъ печали и горести. Дѣвки расплешали волосы свои на мѣлкя косы, которыя для лоску мазали шюленьимъ жиромъ. Но нынѣ все ошмѣнилось: ибо какъ женщины такъ и дѣвки по Россійски убираются. Носятъ тѣлогреи и юпки, носятъ рубахи съ манжетами, носятъ кокошники, чепцы, и золошья лешы,

а своимъ развѣ токмо шѣ не гнушаются, которымъ лѣшѣ по 80 отъ роду.

Женщины всякую работу дѣлають въ перчаткахъ, которыя шьются безъ пальцовъ, и никогда ихъ не скидають.

Лица прежде сего умывать не знали, но нынѣ бѣлятся и румянятся. Въмѣсто бѣлилѣ употребляютъ гнилое дерево, которымъ мѣлко изтертымъ напираются, а румянятся вѣкошорою *шравою морскою, которая видомъ какъ Елочка. Сію шраву мочатъ онѣ въ тюленьемъ жиру, и намазываютъ щѣки столько же красно, какъ румянами.

Большее щегольство и наряды бывають у нихъ зимою, когда много проѣзду. Естли появился споронней, то всѣ за нарядъ принимаются, моются, бѣлятся, и одѣваются въ лучшее платье.

Но естли которой Камчадалъ пожелаетъ и себя одѣть и домашнихъ, то ему понадобится не меньше ста рублей на самое роскошее платье: ибо шамъ и шерстяные чулки, которые здѣсь по дватцати копеекъ продаются, меньше рубля купить ему нельзя; для того что и Россійскіе жители ниже того не покупають: изъ чего о другихъ вещахъ рассуждать можно. Курильцы всякое дорогое платье покупають больше въ соснояннѣ, нежели Камчадалы: ибо они на одного бобра морскаго, которые и на Камчаткѣ отъ 15 до 40 рублей продаются, столько могутъ купить, сколько Камчадалъ лисицъ на дватцать; а бобра Курильцу легче

* *Fucus marinus* abietis forma.

Pinus maritima f. *fucus teres* &c. Dood. abb. 326. Raj Lun.

легче достать, нежели Камчадалу пшшь лисцѣ: для лучшей промышленности хорошей годѣ и звѣремъ довольной, промыслишь: а Курилецѣ и въ худой годѣ поймемъ шрехъ звѣрей, не упоминая о морскихъ привалахъ, при кшорыхъ случаяхъ получающъ они великое богатство.

ГЛАВА 8.

О пицѣ и питіи Камчатскаго народа и о пріуготовленіи оныя.

Уже выше сего объявлено, что Камчадалы питаются кореньемъ, рыбою и морскими жившными, а во второй части описаны и самыя оныя вещи, которыя служатъ къ ихъ содержанію. Чего ради здѣсь должно упомянуть объ одномъ шокмо ихъ пріуготовленіи, и различныхъ каждой пици наименованіяхъ, начиная ошъ рыбы, кошорая за хлѣбъ ихъ почешься можешъ.

Главная ихъ пица, кошорую должно почешъ за ржаной хлѣбъ, есть юкола, кошорую дѣлающъ они изъ всѣхъ рыбъ лосося роду. Каждую рыбу разнимающъ они на шесть частей, бѣка съ хвостомъ особливо вѣшаютъ и сушатъ на воздухѣ; и сія сушеная рыба свойственно юколою называешся: снпки и шюши, или по ихъ пупки, особливо гонешятъ, а больше паровятъ. Голову квасятъ въ ямахъ, пока весь хрящъ покрасиешъ, и вѣшатъ ихъ вмѣсто соленыхъ, почишая за пріашиое кушанье, хотя вѣни ошъ нихъ шер-

Томъ II

Ж

пѣшь

пѣшь почти не можно. Тѣло , которое по снятіи боковъ осмаша на костяхъ , ~~особливо~~ ^{употребляющъ} , а сушатъ вязками ~~коихъ~~ ^{въ} вязкахъ сушатъ для содержанія сабакъ своихъ. Такимъ образомъ готовится юкола и у другихъ народовъ изъ всякихъ рыбъ и вездѣ извѣстна подъ именемъ юколы, а бдяшь оную наибольше сухую. Камчадалы своимъ языкомъ называютъ ея зааль.

Второе Камчатское любимое кушанье икра рыбья по ихъ именуемая инешоль, которая проякимъ образомъ приготавливается. 1) Сушится на воздухѣ вязками, 2) вынимается изъ перепонки , въ которой какъ въ мѣшечкѣ содержится , и наливается въ спешли или дудки различныхъ травъ , а особливо сладкой травѣ и у огня сушится, 3) дѣлается прутьями и въ лисьѣ травяномъ сушится. Никто не ходишь на промыселъ или въ дорогу безъ сухой икры какъ безъ надежнаго содержанія. Буде у Камчадала фунтъ икры , то онъ долго жить можешъ безъ другой пищи; всякая береза и ива запасъ его, и онъ корку съ сихъ деревъ съ икрою столь же пріятно ѣсть можешъ, какъ другія кушанья, но икрою и коркою порознь питаешь долго не можешъ. Ибо икра безмѣрно клейка, и шакъ въ зубахъ вязнешъ, что трудно и вычистишь; а кора сука шакъ чпо и шому надивишь довольно не лья, когда они для забавы и безъ икры иногда бдяшь ея вмѣсто конфектовъ; ибо другой, сколько бы ни жевалъ ея, подлинно не свободно проглатишь, но когда оба сіи кушанья вмѣстѣ употребляющъ , то одного недосташокъ, какъ они говорящъ , другимъ награждаешся. Есть

Есть еще четвертой образецъ пріуготовленія икры, но оной не у однихъ Камчадаловъ, но и у Корякъ примѣчается. Свѣжую икру кладушъ они въ ямы услан- ния шравою, и закрывъ шравоюжъ и землю квасяшъ, и сія кислая икра почитается у нихъ за такоежъ пріятное ку- шанье, какъ у насъ зернистая икра свѣжая. Но Коряки квасяшъ одну въ мѣшкахъ кожаныхъ, а не въ ямахъ.

Третье кушанье Камчатское называется Чуприки, которые готвяшъ изъ разныхъ рыбъ слѣдующимъ образомъ: Въ юртахъ, въ балаганахъ и въ барабарахъ надъ очагомъ дѣлаюшъ они помостъ изъ колья, и кладушъ на оной рыбы въ вышину до трехъ аршинъ, послѣ шого наштапливаюшъ юрту или балаганъ, какъ баню, и скушыва- юшъ жарко; ешлы рыбы на помостнахъ не много накла- дено будетъ, шо она поспѣваетъ скоро, и бываетъ шогда готова, какъ юрта протшываетъ; въ противномъ же случаѣ наштапливаюшъ ихъ по нѣскольку разъ пере- мѣшивая рыбу. Такая рыба бываетъ полужареная и копченая и вкусомъ весьма пріятная, шакъ чшо сей вымыселъ пріуготовленія рыбы можетъ почестъся за самой лучшей на Камчаткѣ: ибо весь сокъ и жиръ весьма шихо, и какъ бы въ вольной печи выжаривается. Тѣло рыбе въ кожѣ, какъ въ мѣшкѣ лежитъ, ко- шорую снять можно безъ шрудности. Пошрохъ и ки- шки вынимаюшся изъ рыбы, когда она поспѣетъ. Тѣло растираетъсѣ мѣлко, сушитъсѣ на рогожахъ до суха, и кладетъсѣ въ мѣшки изъ шравы плешеные. И сіе ешть настоящая Камчатская порса, кошорую и Тунгусы около Охотска шакже готвяшъ. Вяжушъ же шакую жареную рыбу и плешенками не расшிரяя шѣла, и ѣдяшъ сухую какъ юколу.

Самое деликатное Камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасящъ въ ямахъ такимъ же образомъ, какъ о кислой икрѣ показано, а называютъ оную Хуйгуль. Можно за истинну сказать, что сквернее дуку не бываетъ отъ упади, однако Камчадаламъ кажется оной ароматнымъ. Иногда сія рыба такъ въ ямахъ изгниваетъ, что не иначе ея, какъ ковшами черпающъ; но такая для собакъ употребляется, и подбалшывается въ опаны ихъ вмѣсто муки овсяной.

Господинъ Шеллеръ пишетъ, что и Самодь рыбу квасящъ же, и для мерзлой земли бываетъ рыба ихъ гораздо лучше. И Якушы такое же имѣющъ обыкновеніе; роютъ глубокія ямы, наполняютъ рыбою, пересыпаютъ золою, покрываютъ листьями, и засыпаютъ землею, и сей ихъ вымыселъ гораздо лучше; ибо отъ рыбы не бываетъ вони. Тунгусы и Казаки въ Охотскѣ такимъ же образомъ какъ и Якушы готовятъ рыбу, шокмо съ сею ошибкою, что вмѣсто дровяного пеплу употребляютъ пепелъ изъ пережженной морской травы. Свежую рыбу варятъ въ корытахъ, выбираютъ на ложки и просудя ѣдятъ съ прилебкою, которая дѣлается изъ сладкой травы въ водѣ моченой.

Что касается до мяса морскихъ и земныхъ звѣрей, то варятъ ихъ въ корытахъ съ разными кореньями, а особливо съ сараню: похлебку пьютъ ковшами или чашами, а мясо съ ложка ѣдятъ руками, и похлебки всѣ вообще, въ томъ числѣ и собачью, называютъ Опанга. Кишовой и нерпичей жиръ ѣдятъ вареной съ кореньями и парвеной въ ямахъ. Вареной жиръ, а наипаче

паче перпичей, кроящъ ремнями, и сколько въ рошѣ захватящъ, столько ножомъ отрѣзываютъ у самыхъ губъ, и дѣломъ глошаютъ, какъ крохали или чайки рыбу.

Главное и богачее кушанье, которое готовится на пирахъ или въ праздники, называется Селѣга, а по казачьи толкуша. Дѣлается изъ различныхъ кореньевъ и всякихъ ягодъ толченыхъ съ икрою, съ перпичимъ и китовымъ жиромъ, а иногда и съ вареною рыбою. Толкуши изъ кислыхъ ягодъ и сараны весьма пріятны, по тому что и кислы, и сладки и сышны; но нестерпима скверность въ пріугошовленіи, а особливо шѣхъ толкушъ, которыя дѣлаются жидкія: ибо баба, которая вѣкъ свой рукъ немывала, пошолокши коренья въ поганой чашѣ разбиваетъ оное по докошъ обнаженною грязною рукою, которая пошомъ бываетъ какъ снѣгъ бѣла въ разсужденіи шѣла. Кратко сказать, брезгливому не снести и пріугошовленія сего кушанья безъ движенія внутреннихъ.

Что касается до пишья, то Камчадалы не знали кромѣ воды до самаго своего покоренія: для веселья пивали они мухоморъ въ водѣ настоянной, о чемъ ниже будетъ объявлено, а нынѣ пьютъ и вино, какъ и шамшнѣ Россійскіе жители, и совсѣмъ на немъ пропиваются. Воды пьютъ много послѣ обѣда. Въ вечеру никто не ложится спать не поставя у постели ведра воды при шомъ кладущъ въ нее много льду и снѣгу, чтобъ не нагрѣвалась, по ушру ни у кого ни капли воды не увидишь въ посудѣ. Зимю особливо забавляются они снѣгомъ, бросая часто по горсти въ рошѣ;

рошѣ; и женихамъ, которые рабошають у будущихъ шесшей своихъ, лѣшомъ самая трудная служба до-вольствовашь ихъ снѣгомъ, ибо они должны бывають ходить по снѣгѣ на высокія горы, въ какую бы ни случилось погоду, въ противномъ же случаѣ можешъ досадишь имъ непрощительно.

Г Л А В А 9.

О ѡздѣ на сабакахъ и разныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ.

Что Камчадалы и шамошніе казаки зимою сабакъ вмѣсто лошадей къ ѡздѣ употребляють, о томъ уже выше упомянуто. А здѣсь объявить должно, каковы ихъ сабаки, что къ ѡздѣ на нихъ пребуется, и какъ на нихъ ѡздяшь.

Камчатскія сабаки ошѣ нашихъ дворовыхъ протшыхъ сабакъ ничемъ не разишвуютъ, ростомъ ошѣ по большой части среднія, и шерстью шакъ какъ наши различныя; однакожъ можно вообще сказать, что шамъ бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ больше, нежели другихъ шершей.

Къ ѡздѣ употребляются кладеня, а запрягаютъ ихъ обыкновенно по чешыре въ санки, по двѣ въ корени, и по двѣ на переди, и чешверня сабакъ называешся шамъ наршою, шакъ какъ здѣсь шесшь лошадей цугомъ.

Приборы надлежащіе къ ѡздѣ на нихъ санки, Алаки, побѣжникъ, узда, ошейники, вязки и ошшаль. Санки

Савки по ихъ Шѣжедѣ дѣлаются о двухъ копылахъ. Копылье гнуща изъ кривова березоваго дерева, на подобіе раздвинушаго циркуля вышиною въ при четверти, а разстояніе между ножекъ въ низу на поларшина. На каждомъ копылѣ въ изгиби проверчены по двѣ дырочки. Ножки у нихъ близъ нижняго конца зарублены, а на самомъ концѣ вырѣзаны. Сквозь помянутыя дырочки продѣваются въ оба копыла шоненькіе башожки, которыми оныя связываются, разстояніемъ на аршинъ между собою. Къ каждому башожку приплещается ремнями другой башожокъ равной длины и шолщины. Передніе концы оныхъ башожковъ съ задними шахъ крѣпко стягиваются ремнемъ, что съ обонхъ концовъ спановящая дугою. Въ доль по башожкамъ привязываются лучки вверхъ рожками одинъ отъ другаго на четверть и меньше. Рожки у помянутыхъ лучковъ зарублены, за которые зарубки прикрѣпляются оныя въ ремнямъ, коими концы башожковъ спявуются. По концамъ башожковъ кладутся поперечныя палочки, и увиваются ремнямижъ. Такимъ образомъ оснуется рѣшетка, которая бываеиъ на подобіе долгаго глубокаго и узкаго лощка, длиною аршина полутора и доль, а шириною въ поларшина и уже. Подозье, на которое спавишя объявленная рѣшетка, длиною бываеиъ четвершей въ 11, шириною вершка въ полтора, а шолщиною едва въ полдюйма. Въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояиъ копылье, осшавляются горбки, къ верху воспрые, а въ срединѣ прорѣзанные, на которые посшавленное копылье привязывается продѣваемыми сквозъ прорѣзанные горбки и къ зарубкамъ

камъ на ножкахъ копыля находящися прикрѣп-
ляемыми ремнями. Головки у полозья бывающъ не
крупы, но ошлоги, и по концамъ вмѣсто вязка по-
перечною палкою перевязаны.

Алаки или лямки дѣлаются изъ широкихъ, мя-
кихъ и въ двое изогнутыхъ ремней, которые на са-
бакъ черезъ переднюю лапашку накладываются, пра-
вой сабакъ черезъ лѣвую, а лѣвой черезъ правую. Къ
концамъ алаковъ привязывается долгой и тонкой ре-
мень съ кляпомъ на концѣ, пошягомъ называемой, ко-
шорой объявленнымъ кляпомъ въ кольцо находящее-
ся на поперечинѣ у головашекъ вкладывается.

Побѣжникъ называется долгой ремень, у котораго
на одномъ концѣ привязывается кляпъ, которой вкла-
дывается въ кольцо на срединѣ поперечины головашекъ
укрѣпляемое, а на другомъ цѣпочка, у которой какъ
по концамъ, такъ и на срединѣ кольца. Оной побѣ-
жникъ служилъ вмѣсто дышла, а цѣпочка на немъ
вмѣсто коромысла, ибо имъ коренныя сабаки свя-
зываются, чшобъ въ рознь не разбѣгались.

Уздою называется шакѣйже ремень съ кляпомъ и
цѣпочкою, кошорою переднія сабаки связываются, шокмо
гораздо долѣ: ибо конецъ его съ кляпомъ къ кольцу
на головашкахъ прикрѣпляется.

Ошейники дѣлаются изъ широкихъ же ремней, а
на нихъ по кляпу висятъ на корошкихъ ремняхъ,
кошорые въ кольца цѣпочки на уздѣ или побѣжникѣ
продѣваются. Дѣлаются жъ ошейники и изъ медвѣжьей
кожи вверхъ шерстью, и для прикрасы на сабакъ на-
дѣваются.

Вязки

Вяски, на которыхъ сабакъ вѣшуютъ, дѣлаются косяныя или деревяныя, у которыхъ на одномъ концѣ дирочка, а на другой зарубка. Въ дирочку вкладывается кляпъ отъ ошѣйника, а за зарубку привязывается длинный ремень, чтобы сабакъ около столба ходить было можно. Оныя вяски для того употребляются, что сабаки отъ ремней или отъ веревокъ отбѣдаются, а желѣзныхъ цѣпей у нихъ не бываетъ.

Ошшаломъ называется кривая палка, длиною аршина въ полшара, которыми сабакъ погоняютъ, останавливаютъ и правятъ. Для понужденія сабакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики, останавливаютъ ударивъ ошшалъ передъ копыломъ переднимъ и бороздя дорогу. А правятъ, буде надобно въ лѣво, то бьютъ ошшаломъ по свѣгу, и кричатъ уга, буде же въ право, то бьютъ въ передней копылъ и кричатъ Хна Хна Хна; между шѣми ногами бороздятъ, и сабакъ одерживаютъ. Какъ ошшалъ, такъ и санки для прикрасы увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

Санки по Камчатски называются Шѣжхедъ, копылье Ошодъ, Алаки Тѣнаунъ, помяги Игошеидъ, узда Куигулы и побѣжникъ Конпошана.

Сидятъ на савкахъ опустя ноги на правую сторону, а осѣдлавъ санки сидѣть почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидятъ на нихъ Камчадалскія женщины; таковое же бесчестно и то, еже-

либѣ кто даде въ своемъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздяшъ.

Нарши добрыхъ сабакъ покупаются на Камчаткѣ рублоу по пятнадцати, а со всѣмъ заводомъ стано- вится около 20 рублей. Я зналъ одного на Кам- чаткѣ охотника, которому обходилась нарша сабакъ рублей и по шестидесять.

О неспособности ѣзды на сабакахъ изъ одного стро- енія санокъ рассудить можно, что ѣздоку необходимо должно бытъ осторожну и стараться хранить равно- вѣсіе; въ противномъ же случаѣ ускія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскатахъ или ухабахъ опре- ждаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ не- малому кшраку, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо сабаки убѣгають, и не стануть, пока въ жилѣ недушъ, или за что нибудь на дорогѣ зацѣплятъ, а онъ принужденъ бываетъ пѣшь итти, чего ради въ такихъ случаяхъ всякой старается, какъ можно, за сан- ки схватиться, и шагенъ бываетъ иногда съ версту; пока сабаки выбившись изъ силы, остоятся. Въ кото- рыхъ сей наибольше дорокъ, что она какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то на крутыхъ сауткахъ, на нужныхъ черезъ рѣчки пере- ѣздахъ бѣгучи надрываются, и ничѣмъ ихъ оста- новить не можно. И для того на объявленныхъ спу- скахъ сабакъ выпрягають, и въ поводу водяшъ оставя люкмо одну, которая бы санки правила, чшобъ до- рогой далились, а подъ полозье подвязываютъ ремни- ныя кольца, чшобъ не кашки, были.

На

Братошкинъ Копорон на лавікахъ Прокладываетъ Дорогу.

На круныя горы поднимаясь должно итти пѣшкомъ, ибо сабаки и простыя санки извозятъ съ нуждою. Глухой клади возятъ на нарѣ по пяши пудъ не считая корму, кошорой подводчики для себя и для сабакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по торной дорогѣ переѣзжаютъ верстѣ по 30 на день и больше: а на легкѣ, особливо же весною по насту, на косяныхъ полозьяхъ верстѣ по полшорасна.

Когда вынадаешь глубокой елѣ, то не проложи дороги на сабакахъ ѣхать не можно, прокладываютъ дорогу подводчики, а по шамонному каторы, на лапкахъ, кошорыя бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются изъ двухъ не весьма толстыхъ брусковъ на среднѣ двѣмъ поперечинами расперныхъ, а по концамъ вмѣстѣ съплнушыхъ, и напередѣ къ верху загнутыхъ, и ремнями часто переплетенныхъ. На впоркахъ привязывается пушко, кошорое на ногу надѣвается. Бродовщикъ долженъ итти на обѣихъ ногахъ по объявленной лапкѣ, и основа сабакъ на мѣстѣ итти впередъ на нѣкоторое разстояние, а по томъ ворочиться шюже дорогою къ сабакамъ, и вестъ ихъ по проложенной дорогѣ. А по томъ есшавя ихъ пакѣ итти впередъ, и такъ мучиться до самаго шилья. Въ сей случай ѣзда бываетъ столь медлѣнна, что въ день едва десять верстѣ переѣхать можно. Употребляются къ прокладыванію дороги и обыкновенныя лыжи, однакожь не столь часто. Ни одинъ подводчикъ безъ лыжъ или безъ лапакъ въ дальнюю дорогу не ѣдитъ.

*Вящшее неспокойство въ бадѣ, бываешъ, когда на пустыхъ мѣстахъ, встанешъ вьюга. Тогда съ возможнымъ поснѣженіемъ, надлежишь съ дороги въ лѣсѣ сворачивать, и лежать вмѣстѣ съ сабаками, пока утихнешъ погода, которая иногда по недѣлѣ продолжается. Собаки лежатъ весьма тихо, но въ случаѣ голоду обвѣдающъ всѣ ремни, узды, побѣжники и прочіе санные приборы. Буде погода захватитъ нѣсколько человекъ вмѣстѣ бѣдующихъ, тогда пробѣжитъ имѣющъ сію выгоду, что они могутъ шепель себя здѣлать, и окопаться снѣгомъ: но Камчадалы шепель мало дѣлающъ, а ошлеживающъ наибольше въ ямахъ усланыхъ съ деревъ вѣтвями, обернувшись въ свою куклянку и рукава спустя: при чемъ шакъ ихъ заноситъ снѣгомъ, что ни рукъ, ни ногъ, ни головы не видно. Подъ снѣгомъ оборачивающяся они какъ шаръ, однако весьма осторожно, чтобъ снѣгу, которымъ занесены, не рассыпашъ: ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юршѣ, имѣя скважину для дыханія, которая надъ ртомъ пронаеваетъ. Еслили плащѣ на нихъ узко и подвязано поясомъ, то сказывающъ она, что сшужи не можно тогда вышерить; для того что плащѣ отъ паровъ намокнешъ и грѣть не будетъ.

Когда погода заспанешъ на чистой шундрѣ, въ шакомъ случаѣ ищущъ какого нибудь бугорка, и подъ него ложатся; а чтобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, то каждую четверть часа вставши, отрясающяся. Но цоцезе въ воспочные и южновоспочные вѣтры бываешъ обыццвенно мокрой снѣгъ, что пробѣжитъ обмокнувъ

* Изъ Шеллерова описанія.

мокнувъ часто замерзающъ, ибо такія погоды наибольше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и спужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и по шому опасна, что многія рѣки или не вездѣ становящяся, или сѣ полыньями превеликими, кошорыя и вѣ самыя жестокіе морозы не замерзающъ. А понеже дорога наиболѣе по рѣкамъ бываешъ, для шого что берега гористы, и индѣ почти непроходимы, шо рѣдкой годѣ проходитъ, чтобъ людымъ вѣ ѣздѣ не случилось урону, ибо индѣ должно пробираться по самымъ узкимъ закраинамъ; а буде обломаящяся, или санки вѣ воду скашящяся, шо нѣшъ никакого спасенія. Быстрина рѣки не допуститъ справитъ; а хотябъ вѣ шомъ кому и пощасливилось, шо обмокнувъ погибаетъ сѣ болѣшею мѣкою, когда нѣшъ жилья вѣ близости.

Немалая же трудность состоитъ и вѣ шомъ, что много случается ѣздитъ чрезъ частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться, чтобъ не потерять глазъ или не переломать рукъ и ногъ, особливо же что сабаки вѣ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю силу употребляющъ, чтобъ бѣжать скорле, и зброся хозяина свободитъ ошъ тяжести, какъ уже выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда вѣ мѣсяцахъ Мартѣ и Апрельѣ по насту; однако при шомъ сѣ беспокойство, что по двѣ и по три ночи принуждено иногда ночевать на пустомъ мѣстѣ; а Камчадаловъ трудно принудитъ, чтобъ они расклали огонь для варенія или для обогрѣнія, ибо они сѣ своими сабаками ѣдятъ сухую рыбу сидя на цыпочкахъ спустя штаны и куклаику. При

чемъ довольно надивнисься не лъзя, 1) что они могутъ и сладко спать въ темъ бѣдномъ положеніи, 2) шепломъ ихъ природной, что они снужи мало чувствуютъ, ибо они вставши по ушру сють шеплы и красны бывають, какъ бы въ шепломъ покоѣ спали. Но сія шепломна почти всѣмъ шамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иневѣрцевъ, коимъ образомъ они на пустыхъ мѣстахъ съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснулъ, и огонь пошухъ, что хощя спина и заидѣвала, однако они спали безъ просыпу, будио бы ихъ огнемъ пригрѣвало.

ГЛАВА ІО

О военномъ Камчатскомъ ополченіи.

Хощя Камчадалы до покоренія Россійскому государству не были властолюбивы, и о распространеніи границъ ни малаго не имѣли попеченія, какъ уже выше показано; однако столь часто между собою воевали, что году не проходило, въ которомъ бы сколько нибудь оспрожковъ разорено не было. Главное намѣреніе браней ихъ состояло въ томъ, чшобъ получить плѣнниковъ, которыхъ они въ плякія работы употребляли, а особливо женскаго пола, которыхъ они брали въ наложницы и въ супружество, а о причинѣ, была ли она или нѣтъ, законна ли или незаконна, не много они рассуждали. Иногда сосѣдственные оспроги и за шо другъ прошивъ друга вооружались, чшодѣши

дѣши между собою поссорились, а естѣли кто кого познавъ въ гостѣи не столько, какъ надлежало, подчивалъ, шо сіе вмѣнялось за такую обиду, которую мстити надлежало не иначе, какъ погубленіемъ всего острѣга, въ которомъ случалось шоль непріятельской дѣйствіе.

Но въ войнѣ дѣйствовали они больше обманомъ нежели храбростію, ибо они шакъ робки, что явля напасш не отважущся, кромѣ необходимой нужды; а сіе шѣмъ удивительнѣе, чѣмъ сей народъ меньше жалѣеть о своей жизни, ибо они и добровольно умирають не сумнѣвающихся. Въ непріятельскіе острожки врывались они ночнымъ временемъ, что могли дѣлать безъ препятствія для того, что карауловъ у нихъ не бываетъ. Такимъ образомъ и малолюдствомъ губили они значное число непріятелей безъ всякой себѣ опасности и сопротивленія. Вся трудность въ одержанію побѣды состояла въ томъ, чшобъ ускоривъ взбѣжашъ на юршу не выпустия изъ нея ни челоуѣка, и спашъ надъ окномъ съ палкою или съ чекушкою, ибо осажденнымъ по состоянію строенія юршѣ должно выходить шѣмъ окномъ по челоуѣку, которыхъ осаждающіе и биятъ и вьзашъ могли въ небольшемъ числѣ.

Съ павинниками мужеска полу особливо значнѣйшими удальствомъ своимъ поступалаа они съ обыкновеннымъ всѣмъ шамошнимъ народамъ безчелоуѣиетъ, Жгли, рѣзали, кишки изъ живыхъ мотали, вѣшали за ноги, и всякія дѣлали наругашельства, поржествуя при томъ о побѣдѣ надъ непріятелями. Такое мученіе

ченіе случилось шерпѣшь и нѣкоторымъ Казакамъ во время большаго бунша, когда вся Камчатка находилась въ движеніи.

Тогдашнія ихъ междуусобія не мало способствовали Казакамъ къ покоренію всего народа: ибо когда они въ виду одного острожка приступали къ другому, то не должно было казакамъ опасаться, чтобъ осажденные получили помочь: напротивъ того сосѣди радовались ихъ гибели, или смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ казаки на приступахъ дѣйствуютъ, а послѣ и сами были побѣждаемы.

Противъ казаковъ употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою и больше ихъ губили, нежели оружіемъ. Когда казаки требовали ясаку съ какого нибудь непокореннаго острожка, то весьма рѣдко имѣли сопротивленіе, но почти всегда приниманы были съ честію и любовію какъ пріятели; дарены щедро, подчиваны деvolmente, и ни въ чемъ не имѣли отказа. Такимъ образомъ приведши ихъ въ оплошность побивали въ ночное время, или выбравшись всѣ вонъ изъ юрты зажигали оную съ казаками. Такою хитростью въ двухъ мѣстахъ погибло человекъ до семидесять, которое число въ рассужденіи шамшняго малолѣдства можно почестъ за великое. Случалось же иногда, что Камчадалы не улуча способу побить казаковъ при первомъ покореніи, по два и по три года съ ряду ясакъ платили, а послѣ побивали зборщиковъ, которые обыкновенно въ малолѣдствѣ посылаются.

Но хитрости ихъ, которыя казакамъ прежде бѣдственны были, нынѣ служатъ къ предосторожности.

Ибо

Ибо они чрезвычайно ласковыя прѣмоу описаются, и починаяюхъ ихъ за знакъ несумѣнной измѣны. Томъ разумѣютъ, когда Камчадалки ночью изъ юрты венъ выбираютъ: ибо онѣ не могутъ смотрѣть на кровопролитіе, чего ради и мужа ихъ никогда при нихъ убійства не дѣлаютъ. Когда Камчадалы сны разсказываютъ, что мершвые имъ видѣлись, когда часто разбѣжуютъ въ дальныя гѣспи, изъ шого бунтъ и измѣна немалая заключается, по крайней мѣрѣ не одинъ острогъ, но вѣсколько вмѣстѣ опложаются.

Въ такихъ случаяхъ бьютъ они казаковъ, гдѣ ни попадутся, также и Камчадаловъ, кои стороны ихъ не осмѣляютъ, и съ измѣнниками не вступають въ согласіе. А когда прослышатъ на себя походъ, то не къ сопровивленію гоняются, но къ долговременной осадѣ. Выбираютъ мѣста высокія и утѣсы, строятъ тамъ свои острожки, и увѣривъ ожидають своихъ непріятелей. Приступающимъ храбро прошиваясь, сирѣдѣ изъ луковъ, и употребляя всякіе способы къ защищенію. А когда увидятъ, что непріятель премираетъ, то всякой Камчадалъ заколовъ жену и дѣтей своихъ или стрѣлазъ низвергаетъ, или съ оружіемъ устремляется на непріятеля, чтобъ не умереть безъ ошмщенія. И се на ихъ языкѣ *лостелю лодъ себа достать* называется. Въ 1740 году при нихъ была привезена съ Ушколоки дѣвка, которую тамошніе измѣнники въ шоролливостин не успѣли дорѣзать, когда острожекъ ихъ приступомъ брали; прочіе отъ мала до велика были перерѣзаны, а сами измѣнники съ горы, на кошорой сидѣли, побросались въ море.

Томъ II

И

СЪ

Въ началѣ покоренія Камчатки были покомъ два
 динья на Камчаткѣ нападены, первое въ Большерѣ-
 цкомъ острогѣ. 1710 году; а другое въ 1713 году,
 когда отправление было для покоренія Камчадаловъ
 Авачинскихъ, однако оба случая были имъ весьма не-
 удачны: ибо при осадѣ Большерѣцка хотя они и на-
 дѣялись на великое свое множество шабъ, что каза-
 ковъ, кошорыхъ сидѣло въ осадѣ то человекъ, шап-
 чами замешать не сумѣвались: однако какъ 35 че-
 ловѣкъ высланно было на вылазку, то не могли они и
 пераго стремленія выдержать, но всѣ обрѣтились въ
 бѣгство, кому куды способно было. А понеже они
 припадали къ острогу на башахъ, то бросаясь въ оныя,
 иные перешоули, а иные побиты; всѣ ихъ погибелъ
 столь была велика, что рѣки запрудились трупамъ.
 Авачинскіе иноземцы не меньше имѣли надежды побѣ-
 дить походчиковъ: ибо каждой имѣлъ при себѣ ремень;
 на кошоромъ бы деспи пльнниковъ, однако въвѣсто
 того сами побиты или въ пльнъ взяты. Въ Авачин-
 ской походѣ отправлено было казаковъ сто двадцать,
 да сто пятьдесятъ человекъ Камчадаловъ; изъ чего
 можно разсуждать о множествѣ непріятелей, когда
 они такое множество по рукамъ разобрать надѣялись.
 Военное оружіе и збруя ихъ состоятъ въ сайда-
 какъ, стрѣлахъ, чекушахъ, копьяхъ и куклахъ. Сай-
 даки у нихъ дѣлаются изъ дѣрева лиственишнаго, и
 склеиваются берестою, а шешивы изъ кишовыхъ жилъ.
 Стрѣлы обыкновенно бывають въ аршинъ и въ три
 четверши съ косяными или каменными копейцами, а
 называються онѣ разными именами по разности копей-
 цовъ.

цовъ. Спрѣла съ костянымъ шонкимъ копейдомъ *Неньшъ*, съ широкимъ *Аглыишъ*, съ каменнымъ копейдомъ *Катѣлачь*, тупая спрѣла съ костяною головою или томаръ *Комъ*, деревянной томаръ *Тылшкуръ*. Спрѣлы ихъ хошя и весьма плохи, однако опасны въ ераженіи, ибо онѣ ядомъ бывающъ намазаны, отъ котораго раненой человекъ тотъ часъ опухаетъ, и въ сушки умираетъ почти обыкновенно. И сей бѣды инымъ образомъ не можно избавишься, какъ высасываніемъ изъ раны яду. У копей ихъ копейца бывали каменныежъ и костяныя, какъ уже и выше объявлено. Чекуши по ихъ *Уакарель* называются, у нихъ костяныя рагульки о четырехъ рожкахъ, которыя насаживаются на долги рашовья.

Куюки или лашы дѣлали они изъ роговъ своихъ или чиреловъ, также изъ нерпичьихъ и моржовыхъ кожъ на ремни изкроенныхъ, которые ремни одинъ подъ другой подвѣивали шакъ, что они могли складываться какъ фижмы. Надѣвали ихъ съ лѣваго боку, и какъ душагрѣйку завязывали на правомъ. Съзади пришивали высокую доску, для защиты головы, а съпереди шакуюже къ груди шокмо короче.

Въ дальные походы ѣзжали они на сабакахъ, а въ ближніе пѣшкомъ ходили. Въ лѣтнее время, гдѣ спотобно было, тамъ наибольше употребляли паромы, на которыхъ могли сидѣть во многолюдствѣ.

Въ пѣшей ихъ ходбѣ сіе достойно примѣчанія, что они ни по двое въ рядъ никогда не ходятъ, но всегда поодиночкѣ, а при томъ всегда по однимъ прогамъ, которыя вездѣ глубоко пробишы. Необы-

мновенному по ихъ шропамъ ходишь крайнее мученіе, для шого что оныя шакъ узки, что одна шолько нога и шо прямо ушавливаетса: ибо сей народъ шупень вѣ шупень ходишь.

Господинъ Шеллеръ причиною междуусобныхъ браней шамощныхъ народовъ ненависть же и роскошь объявляетъ, но съ нѣкоторыми особливими обстоятельствоми, которыя сообщимъ здѣсь вѣ дополненіе.

Хошя, пишеть онъ, вѣ Камчаткѣ главнаго начальника прежде и не было, но всякъ жилъ по своей волѣ; однако двѣ внушреннія шпрасши ненависть и роскошь причиною были, что Камчадалы сами свой покой и мирное житіе отвергали, и шѣмъ время ошъ времени больше умалались, и приходили вѣ изнеможеніе. Кѣ непріятельскимъ дѣйствіямъ побуждали ихъ женщины, влашполубіе и всякія домовыя вещи и уборы. Но чтошбъ каждой могъ непріятелю прошивишься, шо поддавались они шпаршимъ, храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ, и по одержаніи нѣкоторыхъ побѣдъ начальникамъ своимъ оказывали шакую любовь, шакая потребна была кѣ намѣренію ихъ, чтошбъ мщеніемъ, полученіемъ добычи и равномѣрнымъ ея раздѣленіемъ укрѣпиться во своей влаши. Чего ради и между сими народами ешь знаки, что они имѣли вѣ мысли своей нѣчто высочайшее, шо ешь чтошбъ бышь владѣтелями: ошъ чего наконецъ послѣдовало одного народа раздѣленіе на разныя, и учинились многія равносильныя шпороны.

Сперва начали Коряки и ошъ Тигиля вошедъ вѣ Камчатку слѣдовали западнымъ берегомъ до Большой рѣки.

рѣки. Послѣ того воспали Шаншалыцы подѣ предведишельствомъ умнаго и храбраго мужа Шандала. А какъ сей власть свою распространить вознамѣрился, желая получить ласкою то, что зависѣло отъ силы и оружія, то есть чѣшобъ наложить дань на всѣхъ Камчадаловъ мужеска полу и женска, то здѣлались наки двѣ стороны, одна у вершинѣ рѣки Камчатки, которая продолжалась до приходу Россіанъ, а другая въ Кривокахъ, которая простиралась жилищами до самой Лопашки. Наконецъ живущіе отъ Голыгиной рѣки до Компановой оспали отъ жителей Курильской Лопашки. И хотя сіи люди малочисленнѣе были, однако всѣхъ другихъ превосходили силою, храбростію и разумомъ: нападали на различные остроги, отводили въ плѣнъ женской полъ и малолѣтнихъ: ибо мать нынѣшняго шоіона перваго Курильскаго оспирова именемъ Купени была плѣнница, родомъ изъ Ичинскаго острова, которой Лопашскіе жители погромили уже по прибытіи Россіанъ въ ту сторону; чего ради островскіе жители Ичинскихъ Камчадаловъ почитаютъ за родню свою.

Около рѣки Апалы есть нѣсколько горъ, которыя имена получили отъ происшедшихъ шамъ краженій. А сіи Лопашскіе жители, или просто Курильцы поному были непобѣдимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарахъ своихъ по морю, и ошкена съ получениемъ корысти безъ опасности вогоня, ибо Камчадалы морскихъ судовъ не имѣютъ. Что касается до властолюбія, которое въ свѣдѣніяхъ Господина Авшора упоминается, акибм ево

главною причиною было раздѣленіа шамошняго народа, по хошя се и вѣроятно; ибо кто можешь подумать, чшобъ и въ самыхъ дикихъ народахъ не было властолюбія, или по крайней мѣрѣ шцанія о преимудествѣ, когда оное и въ безсловесныхъ жившнихъ примѣчается? однако предпринимать учрежденіе самодержавнаго владѣнія и налагать дани, кажешся попребно большее разсужденіе, нежели каково Камчадалы имѣютъ. Что они ходили войною другъ на друга, что въ плѣнъ брали, и похищали свѣстные припасы и имѣніе, изъшого заключить нельзя шакого важнаго предпріятія; каково о учрежденіи самодержавства, шѣмъ наипаче, что такому челоѣку, какимъ описывается Шандалъ, надлежало прежде власть свою утвердить надъ своимъ родомъ, и имѣть въ совершенномъ послушаніи, котораго однакожъ и съ самаго начала покоренія Камчатки нигдѣ ни слѣду не примѣчено; но напротивъ того вездѣ совершенное равенство. А раздѣленіе народовъ и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ Камчатки могло здѣлаться и по другой причинѣ, какъ напримѣръ по шѣсношѣ мѣста, по недобашку довольнаго къ прѣшанію для множества, и прочая. Самое имя Шандалъ весьма мнѣ сумнительно, былъ ли когда Камчадалъ шакъ называемой, для того что ежели бы шавное имя у Камчадаловъ было, то бы оно не вышло съ плененіемъ изъ употребленія, однако нѣшѣ его между мужскими и женскими именами нигдѣ въ Камчаткѣ. Мнѣ кажешся, что подѣ симъ именемъ должно разумѣть въ шѣ Шаншалскихъ жителей, которые живутъ около урочища Шаншалъ, какъ подѣ именемъ Коцчана шѣмъ

Еловскихъ и Шаншальцевъ. Ибо сія правда, что оныя Шаншальцы были прежде того и славны и многочисленны, такъ что одинъ острогъ ихъ болѣе двухъ верстъ въ длину просширался, и балаганы шоль шѣсно построены были, что по балаганамъ хаживали они чрезъ все поманушское разстояніе, да и нынѣ оной острожкѣ почти всѣхъ Камчатскихъ острожковъ многочисленнѣе народомъ.

О храбрости шамонскихъ народовъ можно вообще сказать, что шѣ, кон далѣ живущъ къ сѣверу, наглѣе и отважнѣе. Изъ Камчадаловъ за военныхъ людей почитаются Еловцы и Шаншальцы, по нихъ Курильцы и Авачинцы, съ которыми казаки много шруда имѣли при завоеваніи.

ГЛАВА II.

О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры.

Богомъ Камчадалы почитаютъ вѣдого Кушху, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила, небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были, о сотвореніи которой объявляютъ двояко: иные говорятъ, что Кушху сотворилъ землю изъ своего сына называемаго Сымскалинъ, котораго родила жена Иалкхумъ гуладъ съ нимъ по морю; а другіе, что Кушху съ сестрою Хушлыжицъ землю снесли съ неба, и ушвердили на морѣ, а море сотворилъ Ушлейгынъ, котораго и понынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ шомъ всѣ вообще

вообще согласны, что Кушху до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляють морскаго бога, шѣхъ мѣнѣе нѣсколько сходно съ Ялушскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливимъ богамъ приписываютъ, сверхъ того признавають и Адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, также какъ древніе Греки и Римляне.

Кушху по сотвореніи земли оставилъ небо, и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ Тыжилъ-Кушху, да дочь Сидуку, которые пришедши въ совершенной возрастъ сочтались бракомъ. Между шѣмъ какъ самъ Кушху, такъ и жена его и дѣти носили плащъ изъ дѣтскаго шипа и писались березовою и шаловою коркою, ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены тогда не были, а рабы ловить не умѣли ихъ боги.

Кушху оставя сына своего и дочь съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался не вѣдаютъ, токмо то объявляютъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и доли дѣлались отъ его путешествія, ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ, и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

У Тыжилъ-Кушхи послѣ отца родился сынъ Амлея да дочь Сидукамшичь, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ. То утверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праотцевъ.

Тыжилъ-Кушху при умноженіи своего рода началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вазать изъ кропивы сѣти и ловить рыбу, а какъ лодки дѣлашь

лашь, оное ему еще ошѣ ошца показано. Сотворилъ же онѣ и звѣрей земныхъ, и опредѣля пасшухомѣ надѣ оными нѣкоего Пилячучя, подѣ кошорого вѣденіемѣ состояшѣ они и донынѣ, началъ шить изѣ кожъ ихѣ куклянки и парки.

О Пилячучѣ сказывающѣ, что онѣ ростомѣ весьма малѣ, носилъ плашье рассамачье, кошорое у Камчадаловѣ весьма высоко почиташся, вѣдиль на пшпидлахѣ, особливо же на куропахкахѣ, и будшо нѣкошорымѣ понынѣ случашся видать и слѣды его.

Шеллерѣ описывашъ шамошнїе народы многобожными, что они почиташщ многихѣ боговѣ, и сказывающѣ обѣ нихѣ, будшо прежде сего многіе ихѣ видали: чего ради нѣтъ у нихѣ вѣ языкѣ слова духѣ, ибо они не имѣющѣ о шомѣ и понашїя, шакѣ какѣ и о величествѣ Божїи и непосшижимой его премудрости.

Впротчемѣ никого глупяе не представляющѣ, какѣ своего Кумху, чего ради и не воздающѣ ему никакого почшенїя, ничего у него не просящѣ, и ничемѣ шакѣ какѣ именемѣ его не забавляющся, рассказывая про него шакїя непристойности, о кошорыхѣ и пишашъ гнушно. Между прочимѣ и шо вѣ порокѣ ему шавяшѣ, что ошѣ шцолько горѣ и стремнинѣ вѣвлялѣ, и шцолько мѣлкихѣ и бышрыхѣ рѣкѣ, что шцолько дождей и бурь производилъ, и беспокоилъ ихѣ. И для шого всходя зимою на высокія горы, или спускаясь ругающѣ его всякою бранью. Тошѣ дѣлающѣ и при другихѣ трудныхѣ обстоятельствашѣ.

Томѣ II.

I

Бога

Бога вообще называютъ они Дуспехшичь, кошорое имя нѣкоторымъ образомъ и почитаютъ такъ, какъ Аѳиняне невѣдомаго бога. Ставятъ столбъ на пространныхъ ровныхъ и тундрискихъ поляхъ, обвязываютъ его тоншичемъ, и не проходящъ мимо не брося куска рыбы или чего другаго; не собираютъ ягодъ, которыя растутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, кошорая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбы, что и безъ того надлежало бросить. Въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, кошорые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами. Такихъ столбовъ два видѣлъ господинъ Шеллеръ токмо около нижняго оспрога, а индѣ нигдѣ не примѣчено: впрощемъ далѣ къ сѣверу много такихъ мѣстъ и явидалъ, гдѣ мимоходяще бросаютъ жертву, якобы врагамъ тамъ пребывающимъ, но столбовъ и идоловъ не ставятъ.

*Сверхъ того всѣ мѣста по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедышущія и другія высокія и крушыя горы, кипячія воды, лѣса и прочее населены отъ нихъ нѣкоторыми бѣсами, кошорыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почитаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они Камули, или малыя души, ибо душа по Камчатски Камулечь. Сіи боги, или по шамошнему враги, живутъ на высокихъ, особливоже дымящихся и огнедышущихъ горахъ, чего ради Камчадалы

*Изъ Шеллерова описанія.

чадалы не токмо всходишь на нихъ, но и близко приступишь не смѣють. Пишуются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время, приносяшь на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варяшь и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляя киповое сало и кости. Такія мѣста проходя Камчадалы бросають что нибудь свѣсное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они Ушахчу, и называютъ, якобы они походяшь на человѣка. Жѣны ихъ носятъ младенцовъ къ спинѣ приростшихъ, которые непрестанно плачуть. Они по Камчатскому суевѣрію людей съ пуши сводяшь, и дѣлають глупыми.

Морскаго бога называютъ они Мишгъ, и приписываютъ ему рыбой видъ. Онъ по ихъ мнѣнію владееть моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на башѣ себѣ; ибо они ошнюдь не вѣряшь, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣаніе.

О Пилячучѣ, или какъ Шеллеръ пишеть, Билюкаѣ, о которомъ выше объявлено, баснословають они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими камулами, и будто громъ, молнію и дождь ниспускаетъ; а радуго почишаютъ за подзоръ на его пламя. Сей Билюкаѣ, по ихъ суевѣрію, опускаетъ иногда съ облаками на горы, ѣздитъ въ саняхъ на курапаткахъ, и бываетъ прищиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой одой слѣдъ Билюкаѣвъ ничто иное есть, какъ струйки на поверхности снѣга,

снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напрошивъ того имѣють отъ него и опасеніе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣшей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, у пощребляетъ вмѣсто подшавокъ, на которыхъ плоски съ жиромъ вмѣсто свѣчь поставляются. Жена у него Тиранусъ.

Они, по объявленію Шеллера, признають и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ Канныю. Около нижняго Камчатскаго острога показываютъ весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее спрѣляютъ, отъ чего она вся спрѣлами изнашкана.

Гасць по ихъ естъ начальникъ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣшей Кузовыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женъ его Савинъ твореніе вечерней зари и утренней.

Туила прясенію земли причиною ставящъ, будто оно происходитъ отъ того, когда Туилова сабака Козей, на которой онъ ѣздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

Но всѣ мнѣнія ихъ о богахъ и о діаволахъ беспорядочны, глупы и столь смѣшны, что не зная Камчатскихъ фантазій не можно сперва и повѣрить, чтобы они за истинну утверждали такую нескладницу. Однако они по своему разуму всему дають причину, о всемъ разсуждаютъ, и стараются извѣдывать самыя мысли птицъ и рыбъ. Но при томъ имѣють они сей порокъ,
что

что ни о какомъ мнѣніи никогда не думаютъ, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли шому спастись или невозможно, но все принимающъ за истинну.

Главное основаніе вѣры ихъ утверждается на древнихъ преданіяхъ, которыя наблюдаютъ они паче закону, не пріемля никакихъ доказательствъ въ опроверженіе. Стеллеръ пишетъ, что онъ больше сша чело-вѣкъ спрашивалъ, не приходило ли имъ когда на мысль, смотря на небо, на звѣзды, луну и солнце и на другія вещи, что есть шому творецъ, которой все шоль премудро устроилъ, и котораго должно какъ почитать, шакъ и любить за власть его и благо-дѣяніе; но они на отрѣзъ ему ошвѣтствоввали, что никогда о шомъ не помышляли, и какъ любви, шакъ и страху не чувствоввали, и не чувствуютъ.

О Богѣ разсуждаютъ они, что онъ ни шастію, ни нешастію ихъ не бываетъ причиною, но все зависишь ошъ челошѣка. Свѣшъ почитаютъ вѣчнымъ, души безсмертными, которыя съ шѣломъ соедини-вшись восстанушь, и вѣчно жишь будушь въ шакихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣшѣ, шокмо съ шою выгодною, что будетъ шамъ во всемъ вядшее изобиліе, и никогда не имѣюшь терпѣшь голоду.

Всѣ швари до малѣйшей мухи послѣ смерти возстанушь, и подѣ землею жишь-будушь. Свѣшъ пошввляютъ плосковиднымъ. Подѣ землею полагаюшь подобное нашему небо, а подѣ небомъ другую землю. Нашу землю почитаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у насъ бываетъ лѣшо, шогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣшо, шо у насъ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе шокмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ шамъ богатыми, а богашые убогими. А чшобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно: ибо, говорятъ они, кто худо дѣлаешъ, томъ шерпишъ и опшценіе.

А по чему они такія преданія и отъ кого приня-ли, о томъ сказываютъ слѣдующую баснь: будшо въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяющся, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечъ именемъ, кошорой родился отъ Кушкы, и прежде всѣхъ на Камчашкѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по шѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли, и къ нему преселились; и будто онъ, желая научишь свое пошомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юршу, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, рассказывалъ. Но понеже многіе отъ шого страху, чшо мершвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, шо Камчадалы начали пошомъ юршы свой оставляшь, въ кошорыхъ человѣкъ умрешъ, и новыя шстроишь, чшобъ мершвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечъ, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ всѣхъ Камчадаловъ умершихъ; и кто прибудетъ въ новой и богашой сабачьей куклянкѣ, и на хорошихъ собакахъ, шому даетъ худое плашье и худыхъ собакъ, а кто въ худомъ плашьѣ и на худыхъ собакахъ, шому даруетъ хорошее плашье, хорошихъ собакъ и хорошее опшводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ шстроишь себѣ юршы и балаганы, упражняющся въ вѣри-ной,

ной, пшичьей и рыбной ловлѣ, пипь, ѳспь и веселиться по здѣшнему, токмо съ шѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣшѣ такого, какъ здѣсь, безпокойства не чувствують; для того что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе, каково было на Камчаткѣ во время Кушховы: ибо они думаютъ, что свѣшѣ отъ времени до времени спановишся хуже, и все противъ прежняго умалешся, по тому что животноыя купно съ промышленниками своими поспѣшаютъ переселяться на шомъ свѣшѣ.

Что касается до пороковъ ихъ и добродѣтелей, то они такоежъ имѣютъ развращенное о томъ понятіе, какъ и о Богѣ. Все то почишаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлестворить желанію и спрасьямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отъ чего опасаются или истинной, или мнимой гибели по своему суевѣрію:) такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убивства, ни самоубивства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидѣ; однимъ словомъ ничего того, что по закону Божію запрещается. Напрошивъ того за смертной грѣхъ почишаютъ ушопакующаго избавить отъ гибели, для того что по ихъ суевѣрію шѣмъ, кои изловятъ, самимъ ушонуть будеть. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, кошорымъ случается выбишся, принимаютъ въ жилие страшное беззаконіе по шѣхъ поръ, пока они събдятъ всѣ свои припасы дорожные, а пошомъ надлежитъ имъ раздѣшся до нага, и брося свое платье, какъ скверное, войши въ свою юршу. Пить горячія воды, мышья въ нихъ, и всходишь на огнедышущіе горы

гóры за несумнѣнную почиташь погибель, и слѣдовательно за грѣхъ вопіющей на небо, и прочія такіе безчисленныя забобоны, о которыхъ и пишашь гнусно. Грѣхъ у нихъ и надъ кислую рыбу драшья, или ссорисья; грѣхъ съ женою совокупляшья, когда съ собаку сдирають кожи; грѣхъ соскабливать снѣгу ножомъ съ обуви; грѣхъ мясо различныхъ звѣрей и рыбъ варить въ одной посудѣ; грѣхъ ножи или шопоры шочить въ дорогѣ, и другія подобныя сему мѣлоча, ошъ которыхъ опасаюшья какого нибудь прошивнаго приключенія: какъ ошъ драки и ссоры надъ кислую рыбу совершенной погибели, ошъ совокупленія съ женою во время сниманія сабачьихъ кожъ коросты, ошъ соскабливанія снѣгу съ обуви бури, ошъ варенія разныхъ мясъ вмѣстѣ нещастія въ ловлѣ и чирьевѣ, ошъ шоченія ножей и шопоровъ въ дорогѣ погодѣ и бури; что однакъ не споль удивительно: ибо во всѣхъ народахъ довольно суевѣрій у простыхъ людей, какъ шому, что они шакое множество заповѣдей могутъ содержать всегда въ памяти.

Кромѣ помянуемыхъ боговъ своихъ почиташь они и разныхъ животныхъ и другую шварь, ошъ которой бываешъ опасность. Огню приносять они въ жертву норки собольи и лисьи. Кишовъ и касашокъ уговаривають они словами, когда увидяшъ на промыслѣ, ибо они опрокидывають лѣшки ихъ; также медвѣдя и волка, и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называють по имени, шолько говорятъ, *Сипангъ*, бѣда, и въ семъ сходны они съ нашими соболиными промышленниками, которыхъ во время промыслу многихъ вещей не называють

ваютъ своимъ именемъ , будшо бы отъ того дѣла-лось въ ловлѣ несчастіе.

Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и съ первыхъ годовъ моей бытности: но нынѣ тщаніемъ всемилостивѣйшіа нашего Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ и высокопачетливымъ Ея о всѣхъ подданныхъ попеченіемъ, всѣ Камчадалы приняли Христіанскую вѣру, и многіе изъ сѣверныхъ Коряковъ: ибо въ 1741 году прибыли сюда отъ Святейшаго Синода отправленные проповѣдники съ довольною церковною ушварью и со всѣмъ, что пошребно было къ обращенію шоль дикаго народа, которые имѣли столь желаемой успѣхъ во ученіи, что не токмо обратили ихъ въ Христіанскую вѣру, но и возбудили желаніе ко ученію: завели школы по разнымъ мѣстамъ, въ которыя Камчадалы отдають дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія, а нѣкоторые учатъ ихъ своимъ кощомъ. По такимъ обстоятельствомъ сумнѣваться не можно, что Христіанская вѣра по всему Сѣверному морю чрезъ нѣсколько лѣтъ распространишя.

ГЛАВА 12.

О Шаманехъ Камчатскихъ.

У Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, но всякая баба а наипаче старуха, и всякой Коѣхчучъ волхвомъ и полкователемъ сновъ почитается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни плащя нарочно для того

Томъ II.

К

го

го здѣланнаго не надѣваютъ, какъ у Якушовъ, Корякъ, Тунгусовъ, Буряшовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаи; но нашептываютъ на рыбу шаглу, на сладкую праву, на шояшичь, и шѣмъ лѣчатъ болѣзни, шѣмъ отвращаютъ нещастіе, и будущая предвозвѣщаютъ. А какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того я какъ великой тайны не могъ вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непрестанно шепчутъ, одна привязываетъ къ ногѣ крапивную пилку раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу. Если ей ногу подвигать легко покажется, то сіе почитается за щастливое предзнаменованіе и за будущей благополучной успѣхъ предпріемлемаго дѣла; а буде тяжело, то за нещастливое. Между шѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами гушь, гушь, и скрежетѣтъ зубами; а какъ явится привидѣніе, то захошавши кричитъ хай, хай. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ *Ишки*. то есть, нѣшь. А другая баба какъ-ея помощница шепчетъ надъ нею, и уговариваетъ, чтобъ не боялась, но прилежно бы примѣчала явленія, и содержалабъ въ памяти что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грома и молніи билюкай къ шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Если здѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ щастія въ промыслѣ, тошъ часъ приходитъ къ шарухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, слѣдуется причина, отъ чего произошло такое зло и предписуется

суются средства къ отвращенію. Завявшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое шѣмъ отвращается, что согрѣшившей долженъ вырѣзать болванчика, и опнесши въ лѣсъ на дерево поставитъ.

Шаманяты же они и во время праздниковъ, когда грѣхи очищаются, шепчуть, курятъ, махаютъ, опираютъ поншичемъ, обвязываютъ перевязками, ошговариваютъ пришедшихъ въ изумленіе, и друія дѣлаютъ непристойности, о чемъ въ слѣдующей главѣ писано пространнѣе.

Еслили которой младенецъ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онъ говоритъ будетъ, шаманяты надъ нимъ, и примиряютъ съ бѣсами такимъ образомъ: въ жестокую бурю раздѣваютъ его до нага, дають въ руку раковину морскую, которую ему поднявъ къ верху должно обѣгать вокругъ юрты балаганъ и сабачьи конуры, говоря сіи слова къ бѣлюкаю и къ другимъ врагамъ: Раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы мѣня всѣма мочите, и мнѣ отъ мокроты будетъ погибають: видите, что на мнѣ нѣтъ плашя, и что я всѣ дрожу. По окончаніи сего примиряется онъ съ бѣсами, а въ противномъ случаѣ бываетъ причиною погоды и ненастья.

Такимъ же образомъ гадаютъ они и трудныя сновидѣнія; ибо Камчадалы столько въ этомъ любопытны, что по утру самое первое у нихъ дѣло рассказывать сны, рассуждать и заключать надъ того мѣстѣ или доодолчѣе. Оныхъ которыхъ снахъ видѣютъ они

вѣрныя и непремѣняемыя правила, какъ на примѣрѣ : естли вшей видятъ, то на другой день ожидаюшъ въ себѣ казаковъ безъ сумнѣнїя. Испражненїемъ желудка предзнаменуется прибыше гостя изъ ихъ народа, плоскимъ совокупленїемъ предвозвѣщается щастїе въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ Хиромантіи, и разсуждаюшъ о щастливыхъ и несчастливыхъ приключенїяхъ по линїямъ на рукѣ, но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Естли у кого появится на рукѣ почка, пяшно или линїя, или вдругъ пропадетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой шаманки, какъ шо самъ Шеллеръ примѣшилъ пришворясь соннымъ.

Г Л А В А 13.

О праздникахъ и наблюдаемыхъ при томъ церемонїяхъ.

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ; а отправляется оной неопмѣнно въ Ноябрь мѣсяцѣ, чего ради и очистительнѣ грѣховъ называется. Шеллерово мнѣнїе о семъ праздникѣ, что оной отъ предковъ ихъ усшавленъ былъ въ благодаренїе богу за его благодѣянїя, но послѣ сушая причина празнованїя помрачена дурными смѣхами и нелѣпыми баснями. Мнѣ кажется мнѣнїе его основашельно, тѣмъ наипаче, что по окончанїи лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не вѣдятъ въ гости и на промыслѣ, почитая все шо за великой грѣхъ.

Ежели

Ежели же кому прешупить случится, волею или по нуждѣ, то во время праздника необходимо долженъ очиститься, ежели не очистится прежде. Изъ сего нѣсколько видѣть можно, что предки сего народа по загошовленіи въ зиму сѣспныхъ припасовъ имѣли обычай начало трудовъ своихъ приносить богу на жертву, а по томъ сами между собою веселились, переходя другъ къ другу въ гости. При празднованіи бывають у нихъ между прочимъ много и такихъ мѣлочей, копорыя не досшойны воспоминанія; но понеже всему у нихъ непремѣнной порядокъ, то опишу я всѣ обряды ихъ съ начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой бездѣлицы не столько для удовольствія читателя, ибо такія мѣлочи читаешь больше скуки, нежели пріятности, но наипаче для того, чтобъ не погибла память шликаго ихъ заблужденія, изъ котораго они выведены высокою матернею милостію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всемилосивѣйшія нашея Государыни: ибо нынѣ всѣ оныя языческіе обряды оставлены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенному предадутся забвенію въ нѣкоторому ущербу исторіи.

И понеже южные Камчадалы имѣють нѣкоторую разность въ обрядахъ противъ сѣверныхъ, то объявлю я порознь о празднованіи ихъ, начавъ отъ южныхъ Камчадаловъ, къ которымъ я въ 1738 и 1739 годахъ нарочно для того ѣздилъ, и въ значномъ ихъ острогѣ Чаапъинганѣ называемомъ, что на рѣкѣ Кыкчикѣ, жилъ по шрой сурки.

Церемонія началась метеніемъ юрты. Потомъ два старика имѣвшіе въ рукахъ по повѣсму шоншичу нѣчто пошепшавъ надъ соромъ приказали его вонъ носить.

Съ полчаса спуская выняли изъ мѣста вонъ старую лѣстницу, мѣсто вычистили, и старикъ невѣдомъ что пошепшавъ положилъ шуда щепочку обвистую шоншичемъ, послѣ шого новую привязали съ равнымъ шепшаніемъ, а старую поставили къ стѣнѣ, ибо вонъ ея выносивъ не окончавъ праздника не дозволено.

Между шѣмъ приборъ къ ѣздѣ на сабакахъ принадлежащей, санки, алаки, узды, побѣжники, ошталы и прочее изъ юрты вонъ вынесли, для шого что оной ожидаемымъ на праздникъ врагамъ по ихъ мѣрѣю прошивенъ.

Не много помѣшкавъ принесли въ юрту сухой шравы, и послали подъ лѣстницею. Старикъ, кошорой обыкновенно на все нашептывалъ, пришедъ къ лѣстницѣ съ шрема бабами свѣлъ по правую сторону, а бабы по лѣвую. У каждаго изъ нихъ была рогожка, а въ нихъ юкола, сладкая шрава, сухая икра, шюленей жиръ въ кишкахъ и кусками. Изъ юколы дѣлали они шопоры, и сладкою шравою увивали; а изъ гошова все по обычаю старикъ и каждая баба отправаляли ошъ себя по человѣку въ лѣсъ за березю навязавъ на поясы, на шопоры и на голову шоншичь, и ошдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу немного себѣ изъ шого оставя.

Послѣ

Послѣ того старикъ и бабы вспавши съ мѣстѣ своихъ обошли вокругъ лѣсшницы одинъ разъ махая поншичемъ, копорой въ обѣихъ рукахъ имѣли, и приговаривая Акхалалалай; а за ними обходили и тѣ, коимъ надлежало ийти за березою, копорые обошедши и отправились въ пушь свой; а старикъ и бабы поншичь свой на очагъ положили, а оставшей запасъ бросили малолѣшнымъ какъ бы на драку, копорой они разхващавши сѣли.

Между тѣмъ бабы дѣлали изъ сладкой шравы и изъ юколы Кипа, а здѣлавъ вынесли вонъ изъ юрты до времени, и положили на балаганѣ. По томъ зашоплена юрта, а старикъ выкопавъ передъ лѣсшницею ямку, принесъ камбалу обернутую поншичемъ, и пошептавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернулся прожды, а послѣ и всѣ мушины и женщины до малолѣшныхъ.

По окончаніи сего дѣйствія другой старикъ началъ сарану варить въ корытахъ каленымъ камнемъ, копорою сараню имѣли бышь подчиваны враги ихъ; а между тѣмъ, у кого были болванчики называемые Урилидачь, обвязывали ихъ сладкою шравою, а другіе дѣлали новыхъ болванчиковъ Йшунгъ именуемыхъ, и въ пошолокъ надъ очагомъ шыкали.

Въ тожъ время нѣкоторой старикъ принесъ въ юрту березовой кряжъ, и началъ изъ него Хантая дѣлать, а здѣланному первой Тоюнъ того острожка навязалъ сладкой шравы на шею, а по немъ и прочіе сладкуюжъ шраву или поншичь приносили ему на жертву, но совершеніи копорой посшавили его на очагъ вмѣстѣ съ старымъ Ханшаемъ.

Часто-

Частоупоминаемой старикъ взявъ два небольшіе камня, и обернувъ въ поншичь не вѣдомо что наговаривалъ, по шомъ закопавъ ихъ на очагъ по разнымъ угламъ расклатъ небольшой огонь, а вокругъ лѣшницы посадилъ малолѣтнихъ, чтобъ имъ хватать болванчиковъ, кошорые сверху имѣли бышь въ юршу брошены. Дѣти разхватавъ ихъ обвязали сладкою правою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Ханшяа пошацилъ вокругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдовали и Алхалаладай кричали, а по шомъ на старомъ его мѣстѣ поставили.

Послѣ того обѣли вокругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юршѣ ни было: шомъ, кошорой на все нашепывалъ, взявъ въ руки обвшую поншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говоритъ началъ: Отъ Кухи намъ приказано воздавать себѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; чего ради просимъ, чтобъ шы насъ хранилъ, и миловалъ, не причинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару. Сію рѣчь перерывалъ онъ нѣсколько разъ; между шѣмъ всѣ прочіе старики вспавали, и шопая ногами, и плеская руками кричали Алхалаладай, а по окончаніи оной всѣ старики вспали съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки заплясали, и закричали Алхалаладай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юршѣ шоме кричали.

Во время крику начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза, искривя ротъ и представляя себя какъ возможно страшными, кошорыя дошедъ до лѣшницы подняли руки къ верху, и дѣлая странныя шѣлодвиженія плясали и кричали во всю голову, а по

по шомъ одна за другою падали на землю будшо мершвыя, и разносимы были мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали акибы безчувственны по шѣхъ поръ, пока нѣкоторой шарикъ не ошпешаль каждыя порознь. Сіе позорище показалось мнѣ страннѣе и противнѣе Якутскаго шаманства: ибо шамъ одинъ шокмо шаманъ бѣсится, а здѣсь цѣлой острожекъ. Ошпешанные бабы и дѣвки весьма много кричали, и плакали, будшо отъ великой болѣзни и шягости: а между шѣмъ шарикъ поворожа надъ пепломъ бросаль его дважды къ верху лопашой, а по немъ и прочіе шожъ учинили. Послѣ того объявленной шарикъ насыпавъ пеплу въ два ковша посылаль съ нимъ двухъ человѣкъ дважды изъ юршы, которые выходили не обыкновеннымъ окномъ, но шопходомъ, и усыпали пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спусшя обшянули вокругъ всей юршы веревку изъ шравы плешеную, къ которой мѣстами привязанъ былъ шонщикъ. И такимъ образомъ день они препроводили: а въ вечеру возвратились посыланные за березою, которые совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юршы Камчадаловъ взнесли на юршу срубленную подъ корень превеликую березу, и начали бить ея въ окно или въ двери юршы, при чемъ шопая ногами кричали, сколько у кого было голосу; напротивъ шого и бывшіе въ юршѣ отшѣшествовали равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. Послѣ шого выскочила изъ угла дѣвка какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣстницѣ за березу схватилась, а къ ней на помощь прибѣжало было еще бабъ съ десяшь, но Тоюнь шо-

Томъ II.

Л

го

го оспрожка стоя на лѣстницѣ не допустилъ ихъ. Между шѣмъ береза спускалась ниже, и уже съ полу доспашь оную возможно было; тогда всѣ бабы ухватясь за березу начали тянуть ея въ юршу съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ, но стоящіе на юршѣ держали крѣпко. На послѣдокъ весь женской полъ, аки пораженный нечистымъ духомъ, попадалъ на землю, выключая шу дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась: ибо она по шѣхъ поръ висѣла на ней и кричала, пока береза концомъ на полу спала, тогда и она по примѣру прочихъ на землю поверглась какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему опговаривалъ, и всѣхъ ошпеншалъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою онъ шрудился долгое время. Она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма пошно: при шомъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника сабакъ обдирала. Старикъ ушѣшая ея совѣтовалъ болѣзнь нести великодушно, котрой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыба шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полушора часа брошено въ юршу восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая шрава и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и чешыре рогожи, копорыя даваны были съ кормомъ посыланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую шраву и жиръ Камчадалы раздѣляли по себѣ, кожи послали

послали передъ лѣстницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать востроголовыхъ болванчиковъ, Камуда называемыхъ, во образъ шѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полѣ вселяющся во время плясанія. Помянушыя кожи шюленьи ошсулены были шѣмъ бѣсамъ еще сѣ осени, когда Камчадалы сряжались на шюленьи промыслы, чего ради и не употребляющъ ихъ ни на что кромѣ того, что подъ себя спелютъ.

Здѣлавъ 55 болванчиковъ посадили ихъ рядомъ, и сперва вымазали брусницею лице имъ, послѣ того поставили передъ нихъ въ трехъ посудахъ шолченой сараны, и передъ каждого положили маленькую ложку; такимъ образомъ стояло кушанье нѣсколько времени, а какъ болванчики по мнѣнію Камчадаловъ уже довольны были, то сарану сѣли они сами, а болванчикамъ на бѣв на головы шравяные колпаки, и навязавъ сладкой, шравы и тоншичу на шею, связали ихъ въ три пучка, и каждой пучекъ по два человека сѣвоплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а сѣними вмѣстѣ жгли и щепы, которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шопхадомъ или выволломъ баба, у которой на спинѣ привязанъ былъ кишъ изъ сладкой шравы и рыбы здѣланной въ началѣ еще праздника, и ползла въ кругъ очага, за нею слѣдовали два Камчадала сѣшюленьими кишками, сладкою шравую перевитыми, и крича по вороньи кишками по Кишу били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣтныя, и Киша у ней рашерзали, а баба побѣжала вонъ тѣмъ же выволломъ; но сшоавшей внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ

поймалъ ее, и взведши на юршу началъ спускаться по лѣстницѣ внизъ головою. Для приниманія ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ съ шакимъ же, какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали, и кричали до тѣхъ поръ, пока на землю попадали, при чемъ было и ошпешиванье по прежнему жъ; а между тѣмъ Камчадалы разшерзаннаго малолѣтными киша по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того зашопили юршу, и бабы шряпашъ начали. Каждая принесла свою посуду и толкушу, и шали шолочъ шеламайное коренье, икру и кипрей съ нерпичьимъ жиромъ; а какъ все оное исполкли какъ шѣсто, то старикъ взявъ хомягу (посуда) ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ толкуши, а собравъ ошдалъ хомягу другому шаруку, кошорой на все нашпешывалъ, и бабъ падающихъ на землю ошговаривалъ. Оной старикъ сѣлъ къ огню съ толкушею, и невѣдомо что наговаривая по обычаю бросилъ изъ толкуши нѣсколько въ огонь, а ошсальное ошдалъ обратно тому, къмъ толкуша была збирана, а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жертвеннаго. Между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, то есть Ноября 22 числа, около 9 часа по утру посланы передъ лѣстницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхъ сѣли три шарухи. Каждая изъ нихъ имѣла пучекъ шоненькихъ ременныхъ гайшановъ, раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и шоншичемъ. Въ прислужникахъ у нихъ былъ

былъ старикъ, которой обравъ гайшаны и обжегши на огнѣ обратно имъ ошдалъ. Старухи вставъ съ мѣстѣ своихъ ходили одна за другою по юршѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гайшанами, а Камчадалы, жены ихъ и дѣши во время прохожденія старухъ хватались за гайшаны, какъ за нѣкоторую вещь освященную и шрясли ихъ. Окура всѣхъ сѣли старухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у прошчихъ гайшаны вторично пошла по юршѣ прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юршѣ; между шѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ старухи, у которыхъ пучки съ гайшанами были, плясали, и бѣсались по прежнему, шожъ учинила общедѣ юршу и шреція, а наконецъ всѣ попадали замершво.

Прислужникъ взявъ гайшаны у лежащей старухи приложилъ ихъ къ лѣстницѣ, и по шѣхъ поръ держалъ пока всѣ бывшіе въ юршѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись. Напоследокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайшаны каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждого человекъ, окуривъ прежде мужа, себя и дѣшей своихъ.

Спустя полчаса Камчадалы послали передъ лѣстницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣстницы, привязали по мальчику; послѣ шого вошли въ юршу два старика, и спрашивали у мальчиковъ, когда прѣвѣжжашъ отецъ ихъ? на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣшшвовано имъ, *зимю*. Старики положи передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичимъ жиромъ, которыя сладкою шравою обвипы были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юршу, и на-

чали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла Шонгадомъ баба, у которой подъ пазухой былъ здѣланной изъ сладкой травы волкъ и набитой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими свѣстными ихъ припасами, о кошоромъ выше упомянуто. За бабою шелъ Тоюнъ шого оспрожка съ напянутымъ лукомъ, у которыхъ и голова и руки обвязаны были поншичемъ, сверхъ шого у Тоюна на поясу, на сайдакѣ и на стрѣлѣ навѣшенъ былъ поншичь же повѣсками. Какъ баба обошла подлѣ стѣны вокругъ юрты съ послѣдовавшими ей всѣми жишеями шого оспрожка мужеска полу и женска скачущими, и кричащими, и дошла до лѣспницы, то нѣсколько человекъ камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подъ пазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣспницѣ подъ самой верхъ юрты; чего ради всѣ бабы обступя лѣспницу и всякими образы домогались взойти на оную и достать волка; но спявшіе на лѣспницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкоторыхъ силою съ лѣспницы низвергали однакожъ намѣренія своего не могли произвести въ дѣйство, но утрудясь и обезсилѣвъ всѣ попадали, и за мертво разнесены по мѣстамъ, и отговариваны по прежнему. Послѣ шого Тоюнъ, которой съ напянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ ѡдалъ, приступилъ къ лѣспницѣ, и стрѣлилъ въ волка, а прочіе мужики спалили его на полъ, и разтерзавъ сѣби, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жиру для подчиванія ханшаевъ.

О семъ дѣйствіи, такъ какъ и о киповомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы скажутъ и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрїи или нѣтъ, и для чего бываетъ; однакожь мнѣ кажется, что оное представляется вмѣсто комедїи только для увеселенїя, или чтобъ имъ прямыхъ киповъ и волковъ промыслятъ и ѣсть, какъ съ травяными поступали. А баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанїя :

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, и имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей. Отходя на промыселъ принужденъ онъ былъ дѣшею однихъ оставлять въ юртѣ, и для безопасности, чтобъ не ушиблись, привязывать къ столбамъ. Въ необышность его приходили къ дѣтямъ его волки, и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ, которымъ они отвѣтствовали, зимою. Дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промыслу возвратился, и увѣдавъ, что во время его отлучки происходило, пошелъ промыслятъ волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до киповаго дѣйствїя, то травяной кипъ дѣлается во образъ носимаго волнами мерсваго кита, вороны изъ кишокъ во образъ вороновъ клюющихъ трупъ его, а малые ребята перзающіе его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончанїи игры о волкѣ старикъ обжигалъ тонщикъ, котораго съ каждой семьи по повѣсму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юрту два раза. Обожженой тонщикъ положилъ онъ весь на очагъ, выключая

ключая одно повѣсмо, кошорое на пополокѣ надѣ очагомѣ повѣсилѣ, гдѣ оно виситѣ во весь годѣ.

Вскорѣ послѣ того нанесли вѣ юршу березоваго прущья, по числу семей, изѣ кошораго каждой Камчадалѣ взялъ на свою семью по одному прущу, и изогнувѣ кольцомѣ пропускалъ сквозь оное жену и дѣшей своихѣ по два раза, кошорые вышупя изѣ кольца вонѣ обертывались кругомѣ. Сіе почишаешя у нихѣ за очищеніе грѣховѣ ихѣ.

Какѣ всѣ очистились, то Камчадалы пошли съ прущьями вонѣ изѣ юршы жупаномѣ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники ихѣ мужеска и женска полу. Внѣ юршы проходиаи сквозь кольца вшорично, а по томѣ оное вѣ снѣгѣ вшыкали приклоня на востокѣ вершинами. Камчадалы сброся на помѣ мѣстѣ весь тоншичѣ, и отряси плашье свое возврашились вѣ юршу настоящимѣ входѣмѣ, а не жупаномѣ.

Изѣ бывшихѣ на мѣстѣ очищенія случилась одна больная дѣвка, кошорую старикѣ посадя на снѣгѣ съ полчаса отговаривалѣ, прикорнувѣ передѣ нею и опершись о палку, напоследокѣ обтряси плашье ея прущомѣ опустилѣ вѣ юршу.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую пшичку да гольца нарочно для того изгошовленныхѣ, и пожара на огнѣ по частямѣ раздѣлили, и пришедѣ къ огню бросили вѣ огонь вѣ три раза на жертву шѣмѣ врагамѣ, кои на праздникѣ приходятѣ и вѣ бабѣ вселяютѣся. Они, сказывающѣ Камчадалы, живутѣ на облакахѣ, видомѣ какѣ люди, шолько востроголовы, возрастомѣ съ трехлѣтняго младенца, ходятѣ вѣ лисьемѣ, собольемѣ и рассомачьемѣ плашьѣ. По-

Повесе они сказываютъ, что: враги къ бабамъ въ ротъ входять до 50 и больше, поспроста въ утихъ; какъ можно шолікому числу враговъ величюю съ шрехлѣшнаго младенца въ одной бабѣ умѣвшися, и какъ пройши въ такое узкое горло, въ которое ружь такого младенца пройди, кажется не возможно. Намъ де и самимъ, оспрѣшшовади они, по дивно, можешъ де бышь они весьма малы, да намъ такими кажутся.

Помомъ зашопили юршу, и начала каменья начали сухую рыбу варить въ корыщахъ, а сара обливали шербою канисель, обрѣшающихся при нихъ болаванчиковъ и березу, которая еще въ юршѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

На послѣдокъ должно имъ было березу изъ юрши вынести, чего ради два человека въ снѣ по ней на юршу (а по лѣсницѣ выходить грѣхъ) шодали оную дядимъ въ юршѣ, которые обнесли вокругъ всей юршы, опнесли оную на балагай, гдѣ лежишь она во весь годъ, а почшенія ей никакого не оидаетъ. Такимъ образомъ праздникъ ихъ оженчался.

У северныхъ Камчатловъ есть въ обрядахъ немалая ошѣвна въ разсуденіи южныхъ. На праздникъ ихъ прѣхалъ я Ноября 10 дня до ушру, однако не засталъ начала: ибо до моего еще прѣзду юрша у нихъ была вымешена, надъ полками заѣланы гради, а на нихъ наладены попережныя колья съ обшесаными головками, которые по ихъ называются *Урилдачей*. Сверхъ Урилдачей около очага наладены были сухія дрова для преданичнаго употребленія. За дрова-

ми и за козвемъ на урилыдачей вѣдрили Камчадалы съхщеремонѣми, какъ вышеписанные Камчадалы за березою.

Не много спустя по моему прѣздѣ всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балаганамъ, и нѣ сколько помѣшкавъ возвратились. Въ юрту входили сперва старухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а передъ себя опускали онѣ сладкую шраву, къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ кипрей и кокола. Оныя припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ услуженію при празднованіи два Камчадала, которыхъ я называю буду ниже сего служилыми, и вѣшали на урикрыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу шоншичу, а пошымъ шходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двѣма двойнишными дѣвочками. У бабы была въ рукахъ сладкая шрава, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ шоншичь. Баба снявъ у дѣвочекъ съ головы шоншичь положила на очагъ, а послѣ нея и дѣвочки шоншичь лѣвъ рукъ на огнище бросили. Помынушая баба не мать онымъ дѣвочкамъ была, но нянька, а мать ихъ одна входила въ юрту.

Послѣ шего привели къ очагу дряхлую старуху, у которой и въ рукахъ и на головѣ, такъ какъ и у другихъ былъ шоншичь, которой она зброся на огнище шврясалась приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ пошомъ вышли два мужика изъ угловъ, сѣли по шоронамъ лѣсницы съ шопорами и съ деревянными чурчани. Служилыя приносили къ нимъ со

всѣ-

всякаго угла по плашнѣ юколы, допорую они по-дожа на чурки шопорами надрубливали, приговаривая, чшобъ юколы была спора, и изъ балагановъ не убывала. Надрубленую юколу разносили служители по шѣмъ же угламъ, и раздавали обратно, у кого взяли, ошломъ сперва по малому кусочку, и на огнеще брося. Послѣ того стали они ѣсть, подчивая другъ друга съ угла на уголъ. И первой день праздника ихъ въ 11 часу по полудни шѣмъ окончился.

На другой день по ушпру рано, ошъ каждой семьи мужикъ или баба побхали по сосѣднимъ, острожкамъ къ друзьямъ своимъ, для сбирания корму на праздникъ. Ибо хощя, у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей собирають, подобно какъ у нашихъ подъ насѣдку лица.

Въ острожекъ возвратились они уже вечеромъ, и зашопя юршу бабы начали стряпать, шолочь ягоды и коренье, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между шѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемежно, кирился. Ибо по ихъ обычаю должно быть неугасимому огню по шѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ почишается.

Изгошова кушанье, что учинилось часа за два до свѣшу, юршу скушали, и бабы начали вишь изъ травы веревки, головы рыбы обверщивать въ шовшичь, накладывать на шеи шравныя плешешки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая пробавились до самаго свѣшу.

По окончаніи помянушаго дѣйствія служители начали со всѣхъ собирать рыбьи головы обверченныя въ тоншичь огню на жершву, и класть на очагъ; а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣсницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юршѣ обоего пола отъ мала и до велика приходили къ очагу, и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторые сѣмьи изогнувъ кольцомъ объявленныя шравяныя веревки сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали. Сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ шравою и тоншичемъ, кошорыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юршѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе шожъ дѣлали. Сіе значить у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юршы.

На послѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишнихъ дочерей своихъ, положи на оной хахалчу рыбку и смегу изъ чепырехъ мѣшечковъ, кошорые надъ постелей своей повѣсилъ.

Не много времени спустя служители со всѣхъ чепырехъ угловъ юршы крестъ на крестъ брали юколу, и подчивали Урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной толкушей, иной сараной, иной суниломъ, или что у кого приспособлено было. А послѣ стали другъ друга подчивать, переходя съ одной стороны юршы на другую. Подчивающія они кормя другъ друга изъ своихъ рукъ лощкою.

Какъ

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага взяли по хомягѣ (посуда съ чемъ по воду ходящъ) въ руки, а вмѣсто плащя получаюшъ служителей по тоншичной перевяскѣ на шеи, кошорыя сняшы съ Урилыдачей, вышли изъ юршы вонъ, и пошли на рѣку по воду, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ. У передовщика была въ рукахъ хомяга да шолкуша, а у другаго хомягашъ да лучина. При выходѣ изъ юршы двое Камчадаловъ, изъ кошорыхъ одному на переди, другому назади ишши надлежало, сядились на малое время подлѣ дѣстницы, а пришедъ на пролубъ передовщикъ околота оную шолкушкою черпалъ воду сперва оборачивая хомягу прошивъ воды, пошомъ по водѣ, а по немъ и всѣ шожь дѣлали; и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнушь могъ, то и несъ съ собою. Съ пролуби шли они шѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юршу спускались въ оную по веревкамъ съ великою ошпорожностію, чшобъ не разплеснушь, ибо оное за грѣхъ почишаеся, а принимали у нихъ двое подростковъ нарочно для шого ошавленныхъ, потому что служители сами за водою ходили. На юршѣ стояли они по шѣхъ поръ, пока ошъ всѣхъ посуда съ водою принята была. Между шѣмъ чешыре раза кричали они изо всей силы плеча руками и шопая ногами. А вшедъ въ юршу шомъ, кошорой ходилъ съ лучиною, обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою. Напрошивъ шого изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ пишь вмѣсто ошвященной.

Потомъ бабы съ остальнымъ отъ пощиванія купаніемъ пошли по своимъ балаганамъ, и тамъ ошались. На послѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ вовъ выслали, и мы по прозбѣ ихъ вышши принуждены были, для того что имѣло у нихъ происходить тайное дѣйствіе, при которомъ кромѣ нѣкошорыхъ стариковъ и двухъ служителей никому быть не должно. Однакожъ я упросилъ, что они полмачу моему при томъ быть позволили, которой разказалъ мнѣ, что у нихъ происходило.

Сперва старики приказали служителямъ затопить юршу; а когда она испоилась, то служители принесли по горстѣ сухой травы, и разбросали по юршѣ, потомъ всю юршу и полки услали чирелами, (травяными, рогожами) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а на послѣдокъ всѣ старики начали вязать шоншичь, и помѣнявшись другъ съ другомъ повѣсили оной на спицы, служителямъ отдали приказъ, чтобъ въ юршу и изъ юршы никого не пускали, и юршеную дверь на глухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать; а послѣ открытъ, и принесть съ балагану рыбу щеку, да дѣлую рыбью голову, а самому ему на балаганъ ходить не велѣли.

Принесенную щеку и голову рыбу принялъ старикъ, и оберши въ шоншичь нѣчто пошпалъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе старики, и пощипавъ объявленную щеку и голову перешедъ
черезъ

черезъ огнище возвращались на свой мѣста. По помѣ служители вышли изъ юрты вонъ, и шѣмъ окончилось первое шайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или понули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы шоншичемъ, и давъ имъ въ одну руку шоншичу, въ другую сладкой шравы выслали вонъ изъ юрты. При выходѣ обносили они сладкую шраву вкругъ лѣстницы, и взошедъ на юрту обошли вкругъ оной три раза по солнцу, а послѣ того стоя на верху юрты рвали на мѣлкѣ сладкую шраву и шоншичь, и бросали въ юрту, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя шоншичевыя перевязки на огнище клали, и попопшавъ ногами шѣ, которые хворали, ошходили по своимъ мѣстамъ; а которые понули, шѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ понули, дѣлали, и кликали поимянно, ошъ кого тогда требовали помощи, которые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, акибы изъ воды шаскали.

На послѣдокъ принесена была рыба щека, и брошена на огнище съ приговоромъ шу шу шу, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рагашки и розбросаны по полу. Между шѣмъ служители бобъававъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, которыми юрта услана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевязки бывшія на головахъ у больныхъ и у утопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной камнемъ.

каменемъ. Такимъ образомъ шайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дни ничего больше не происходило. На третей день по утру рано зашопили юршу, и положили передъ огнемъ два пука сухой травы или соломы и прущья вмѣсто связанныхъ, и праздничные служившеля спали, одинъ у одного, а другой у другого пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшисъ пуками начали ихъ развязывать, и прущье роздали по мущинамъ, изъ которыхъ нѣкоторые имъ намѣло ломали, а нѣкоторые въ кольца вили съ нѣкимъ наговоромъ. Солону всю перенесли на одну сторону очага, и спали дѣлашь Пѣма.

Что значить оной Пѣмъ и для чего дѣлается, того и сами Камчадалы сказать или не умѣли, или не хотѣли, впрочемъ сдѣлали его на подобіе чело-вѣка вышиною около полуаршина, а шайной удѣ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положивъ его головою къ огню, а шайной удѣ къ потолку привязали. Между тѣмъ, какъ Пѣма дѣлали, нѣсколько чело-вѣкъ взявъ по одной шавинкѣ, выходили вонъ изъ юршы, и обтерши столбы у своихъ балагановъ возвратились въ юршу, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прущье сожженожъ было.

Какъ Пѣмъ нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ шайной удѣ кодькомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ по юршѣ приговаривая Уфай, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юршѣ тоже кричали, напоследокъ сожгли реченнаго Пѣма.

По

По сгорѣннѣ Пома сшали мѣсть юршу пригребая весь соръ къ лѣспницѣ, изъ котораго каждой Камчадалъ бралъ помаленьку, и относилъ въ лѣсъ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходяшъ. Въ то же время и бабы всѣ на юршу вышли, и сшали въ кучу.

Камчадалы возвращаясь изъ лѣсу кричали сходя на юршѣ чешыре раза плеча руками и шопая ногами, а послѣ вошли въ юршу, а на ихъ мѣста сѣли бабы и многократно кричали Алулулу.

Между шѣмъ юрша изпопилась, и оставшіяся голловни по обыкновенію начали вымешывать, но сидѣвшія на верху бабы ухватя оныя обратно въ юршу мешали, и чшобъ мущинамъ ни одной голловни вонъ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямъ ихъ испосѣли сами. Мущины взбѣжавъ по лѣспницѣ силою двери раскрыли, и вышедъ на юршу бабѣ долой сгоняли, между шѣмъ другіе голловни мешать успѣвали. Но понеже бабы мушинъ числомъ превосходили, то иныя ихъ паскали, иныя голловни обратно въ юршу бросали, чего ради въ юршѣ ошъ дыму и искрѣ и сидѣшь почти не возможно было: ибо голловни какъ ракеты по вверхъ, по внизъ безперестанно летали, и продолжалось сіе веселіе ихъ съ полчаса. На послѣдокъ бабы пустили голловни выбросать, а шѣхъ мужиковъ, которые выбѣжали ихъ ошбивать, но шѣхъ юрѣ паскали, и мучили, пока они ошъ другихъ вышедшихъ на помочъ не выручены были.

Послѣ объявленной пошѣхи бабы попѣвъ нѣсколько на верху, спали спускашся въ юрпу, а мужики стояли по обѣ стороны лѣсницы фруншомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перешащить на свою сторону, ошѣ чего происходило между ими сраженіе; и которая сторона перемогала, ша бабу какъ въ полонѣ отводила.

Когда случается, что бабы взяшы бываютъ на противныя стороны; шо каждая сторона выкупаешъ своихъ плѣнниковъ равнымъ числомъ завоеванныхъ: а ежели одна сторона овладѣешъ большимъ числомъ, шакъ что другой нѣчемъ выкупишь будешъ, шо она ходишъ какъ бы войною для ихъ освобожденія, при чемъ немалой бой производишъ. Однако при мнѣ шакъ здѣлалось, что плѣнницъ на обѣихъ сторонахъ было поровну, чего ради Камчадалы и въ походъ ходишъ не имѣли нужды.

По окончаніи объявленной пошѣхи расклали они небольшой огонь, и сожгли еѣ Урилыдачей и по другимъ мѣстамъ висѣвшей шоншичь, а служители принесли по два маленькихъ голычка и испекши мѣлко на лопкѣ изкрошили, и посшавили у лѣсницы по правую сторону. Послѣ шого пришелъ шарикъ, и переброевалъ въ огонь большую половину рыбы приговаривая *та*, шо ешъ возми, а осшашки раздѣлили служители по Камчадаламъ имѣющимъ у себя малинькихъ болванчиковъ Урилыдачь называемыхъ. Головні послѣ сего огня вошѣ не мечушся, но перегораюшъ въ юршѣ.

Наконецъ

Наконецъ дѣлали они по себѣ омегъ, которой остался въ мѣшечкахъ послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ. Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходишь въ лѣсѣ и поймаешь маленькую пшцу, которая жарится, и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ въ огонь бросаетъ.

Сей праздникъ, по объявленію Шеллера, праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія, что также подаешь причину думать, что предки ихъ были разумнѣе, и сіе торжество уставлено было не безъ добраго основанія, особливо же что Камчадалы и нынѣ, какъ изъ вышеписанаго явствуешь, все въ огонь бросають, и все обожженное имъ въ праздникъ почишаютъ за священное. Ибо какъ новомѣсячіе, такъ священной огонь у многихъ народовъ въ почтеніи были, особливо же у Еврейскаго, которой наблюдая въ томъ Божіе повелѣніе и отеческое преданіе одинъ токмо по попопѣ не утратилъ истиннаго богопочитанія, а у прочихъ подобно какъ у Камчадаловъ слѣды токмо нѣкоторые остались, впрочемъ все приведено въ злоупотребленіе. Чтожъ касается до вышеписанаго Пома, то подобное сему объявляетъ Лукіанъ въ разговорахъ своихъ о капищѣ Вогини Сирской, гдѣ также и идолы были дѣлаемы и назывались Фаллы. Тамъ же упоминается, что и евнухи носили женское платье какъ Камчатскіе, и хотя шакихъ обстоятельство у другихъ народовъ по исторіямъ, сколько я знаю, не примѣчается, однако можетъ ли сіе употреблено быть къ нѣкому доказательству происхожденія народовъ, оно оставяется на сужденіе искуснѣйшихъ. Н 2

ГЛАВА

ГЛАВА 4.

О пирахъ и забавахъ Камчатскихъ.

Пиры у нихъ бывають, когда одинъ острогъ со-сѣдей вздумаетъ подчивать, особливо когда гдѣ бываетъ свадьба, или великой какой промыселъ, а пре-провождаются наибольше въ обѣденіи, въ пляскѣ и пѣніи. Въ такихъ случаяхъ хозяева гостей подчивають большими чашами, опанги, споль доводно, что ихъ рветъ по нѣскольку разъ.

Иногда употребляютъ для веселья и мухоморъ, извѣстной оной грибъ, которымъ у насъ обыкно-венно мухъ моряшъ. Мочашъ его въ кипрейномъ су-слѣ, и пьюшъ оное сусло, или и сухіе грибы свернувъ трубочкою цѣлакомъ глошаютъ, которой способъ въ большемъ употребленіи.

Первой и обыкновенной знакъ, по чему усмо-трѣшь можно человекъ, что его мухоморъ разли-чаетъ, дерганіе членовъ, которое по прошествіи ча-са или меньше послѣдуетъ, по томъ пьяные какъ въ огневой брѣдѣшъ; и представляются имъ различныя привидѣнія страшныя или веселыя, поразности тем-периментовъ: чего ради иные скачутъ, иные пляшутъ, иные плачутъ, и въ великомъ ужасѣ находятся; инымъ скважины большими дверьми, и лощка воды моремъ кажешся. Но сіе о шѣхъ разумѣть должно, которые чрезъ мѣру его употребляютъ, а которые не много, шѣ чувствуюшъ въ себѣ чрезвычайную легость, весе-ліе, отвагу и бодрость, шакъ какъ сказывають о Туркахъ, когда они опія набдаются.

Сіе

... Сіе примѣчаніа достойно, что всѣ, кои мухоморѣ вѣдали, единогласно утверждають, что какія они сумозбродства тогда ни дѣлають, все дѣлають по приказу мухоморову, которой имѣ повелѣваетъ невидимо. Но всѣ дѣйствія ихъ столь имѣ вредны, что естли бы за ними не было присмотру, то бы рѣдкой оставался въ живѣ. Я о проказахъ Камчатскихъ, каковы они дѣлають, не упомяну, ибо самъ ихъ не видывалъ, и Камчадалы сказывають о томъ не охотно: но можеть бысть, что у нихъ дальнихъ и не бываеть, для того что они въ него вѣвлись, или что не употребляють чрезъ мѣру. Чтожъ касается до казаковъ, которые оной вѣдали, то сообщу я иъкоторыя сумозбродства, которыя я отъ части самъ видѣлъ, а отъ части слышалъ отъ самыхъ шѣхъ, кои ихъ дѣлали, или отъ другихъ людей, коимъ не вѣришь не лзя.

Деньщику Подполковника Мерлина, которой былъ на Камчаткѣ у слѣдствія и розыску, приказалъ мухоморѣ удавиться съ такимъ представленіемъ, что всѣ ему дивиться будутъ. И сіе дѣйствительно бы учинилось, естли бы не зберегли его товарищи.

Другому изъ шамошнихъ жителей показался Адъ и ужасная огненная пропасть, въ которую надлежало бысть низвержену: чего ради по приказу мухомора принужденъ онъ былъ пасть на колѣни, и исповѣдовать грѣхи свои, сколько могъ вспомнить. Товарищи его, которыхъ въ ясашной избѣ, гдѣ пьяной приносилъ покаяніе, было весьма много, слушали того съ великимъ удовольствіемъ; а ему казалось, что онъ

въ шайнѣ предъ Богомъ кается о грѣхахъ своихъ. По сей причинѣ подверженъ онъ былъ нарочитому посмѣянью, ибо между шѣмъ сказывалъ то, о чемъ не всякому знать надлежало.

Иѣкошорой служивой ѣдалъ, сказывающъ, мухоморѣ умѣренно, когда ему въ дальней путь ипши надлежало, и такимъ образомъ переходилъ онъ значное разстояніе безъ всякаго усташку, наконецъ наѣвшисъ его до-пьяна раздавилъ себѣ янца и умеръ.

Бывшей у меня въ шолмачахъ Большерѣдкой казначей сынъ опоенный мухоморомъ въ незнаніи, разрѣзалъ было себѣ брюхо по приказу мухоморову, ошѣ чего на силу его избавить успѣли, ибо уже въ самомъ замахѣ руку ему здержали.

Камчадалы и Сидячіе Коряки ѣдять мухоморѣ и тогда, когда убишь кого намѣряются. Въ протчемъ у Сидячихъ Корякѣ мухоморѣ въ такой чѣсти, что пьяному не даюшъ мочиться на полъ, но подснавляюшъ посуду, и мочу его выпиваюшъ, ошѣ чего шакже бѣсяшся, какъ и шѣ, кои грибѣ ѣли: ибо они мухоморѣ получаюшъ у Камчадаловъ, а въ ихъ сторонахъ не родишся. Умѣренное употребленіе чепыре гриба или меньше, а для пьянства ѣдять до десяти грибовъ.

Женской полъ, какъ не обѣдаешся, шакъ не употребляешъ и мухомору, чего ради все веселіе ихъ состоишъ въ разговорахъ, въ пляскѣ и пѣніи.

Пляска, кошорую мнѣ случилось видѣшъ, производила такимъ образомъ: двѣ бабы, кошорымъ плясашъ надлежало, послали на полу посреди юрты ро-
гожку,

гожку, и спали одна противъ другой на колѣняхъ, имѣя въ рукахъ по повѣсму поншичу, и сперва начали поводитьъ плечами и взмахивашь руками припѣвая въ такшу тихимъ голосомъ, по томъ часъ отъ часу большія шѣлодвиженія представляли, и громче пѣли, и по шѣхъ поръ не перестали, пока и изъ голосу вышли, и изъ силы выбились. Мнѣ казалось оное дѣйствіе страннымъ, дикимъ и противнымъ, но Камчадалы смотрѣли съ крайнимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ природныя забавы сильны произвести во всякомъ нѣкоторое движеніе, хотя бы другимъ казались и странными.

Другіе роды пляски сообщимъ мы изъ описанія господина Шеллера, которой упоминаетъ объ нихъ пространно и обстоятельно, такъ какъ и о нѣкоторыхъ пѣсняхъ ихъ, которыя у него и на нопу положены.

Первой родъ пляски, пишеть онъ, вообще употребительнъ у Курильцовъ на Лопашкѣ, также и у всѣхъ Камчадаловъ, кои морскихъ звѣрей на байдарахъ ловятъ. Оная пляска принята изъ давнихъ лѣтъ отъ Курильцовъ дальнихъ острововъ, и почиается за пляску мореходовъ Казаки называютъ оную Хаюшки, а плясать, Хаюшки *сказывать*, которое происходитъ отъ Камчатскаго слова Хаюшкукингъ. Южные Камчадалы называютъ оную Ирскина, а Курильцы Римвергъ. Сей родъ пляски состоитъ въ томъ: десять человекъ мужчинъ и женщинъ холостыхъ и женатыхъ становящяся кругъ въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо, подвигая одну ногу за другою

по

до шактѣ, одинѣ за другимѣ говоритѣ слова шактѣ, что когда половина выговоритѣ послѣднїя слова, то другая говоритѣ первыя, подобно какѣ бы кто спитѣ по шопамѣ чиналѣ. Употребляемыя при шомѣ слова всѣ принадлежатѣ до ихѣ промысла, и Камчадалы хошя ихѣ и говоряшѣ при пляскѣ, однако большей части не разумѣюшѣ, ибо иныя слова вѣ нихѣ Курильскїя. Они ихѣ не поюшѣ, но выговариваюшѣ однимѣ голосомѣ, какѣ на примѣрѣ:

Типсаинку фразантагѣ шкеани шиффорпа.

Ошчаль байдару, стрѣлай блиско берегу.

Сколь дики помянушыя пляски, столь страненѣ крикѣ при шомѣ произходящей, однако они сполько ошѣ того забавы имѣюшѣ, что ежели плясать начнушѣ, то по шѣхѣ порѣ не перестанушѣ, пока не запышашя и не обезсилѣюшѣ. Великая честь шому, кто всѣхѣ перепляшетѣ. Иногда они безпрестанно пляшутѣ часовѣ по 12 и по 15 сѣ вечера до самого ушра, и ни одигѣ вѣ юршѣ не остается, кто бы не пожелалѣ шѣмѣ забавляшя: самыя дряхлыя шарики не жалѣюшѣ теряшѣ при шомѣ послѣдней силы. Впрочемѣ ежели сїю пляску снести сѣ описанїемѣ Американскихѣ плясокѣ Барона Лагондона вѣ Канадѣ, то сыщется между оными и сими великое сходство.

У женщинѣ есть особливой танецѣ: онѣ становяшя двумя рядами женщина прошивѣ женщины, и кладутѣ обѣ рѣки на брюхо, и подвїмаясь на носкахѣ поводяшѣ плечами не шевеля руками, и не сходя сѣ своего мѣста.

Трешей родѣ пляски состоитѣ вѣ шомѣ, что всѣ мушны по разнымѣ угламѣ прячущя, и не значай

выскача

выскоча сперва одинъ, какъ бѣшеной бьетъ въ ладоши, послѣ въ груди, по бедрамъ, подбываетъ руки къверху, и дѣлаетъ диковинныя шлодвиженія; послѣ того выбѣгаетъ другой, претей и четвершой, и представляютъ такіежъ дѣйствія, а при томъ всѣ кругомъ вертятся.

Четвершой родъ пляски, что они стоѧ на колѣняхъ, какъ лягушки, вокругъ прыгаютъ плеская руками, и представляя странныя фигуры. И сія пляска однимъ человекомъ начинается, а другіе изъ угловъ припрыгиваютъ къ нему послѣ.

Камчадалы имѣютъ еще старинныя, и какъ бы собственныя свои шанды, которые отъ Южныхъ называются Хаюшеля, а отъ Сѣверныхъ Кузелькинга. Главнѣйшей шандѣ, когда дѣвки и бабы садятся вокругъ, послѣ одна вскачетъ, и завѣвши пѣсню махаетъ руками, а въ рукахъ на среднихъ пальцахъ имѣетъ шоничъ, движетъ всѣми членами столь проворно, что удивишься тому довольно не лая, и кричитъ голосами различныхъ звѣрей и птицъ столь хитро, что въ одномъ голосѣ три разные слышатся. Если же у нихъ и круговой шандѣ, только и Шеллеру и мнѣ видѣшь его не случалось.

Что касается до пѣнїа, то можно сказать, что оное не неприятно: ибо въ немъ ничего дикаго не примѣчается, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ ниже сего пѣкошорыхъ пѣсенъ на нотѣ; но въ матерїи пѣсенъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо одинъ простыя понятїя о вещахъ, которыя имъ странными кажутся или смѣшными, или достойными удивленїа.

Томъ II.

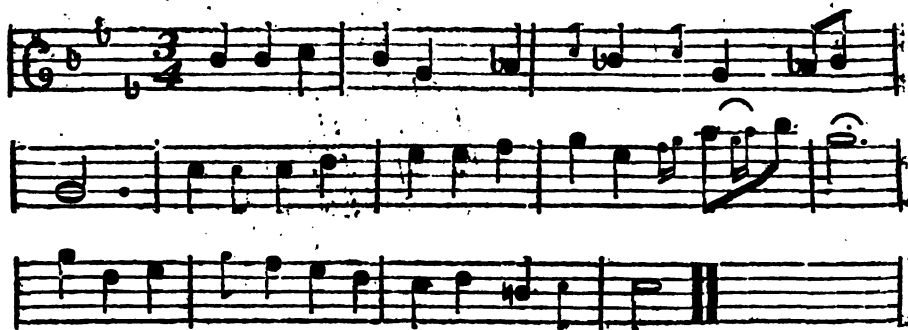
О

ленїа.

ленія. Во всякой почти пѣснѣ употребляютъ слова Ганика и Баюнъ, такъ какъ казаки здунай, Якушы нага, которыя раздѣляя по членамъ иногда сокращаютъ, иногда продолжаютъ, какъ того голосъ пѣсни требуетъ.

Въ любовныхъ пѣсняхъ изъясляютъ онѣ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль, надежду и друга обстоятельство; а всѣ пѣсни сочиняютъ больше дѣвки и бабы, которыя имѣютъ весьма чистые и пріятные голоса. Изъ чего видѣть можно, что сей народъ имѣетъ къ музыкѣ великую склонность, по-чмо по удивительно, что сей народъ никакого инструмента не выдумалъ кромѣ дудокъ дягильныхъ, на которыхъ однакожъ пѣсенъ не можешь наигрывать.

Пѣсня на Подполковника Мерлина, Масора Павлуцкаго и Студента Крашениникова.

Майбрѣ кбкѣзль шѣлѣгѣ кбрхѣль кукарѣшь шѣмбѣзль
Ежели бы я былъ масорской поварь, шобъ снялъ съ огня ко-
пель съ кушавень.

Прѣлѣршкѣ кбкѣзль шѣлѣзикѣ жисгарулиель кукарѣшь
шѣм-я-бе-зе-нѣ.
Ежель

Ежели бы я былъ прапорщикомъ поварь, тобъ всегда снималъ
кошелъ въ перчаткахъ.

Павлоцка кеинцегъ шеелезикъ гинкало гааспугалъ кикингизикъ
Ежели бы я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣлымъ гал-
снуккомъ.

Павлоцка иваннелъ теѣлѣзикъ чачалъ чулкинъ кинингизикъ.
Ежели бы я былъ Павлуцкаго Иванъ, то бы носилъ чулки
красные.

Спуденшалъ шеелезикъ бипель чипель киллизинъ
Ежели бы я былъ Спуденшъ, тобъ описалъ всѣхъ дѣвокъ.

Спуденшалъ кейнцехъ шеелезикъ ерагутъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы описалъ быка рыбу.

Спуденшалъ шеелезикъ бипель адоношъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы описалъ всѣхъ морскихъ
чакъ.

Спуденшалъ шеелезикъ бипель силлеги ирешъ шамбезенъ.
Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы носилъ всѣ орлиныхъ
гнѣзда.

Спуденшалъ шеелезикъ бипель пипганецъ кавчечавъ киллизинъ
Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы описалъ горячіе ключи.

Спуденшалъ шеелезикъ бипель энзигъ киллизинъ
Ежели бы Спуденшъ былъ, тобъ обисалъ всѣ горы.

Спуденшалъ шеелезикъ бипель дечумъ кулецъ киллизикъ
Ежели бы я Спуденшъ былъ, тобъ описалъ всѣхъ птицъ.

Спуденшалъ шеелезикъ кеинцегъ игскуеигъ енчубецъ килли-
зинъ

Ежели бы я Спуденшъ былъ, тобъ описалъ всѣ морскія рыбы.

Такимъ образомъ всѣ ихъ пѣсни составлены, въ
которыхъ упоминающся токмо нѣкоторыя дѣйствія
или другія какія обстоятельство безъ всякаго скла-
ду.

Другая пѣсня называемая Аангичь, сложена на голось морской ушки, Аангичь называемой. И хотя подведенныя слова съ ношою несходны, однако Камчадалы дополняютъ, и исправляютъ оныя прибавленіемъ нѣкихъ ничего незначащихъ слоговъ, которые при семъ подчеркнутыми лиферами означены.

1. Гнакоде олосконга ворока а хитецѣ аиншесѣ бине зотесѣ

Комчуль белоонѣ

2. Капанинача угаренѣ : Бине зотесѣ Комчуль белоонѣ.

Весь смыслъ пѣсни состоятъ въ томъ : Я пещерялъ жену свою и душу, съ печали пойду въ лѣсъ, буду здирать кору съ дерева и ѣсть, послѣ того встану по ушру, погоню ушку Аангичь съ земли на море, и на всѣ стороны поглядывашъ имбю, не найду ли гдѣ любезнаго моего сердца.

Непослѣднѣя ихъ забава представлять другихъ людей точно, какъ кто говоритъ, ходитъ, какъ чше дѣлаютъ, словомъ по всѣмъ пріемамъ. Какъ скоро кто на Камчатку пріѣдетъ, то во первыхъ даютъ ему новое имя на своемъ языкѣ, по томъ высматриваютъ всѣ его дѣйствія, и при такихъ веселіяхъ представляютъ точно, а при томъ не забываютъ табакъ курить, сказывать сказки; и всѣ такія веселія больше ночью, нежели днемъ у нихъ бывають. Сверхъ того есть у нихъ и шуты, которые забавляютъ другихъ своими проказами, но оныя снотъ скверны, адо и ушминать гнусно и непристойно.

ГЛАВА

ГЛАВА 15

О сведеніи дружбы и о подчиваніи гостей паршикулярно.

Когда одинъ съ другимъ подружиться желаетъ, то воешь будущаго своего друга въ гостни, и шопишь для него юршу весьма жарко, и готовишь всякаго кушанья, какое у нихъ за лучшее почищается, такъ много, что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленіи гостя въ юршу и гость и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ скушавъ юршу подчиваетъ его прѣугошвленными кушаньемъ, наливаетъ щербу въ превеликую чашу, а между шѣми, какъ гость щербу пьетъ или хлѣбаетъ, хозяинъ поливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое камень, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость старается все, что у хозяина пристряпано, сѣсть, и жаръ его вытерпѣть, а хозяинъ старается принудить, чтобъ гость замолялся, и просилъ бы свободы отъ пищи и жару. Въ прошивомъ случаѣ сколько гостю ще за удовольствіе, столько хозяину за скупость и безчестіе причитается. Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и изъ юршы выходитъ воленъ. Но гость по шѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя признаетъ. Во время ѣды рветъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по три не шокмо ѣсть, но и глядѣть на пищу безъ движенія не можешь.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару терпѣть, ни ѣсть ему не можно будешь, то ошкупается

паешся отъ шого сабаками, плашьемъ или что хо-
зяину нравно; и такимъ образомъ получаешъ свобо-
ду. Напрошивъ шого получаешъ отъ хозяина вмѣ-
сто хорошаго своего плашья обноски, вмѣсто добрыхъ
сабакъ худенькія сученки, кошорія о себѣ почти
ходитъ не могушъ. Однакожъ оное за обиду не по-
читаешся, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ
обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается.
Ежели же шотъ, кошорой друга своего помянушимъ
образомъ оберешъ, а самъ къ нему не будетъ въ го-
сти, то обранной прѣвжаетъ вторично въ гости,
однакожъ не съ шѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое
получишь отдарки. Хошя гостъ, какъ у нихъ обычай,
ничего о причинѣ прѣзда своего не объявляетъ, одна-
кожъ хозяинъ о томъ ужѣ вѣдаешъ, и отдариваетъ
ему по возможности. А буде ничемъ не подаритъ,
то гостъ вереночевавъ у него запрягаетъ сабакъ све-
ихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ пошма-
кая ошталомъ въ землю, пока что нибудь полу-
читъ отъ своего друга. Ежели же другу его или
отдаритъ случитъ не чѣмъ, или отъ скупости не
захочешся, то гостъ уѣзжаетъ домой съ великимъ
неудовольствіемъ, и бываешъ его крайнимъ непріа-
телемъ; но сіе весьма рѣдко случается: ибо обидѣтъ
друга своего за шакое почитаешся безчестіе, что ни-
кто съ обидѣвшимъ вѣкъ не покочетъ дружитъся.
Таковожъ безчестно и другому за подарки свои шребс-
вать отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда
случается у нихъ какаа пирушка, однакожъ жаромъ
не

не морятъ, и подарковъ не требуютъ. Ежели подчиваютъ перничьимъ или киповымъ жиромъ, то хозяинъ накроя жиру ремнями становится передъ сидящимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича будто съ серцовъ Та (на), а ножомъ ошрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ничемъ кромѣ объявленнаго способа достать не можно: ибо при шомъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя ни попросилъ, отказать ему стыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго острога въ которой казакъ изъ новокрещеныхъ Якушовъ. Онъ имѣлъ у себя по тамошнему обычаю друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими образы достать оную; однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не смотря ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Казакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновенію: зазвалъ его въ гости, вытопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верхней полкѣ началъ подчивать не подавая на каменку. Но какъ примѣшилъ, что Камчадалъ недоволенъ жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ поддавать, и сколько наподавалъ, что и самому въ банѣ быть нестерпимо было. Чего ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, которому сіе дозволяется, изъ бани вонъ и стоялъ въ передбанникѣ;

никѣ; а между шѣмъ отворяя двери безперестанно поддавалъ на каменку: и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолишься, но казакъ мучилъ его по шѣхъ поръ, пока Камчадалъ обѣщалъ ему ошдашь, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное пошчиваніе Камчадалу пріятно было: онъ кляшвою ушверждалъ, что съ роду не видалъ шакого жару, и никогда не могъ надѣяться, чшобъ казаки гостей шакъ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища не шокмо не почелъ себѣ за убышокъ, но казака онаго дружество, яко доброе, прославлялъ у своихъ шоварищей, обѣявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Рускихъ ни мало не умѣюшъ гостей подчивать. Сте я не шокмо ошъ самага шого казака, но и ошъ прочихъ шого острога служивыхъ слышалъ, которые шѣмъ надъ нимъ смѣялись; а происходило оное не вадолго до моего въ Нижношаншальской острогъ пріѣзду.

Г Л А В А 16

О свашаньѣ и свадьбахъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ женишься, шо вышморя себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ а не въ своемъ острожкѣ, преселяетъ жишь шуда, и обѣявля невѣстину ошду или машери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаешъ, оказывая удаальство свое и проворштво, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему шестю, шещѣ и невѣстѣ

стѣ, а по томѣ требуетъ позволенія хваташъ невѣсту. И ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ, также и самой ей понравятся, по получаетъ онъ соизволеніе; въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ приходящъ жить въ чужой острогъ и работающъ; и хотя всякой по услугамъ ихъ можешъ признашъ, съ какимъ намѣреніемъ они то дѣлающъ, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ, и не говоритъ ни слова, пока они или сами, или чрезъ другихъ объявляшъ родителямъ невѣсты о своемъ изволеніи

Когда женихъ получаетъ позволеніе хваташъ невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ нибудь напастъ на нея въ малолѣдствѣ: ибо она бываетъ тогда подъ охраненіемъ всего женскаго полутакого острожка, которыхъ рѣдко отъ ней всѣ ослушаются. Сверхъ того во время хватанья бываетъ она одѣта въ двой или въ трой хоньбы, опутана сѣтми рыболовными и ремнями увязана такъ, что она не можешъ поворотиться какъ спашуя. И если женихъ улучитъ въ малолѣдствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ стремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣти, чтобъ коснуться шайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между шѣми какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ происходитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста при томъ не противится, да и противиться не можешъ, однако охранительницы поступающъ съ женихомъ не-

Толь II.

II

мило-

Е. 4

милосердо, бьютъ его, таскаютъ за волосы, шерзаютъ лице, и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему не дать схватить невѣсты. И буде жениху пощаснится предпріятіе свое произвести въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалостнымъ голосомъ *ни ни*. Въ семъ состояніи вся важность брачнаго ихъ сочетанія. Однако сіе получить жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходитъ иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждаго хвощанья принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляться съ силою и раны залѣчивать. А есть примѣры, что нѣкоторые по седьмилѣтнемъ хвощаньи вмѣсто невѣсты получили увѣчье; будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватываетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ея въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній; а для празднованія брака возвращается къ невѣстнымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени, при чемъ бываютъ слѣдующіе обряды, которые въ 1739 году въ Камчатскомъ острожкѣ, что на рѣчкѣ Рашугѣ, и мнѣ случилось видѣть.

Молодой съ сродниками своими и съ женою ѣхалъ къ шестю въ шрехъ башахъ. Въ башахъ сидѣли женщины, въ шомъ числѣ и молодая, и при нихъ довольное число сѣстныхъ припасовъ, юколы, нерпичья и кишоваго жиру, сараны и пропчаго; а мужчины, не выключая и молодого, вели оныя башы на шестахъ нагѣ.

Не

Не доѣхавъ до острожка саженъ за сто, вышли они на берегъ, и начали пѣшь пѣсни, шаманить, шоншичь на прутье вѣшашь, и нѣчто на сухую рыбу голову наговаривашь, которую потомъ обертя въ шоншичь ошдали бывшей при нихъ старухѣ.

По окончаніи шаманства надѣли на молодую сверхъ ея плашья бараньи хоньбы, а на нихъ напянули чешыре куклянки, такъ что она сшояла какъ чучела разширя руки и съ нуждою могла двигашься. Послѣ шого сѣли паки въ башы свои, и шли до самага острожка, гдѣ къ берегу пристали. Отъ пристани до самой юршы велъ молодую подѣ руку высланной изъ острожка небольшой парень, а за нею слѣдовали прочія свиты ея женщины.

Взведши на юршу перевязали молодую поперегъ ремнемъ, и на ономъ опустили въ юршу, а прежде ея вошла въ юршу помянушая старуха, которой рыба голова ошдана была, коя положена передъ лѣсницу, и отъ всего ихъ поѣзду мужеска и женска полу, въ шомъ числѣ и отъ молодого съ молодою, была шоптана, а наконецъ сама старуха пошопшавъ ея положила на очагъ между дровами, которыя для шопленія юршы были пригошвлены.

Пріѣзжіе гости сѣдши по мѣстамъ сняли съ молодой излишнія куклянки, а молодой зашопилъ юршу, и настряпавъ кушанья изъ привезеннаго запасу подчивалъ жишелей шого острожка. На другой день хозяинъ гостей подчивалъ по обыкновенію со излишествомъ, на шршей день гости развѣхались, а молодой съ молодою ошдался работашь нѣскольکو времени шешю.

Вышеписанныя снятыя съ молодой излишнія кулянки раздариваются сродникамъ, кошорье за нихъ опдаривать должны, а у кого опдаришь нѣчемъ, шомъ долженъ отъ даровъ опговориться.

Все вышеозначенное касается токмо до первобрачныхъ, а когда на вдовахъ женятся, шо свашанье и свадьба состоитъ въ однихъ договорахъ безъ всякихъ дальнихъ обрядовъ; однако вдовы за себя никто не возмешъ, пока съ ней грѣха не будетъ сняшо, что состоитъ въ одномъ совокупленіи съ нею челоуѣка сторонняго. А понеже сіе почисалось у нихъ за шакое безчестіе, что никто грѣховъ не снимываль кромиѣ шакихъ людей, кои не смотрятъ на шо, что имъ въкъ жить въ поруганіи и презрѣніи, какихъ однакожь между ими не много: шо бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искашь грѣхоснимашелей съ великимъ трудомъ и убышкомъ, а иногда и вдовѣшь въкъ свой. Но какъ казаки на Камчатку наѣхали, шо оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества токмо машъ да дочь, а пасынкамъ мачихъ, вошчимамъ падчерицъ, братьямъ двоюродныхъ сестръ въ жены братья позволяется.

Разводятся съ женами безъ великихъ обрядовъ: вбо весь разводъ состоитъ въ шомъ, что мужъ съ женою не будетъ спать вмѣстѣ. Въ шакомъ случаѣ мужъ женится на другой женѣ, а жена за другога выходитъ безъ хватанья и безъ грѣхосниманья.

Камчадалы имѣють жены по двѣ и по три, которыхъ иногда содержатъ въ одной юршѣ, а иногда по

по разнымъ мѣстамъ, и живушъ съ ними попере-
мѣнно. Всякую должно ему хватать вышеписаннымъ
образомъ. Въ прощемъ сей народъ хотя и женолю-
бивъ, однако не столько ревнивъ, какъ Коряки. При
бракахъ знаковъ дѣвства не наблюдаюшъ, а нѣкоп-
орые сказываюшъ, что зятевя въ пороки щещамъ
своимъ ставяшъ, когда женъ получаюшъ дѣвцами,
однако я не могу утверждать сего заподлинно. Не-
ревнивы же и бабы ихъ, что можно видѣть изъ то-
го, что нешокмо двѣ или три жены одного мужа жи-
вушъ между собою согласно, но сносяшъ и коекучей,
которыхъ нѣкошорые изъ нихъ держашъ вмѣсто на-
ложницъ.

Женщины ходяшъ закрывъ лице кулемъ куклян-
ки, и ежели случится на дорогѣ встрѣшиться съ му-
жиною въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ разойтись не можно,
то не хощя показашъ лица отворачиваюшся въ сто-
рону и стояшъ, пока мужчину пропусшяшъ. Въ юр-
тахъ сидяшъ за рогожными или изъ кропивы преще-
ными занавѣсками; а у кошорыхъ занавѣски предъ
собою нѣшъ, а случится пришши стороннему въ юрту,
то отворачиваюшся онѣ въ уголь лицемъ, и дѣлаюшъ
свою работу. Но сіе токмо о шѣхъ разумѣтся, ко-
шорыя старой своей грубости не оставили: ибо дру-
гія не столь зазорны; впрочемъ всѣ вообще говоряшъ
грубо и противно, и какъ быкъ съ великаго сердца.

ГЛАВА 17

О рожденіи и воспитаніи дѣшей.

О Камчатскомъ народѣ можно вообще сказать, что
они не весьма плодородны; по крайней мѣрѣ не случа-

лось слышать, чшобѣ у какого Камчадала было деся-
шero дѣшей съ одною женою.

Женщины ихъ, какъ сказывающъ, легко родящъ,
выключая нещасливые случаи, когда младенецъ не
на прямомъ пути бываетъ. При Шеллерѣ родила
одна Камчадалка, кошорая вышла изъ юршы вонѣ не
съ шѣмъ, чшобѣ родить, но съ четверть часа спус-
шя возвратилась въ юршу съ младенцомъ безъ всякой
въ лицѣ перемѣны. Онѣ же пишетъ, чшо видѣлъ дру-
гую женщину, кошорая по придневномъ мученіи къ
великому его удивленію родила младенца, у кошораго
прежде всего задѣ оказался. Шеманки приписывали
ощу причину нещастія, чшо онѣ въ то время,
когда младенцу надлежало родиться, сами дѣлалъ, и
дуги гнулъ на колѣняхъ; изъ чего можно разсуждашь
о другихъ Камчатскихъ смѣшныхъ замыслахъ.

Раждающъ онѣ сшоя на колѣняхъ при всѣхъ лю-
дяхъ, сколькобъ въ ошпрожкѣ ни случилось, не вы-
ключая на какого полу ни возраста. Новорожденнаго
обширающъ шоншичемъ, пупокъ перевязывающъ кро-
пивною ниткою и ошрѣзываютъ ножемъ каменнымъ
а мѣсто бросаютъ сабакамъ. Къ ошрѣзанному пупку
прикладываютъ кипрей жеваной, а младенца обвива-
ющъ вмѣсто пеленокъ шоншичемъ. Послѣ шого всѣ
жишели любуются младенцомъ, берутъ его на руки,
цѣлуютъ и обнимающъ срадуясь родителямъ, однако
кромѣ шого никакихъ не бываетъ обрядовъ.

При родахъ естъ у нихъ и бабки повивальныя,
однако ненарочныя: у кошорой женщины естъ мать,
на у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Кошо-

Которыя женщины дѣшей желаютъ, тѣ дѣлають науковъ, какъ уже выше показано: нѣкоторыя родильницы дѣлають и пунокъ съ кипреемъ, чшобъ послѣ очреватѣшь скоряе. Напротивъ того много и шакихъ, кои младенцовъ выгоняють отварами и другія страшныя средства употребляють, давять младенцовъ въ ушробѣ, ломають имъ руки и ноги чрезъ старухъ искусныхъ въ шакомъ злодѣянїи, и послѣ выкидываютъ мертвыхъ часто съ своею погибелюю.

Такія Меден хотя иногда и въ ушробѣ не вредяють младенцовъ, однако рожденныхъ давять, или живыхъ сабакамъ бросаютъ. Для неплодородїя же пьють декоктъ шравы называемой Кушахжу, и разныя волшебства употребляютъ. Иногда причиною безчеловѣчїя бывали и ихъ суевѣрїя: ибо когда онѣ раждали двойни, то по крайней мѣрѣ одному умереть надлежало; тожъ дѣлалось и съ рожденными въ худыя погоды, которыя оба случая почитались несчастливыми. Однако послѣдней иногда и нѣкоторыми шаманствами исправляется.

Послѣ родовъ оправляются онѣ опанюю, то есть рыбьею ухюю вареною съ листьемъ произрастающаго называемаго Гале, а по нѣсколькихъ дняхъ паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаются.

Младенцамъ имена дають отцы умершихъ своихъ сродниковъ безъ всякихъ же обрядовъ, которыхъ дѣши не переменяють и на возрастѣ.

ИМЕНА

ИМЕНА МУЖЕСКІЯ:

Кешлея,	не умирай.
Камакъ,	озерная букашка на подобіе жука.
Лемшинга,	земляной.
Шикуйка,	паукъ.
Чакачь,	шолмачь не умѣль перевезеть.
Кана,	врагъ.
Брючь,	живосгорѣвшей, отъ того названъ, что нѣкоторой сродникъ его сгорѣлъ въ юршѣ.
Имаркинъ,	права, которая весьма скоро загараешя: можетъ быть Плаунъ.
Быргачь,	родъ нѣкоторой болѣзни.
Талачь,	котъ морской.

ИМЕНА ЖЕНСКІЯ:

Каналамъ,	враговка.
Кенилла,	мышеловка.
Кыгмачь,	неразраждаемая, отъ того, можетъ быть, шакъ названа, что какая ни будь свойственница ея родами замучилась.
Кайручь,	золотье.

Но большая часть женщинъ мужескими именами называющя: какъ на примѣръ: Брючь, Быргачь, Чекава и прочая.

Колыбели у нихъ есть, токмо рѣдко, однако не для качанья: ибо они дѣшею не качають, но вмѣсто кровати дѣтской дѣлаються коробками изъ досокъ, у которыхъ бывають на переди желобокъ, которымъ моча збѣгаетъ. Когда дѣти заплачуть, то матери сажаютъ ихъ въ куклянки за плеча, которыя въ такомъ случаѣ подвязываютъ, и качають, пока заснетъ
мла-

младенцѣ. Такимъ же образомъ ходящъ съ ними въ дорогу и на работу. Впрощемъ онѣ дѣшей своихъ не пеленающъ, но въ ночное время спящъ съ ними вмѣстѣ. И хотя онѣ сонливы и неосторожны, однако нѣтъ примѣровъ, чтобъ дѣшей засыпали.

Грудью младенцовъ кормящъ по три и по четыре года. На другомъ году учашъ ихъ ползашъ; шѣшашъ юкодою и икрою, березовою и шаловою коркою, а наипаче сладкою шравою, и часто случается, что дѣши приползши къ сабачьимъ корыщамъ осташками опаны забавляющъ. Когда они начнушъ лѣпнись по лѣсницѣ, тогда вѣдшее унѣшеніе родителей, которые смотря на нихъ смѣющъ, и разговаривающъ съ веселіемъ.

Дѣши плашье носящъ подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается, и состоишъ изъ шорбасовъ, чулковъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, назади съ прорѣхою и съ клапаномъ.

Что касается до воспитанія дѣшей, то пишешъ Стеллеръ, что родительская любовь къ дѣшамъ столь велика, сколь велико ихъ презрѣніе къ родителямъ, а особливо къ престарѣлымъ и дряхлымъ. Они бранящъ родителей всякими скверными словами, ни въ чемъ ихъ не слушающъ, и нимало на нихъ не смотрящъ; чего ради родители не смѣющъ ни бранить ихъ ни наказывать, ниже въ чемъ препятствовать. Когда родители не видавшисъ долго съ дѣшми своими увидящъ ихъ, то обнимающъ ихъ съ извѣленіемъ сердечной своей радости; напрошивъ того дѣши совсѣмъ прошивно шому поступающъ. Дѣши ни

Томъ II.

Р

когда

когда ничего не просятъ у своихъ родителѣй, но берутъ сами, что имъ угодно. Ежели хотятъ жениться, то не токмо не совѣщаютъ о томъ съ родителями, но и не даюшъ знать имъ. Надъ дочерями власть ихъ состоитъ токмо въ томъ, что могушъ жениху сказать: *хватай, буде можешь, и на себя надѣнешься*. Право первородства нѣсколько и у нихъ примѣчается: ибо большій сынъ всѣмъ послѣ отца своего владѣетъ, а другимъ ничего не достается; для того что все наследство состоитъ въ одной перебивѣ платья, въ топорѣ, въ ножѣ, въ корытѣ, въ санкахъ и сабакахъ; изъ того числа платье всегда бросали съ мертвымъ, чтобъ надѣвъ самимъ не умереть, которое суевѣріе и понынѣ еще не вывелось.

Г Л А В А 18

О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.

Главные на Камчаткѣ болѣзни цынга, чирья, расслабленіе, ракъ, желуница и нечисть, которыя по мнѣнію ихъ отъ враговъ напускаются живущихъ по березникамъ и ракишникамъ въ то время, когда кто кусты тѣ въ незнаніи рубитъ. Лѣчатъ ихъ больше заговорами, однако не презираюшъ травъ и корней.

Отъ цынги пользуются листьемъ нѣкоторой травы Мышкажунъ, которое къ деснамъ прикладываютъ, и пьюшъ декоктъ бруснишной травы и водяницы. Казаки пьюшъ вмѣсто чаю шамошней сланецъ или кедровникъ съ великою пользою, и ѣдятъ дикой чеснокъ

Чер-

Черемшею называемой: и оба сіи лѣкарства отъ цынги за дѣйствительныя признала вся Камчатская экспедиція.

Чирыи по ихъ называются Оонѣ, опаснѣйшая болѣзнь на Камчаткѣ: ибо отъ нихъ по большѣй части люди умираютъ. Въ діаметрѣ бывають оныя двухъ или трехъ дюймовъ, и когда отворяшя, то по 40 и по 50 скважинъ примѣчается. За смертельной знакъ почитають, когда матерія изъ нихъ не пойдетъ; впрочемъ которые отъ нихъ и не умираютъ, лежатъ въ постелѣ по шести и по десяти недѣль. Камчадалы разгнаивають ихъ сырою зайчиною, а когда отворяшя, то стрелни стараются выдавить.

Разслабленіе, ракъ и французская болѣзнь почитаются за неисцѣлимыя, и о сей послѣдней сказываютъ Камчадалы, что она появилась у нихъ по прибытіи Россійскихъ людей. Разслабленіе называютъ они Налачь, ракъ Кайкчь, а французскую болѣзнь Арожичь.

Есть еще у нихъ болѣзнь Сужучь (ящерица), которая подобна коростѣ, и бываешь подъ грудью на подобіе пояса. Когда оная короста не загноившись пропадаетъ, то смерть послѣдуетъ; а по объявленію ихъ не обходящъ она никого, какъ у насъ воспа.

Шелечь или орелъ болѣзнь, которая подъ видомъ коросты все шѣло заражаетъ, напускается отъ врага того имени, которая иногда бываешь причиною смерти. А короста, которая у нихъ по большей части на младенцахъ бываешь, по иль Тѣуедъ называется.

У господина Шеллера о болѣзняхъ и лѣкарствахъ пространнѣе писано, чего ради сообщимъ мы здѣсь изъ его описанія все пошребное.

Морскую губку, пишеть ояъ, прикладываютьъ Камчадалы къ чирьямъ, чшобъ вышягивало машерію, съ добрымъ успѣхомъ: ибо содержащаяся въ ней алкалическая соль не допускаетьъ росши дикому мясу. Но шокмо лѣченіе происходитъ шрудно, за шѣмъ, чшо не разбиваетъ она машеріи.

Казаки прикладываютьъ къ чирьямъ сладкую шраву, кошорая послѣ сидѣнія вина въ кошлахъ остаешся, и ею съ добрымъ успѣхомъ разбиваютъ машерію и выгоняютьъ.

Малину морскую употребляютъ женщины для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени.

Нигну, чшо по Руски рѣпою морскою называется, шрушь они какъ самую раковину, шакъ и ея иглы, и шѣмъ порошокъ пользующся отъ печенія сѣмени, однако онымъ лѣкаршвомъ одна шокмо моча выгоняешся.

Жиръ морскова волка употребляютъ они отъ жестокаго запору съ великою пользою.

Курильской чай, чшо Пеншафиллоидесъ фрушиковумъ, пьютъ отъ рѣзу и отъ болѣзни въ животѣ съ простуды, не безъ успѣхужъ.

Корку шамошняго кедровника привязываютъ они ко всякимъ порѣзамъ, и сказываютъ, чшо ею можно выгнаивать изъ ранъ и шпрѣлы.

Отъ запору варятъ кислую юколу, и пьютъ вошючую уху оную. Отъ поносу ѣдятъ бѣлую глину, кошо-

которая земляною смешаню называется, и по многимъ мѣстамъ въ Камчаткѣ находится; отъ негоже употребляютъ шеламайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, шѣмъ велятъ мочиться въ кольцо изъ тоншича плешеное, у котораго въ срединѣ рыба икра, кладется; но можешь быть, что при шомъ бывають и наговоры.

У кого отъ болѣзни въ горлѣ сохнеть, то съ добрымъ успѣхомъ пьютъ кипрейное сусло. Сіезъ лѣкарство употребляютъ родильницы и для способнѣйшаго разрѣшенія.

Толченое листье Шеламайнику (*Vimaria*) прикладываютъ они къ ранамъ, когда волкъ укуситъ или сабака, пьютъ же по листье и вареное, и похваляютъ какъ отъ живота, такъ особливо отъ цынгошной болѣзни, а листье вмѣстѣ съ стеблями толченое употребляютъ отъ пожогу.

Отъ головной болѣзни лѣчатся мерзлою брусницею; отъ зубной декокшомъ шеламайнику, которой сваря съ рыбою во ршу держашъ, а корень ея кладушъ на зубы.

Сѣгельчь каменной попоронникъ жуютъ они отъ одышки: пьютъ же нынѣ и вареной отъ харканья кровью, когда внутренняя повреждаются, или упадають съ высокаго мѣста. Беременные пьютъ для здравія младенца и для плодородія. Нѣкоторые думаютъ, что отъ него и голосъ бываетъ свѣщле и чище.

Камчатской звѣробой (*Gentianaes fрес.*) Пьютъ они отъ цынгошной и отъ всякой нутренной скорьби. А пьяную шраву (*Chamaerichododendros*) по ихъ кешенано или Мискуша, отъ Французской болѣзни, токмо безъ пользы.

Морскую капусту (*Quercus marina*) пьютъ отъ поносу; Кушахжу муцины отъ цынга и отъ лому въ членахъ, а женщины для неплодія. Траву моченую въ рыбьемъ жиру прикладываютъ къ больнымъ членамъ теплую, и шѣмже сгоняютъ синія пѣшна отъ побой и уразовъ.

Траву Чахбонъ (*Duguetia*) пьютъ отъ опухоли и отъ цынга въ ногахъ. Отъ бессонницы ѣдятъ плоды шравы Ефемера. Глаза лѣчатъ припаривая шравою Зизомъ, кошорую кладутъ женщины и въ шайные уды для шепла и благовошія.

Лопатскіе жшпели ставятъ и клистиры, что переняли безъ сумнѣнія отъ Куриловъ. Декотъ изъ разныхъ шравъ иногда съ жиромъ, а иногда и безъ жиру наливаютъ въ шюленей пузырь, и обшягиваютъ ошверстіе его около какой ни будь дудки, кошорой ставятъ по обыкновенію, между шѣмъ больной лежштъ на брюхъ внизъ головою. И сіе лѣкарство почитаютъ они споль высоко, что употребляютъ во всякихъ болѣзняхъ.

Отъ желшухи имѣютъ они надежное лѣкарство: берутъ корень лѣсной фьялки, чшпшатъ и свѣжіе шолкутъ съ шеплою водою; сокъ, кошорой бываетъ какъ молоко, въ перничей пузырь наливаютъ, и въ клистирахъ употребляютъ по два дни сряду, а на каждой день по три раза; послѣ чего слабштъ, и фьялковой сокъ по всѣмъ членамъ разходштся. Сіе лѣчение не безъ основанія, когда извѣстно дѣйствіе фьялки.

Крови

Крови ни шильной ни рожечной не пускають, и со-
всѣмъ о шомъ не вѣдають, а пускають оную особли-
вымъ образомъ: около больныхъ мѣстѣ опшягивають
кожу щипцами деревянными, и прокалываютъ оную на-
сквозь хрустальными нарочно для того дѣлающимися
ланцетами, и выпускають крови сколько надобно.

Естьли у нихъ болишь спина, то шрупъ оную кор-
немъ Цикушы передъ огнемъ, наблюдая при шомъ, чшобъ
не коснуться поясницѣ, отъ чего послѣдуешь судо-
рога: и симъ лѣкарствомъ шакъ они хвалятся, будшо
шотже часъ бываетъ имъ польза, однако шоне вѣрояшно.

Отъ лому спавяшъ ядна изъ березоваго шруду на
больныхъ мѣстахъ. Когда оной шрудъ догораешъ до
шѣла, шо опскакиваетъ съ великимъ шпременіемъ,
а шѣло отъ шого разгиваетъ, и бываетъ великая
язва, къ которой иные присыпають шудовой пепель,
а иные ни чемъ не лѣчатъ. И сіе лѣкаршво извѣ-
шно по всей Сибири.

Корень Люшника шравы и омегъ употребляютъ они
къ порчѣ своихъ неприяшелей и къ умерщвленію. Люши-
комъ намазываютъ и шрѣлы какъ совершеннымъ ядомъ.

Г Л А В А 19

О погребеніи умершихъ.

Погребеніе умершимъ, буде можно назвать погре-
беніемъ бросать сабакамъ на сѣденіе, отъ всѣхъ
шамошнихъ народовъ опмѣнно: ибо другіе народы или
жгутъ шѣла умершихъ; или кладутъ въ землю съ на-
рочитыми обрядами; напрошивъ шого Камчадалы шру-
ны

ны мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шью вытаскиваютъ изъ юрты, и почти на самой юртѣ бросаютъ ихъ сабакамъ на сѣденіе, объявляя тому дѣль причины: 1) что кошорога сѣдятъ сабаки, тошъ на другомъ свѣтѣ ѣздитъ будешъ на добрыхъ сабакахъ; а на юртѣ и близъ юрты бросаютъ они покойныхъ своихъ для того, чтобъ враги, которые по ихъ мнѣнію людей умерщвляютъ, видя мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другихъ бы не вредили. Но другая причина кажется мнѣ невѣроятна: ибо они шѣ жилища, въ которыхъ умирашъ кому случалось, всегда оставляли, и переселялись въ новыя юрты, которыя строили въ значномъ отъ прежнихъ разстояніи, а труповъ, которыми бы по ихъ объявленію могли отъ враговъ обороняться, не таскаютъ съ собою; развѣ можетъ быть сіе почишаютъ они за оборону отъ нихъ на то одно время, пока они новую юрту дѣлаютъ.

Съ умершими выбрасываютъ вонъ все платье ихъ и обувь, не съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобъ было имъ что носить на другомъ свѣтѣ, какъ другіе нѣкоторые язычники думаютъ, но отъ одной опасности: ибо по ихъ мнѣнію и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто надѣнетъ ихъ платье. Особливо живущіе на Курильской лопашкѣ въ томъ суевѣрны: не возмутъ въ руки никакой вещи, сколь бы она ихъ ни льстила, ежели услышатъ, что осталась послѣ мертвого. Чего ради кавакы, которые важивали къ нимъ похожіе шовары, какъ напримѣръ Нѣмецкое и руское суконное платье, фанзовыя и камчатныя

ныя

ныя рубахи и прочая, неинако купцовъ отъ другихъ отбивали, какъ сказывая, что плащье и другіе ихъ шовары послѣ мертвыхъ остались.

Очищеніе послѣ похоронъ бываетъ слѣдующимъ образомъ: наломавши какого нибудь прутья приносятъ они въ юршу, и надѣлавъ колецъ по дважды сквозь ихъ пролазаятъ, а по томъ относятъ въ лѣсъ, и бросають на западъ. Которой мертваго вонъ шадиль, тому должно изловить какія нибудь двѣ пшички, и одну изъ нихъ всю сжечь, а другую съѣсть со всѣми живелями вмѣстѣ. И сіе очищеніе бываетъ у нихъ тогоже дня, котораго и погребеніе, а до того ни сами они не выходятъ изъ юрты, и никого къ себѣ не допускають.

Вмѣсто поминокъ бросають они въ огонь шагалы перво-промышленой рыбы, что за даръ умершему почищается, а шѣло сами съѣдаютъ.

Младенцовъ хоронятъ въ дуплеватыхъ деревьяхъ по большей части безъ всякихъ же особливыхъ обрядовъ. По умершихъ сожальють, и плачуть, шожмо безъ вола.

Г Л А В А 20

О различныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа.

Въ заключеніе извѣстій о Камчатскомъ народѣ сообщимъ мы въ которое собраніе словъ шрехъ главныхъ Камчатскихъ нарѣчій, о которыхъ выше сего упомянуто, чтобъ сходство и несходство ихъ было видимо.

Томъ II.

С

ВѢ

ВВ столбѣ А содержится нарѣчіе сѣверныхъ Камчадаловъ, Б южныхъ, а въ столбѣ В живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверъ почти до Тигиля. При чемъ надлежитъ вѣдать, что г съ палочкою на верху какъ Лашинское g произносится надобно.

Собраніе словъ разныхъ Камчатскихъ нарѣчій.

	А	Б	В
Богъ	Кушъ	Кушкай	Кушка.
Дьяволъ	Кана	Кана	Ткана.
Небо	Когалъ	Кохалъ	Кенссъ.
Облака	Гуренгуръ	Уйшаа	Мыйжа.
Вѣтръ	Шапель ?	Чихуча	Кеникъ.
Буря	Какалшъ ?		
Дождь	Чухчухъ	Чахчу	Чухчухъ.
Снѣгъ	Корблъ	Колаалъ	Колаалъ.
Градъ	Какумчелъ	Коода	Коалле.
Громъ	Кыфкыгъ	Кыхкыгъ	Кыхшигына.
Молнія	Амронщина	Умечькыши	Мышкыши-
		чичъ	гына.
Солнце	Галенъ-кулечъ	Коачъ	Лачъ.
Луна	Гуинганъ- ку -	Коачъ	Лааилгынь.
	лечъ		
Звѣзда	Еженгынь	Ашангышъ	Агажинъ.
День	Таажъ	Кусгалъ	Кулхалла.
Ночь	Куннукъ	Кулкуа	Кунку или
			Лхуюгуна.
			Ушро

	А	Б	В
Утро	Уйдумкулель	Бокочоѣ	Ѣмколалю.
Полдень	Кунукулечкуй	Пеннокъ-халла	Хшадыжагы-
Вечерѣ	Ашакулель	Аашыку	Талбакѣ. (на.
Полночь	Кунугуингучь или	Кеды кулкуа	Нуулхуюгула
Годѣ	Ташгаѣ	Пельхучикѣ	(не знаюшѣ) Тхажѣ.
Земля	Шемшѣ	Семшѣ	Шемшѣ.
Гора	Еель	Намудѣ	Аала.
Пригорокѣ	Пынужидычѣ	Таакоричѣ	Йжулганѣ.
Огонь	Брумичѣ	Пангычѣ	Пангычѣ.
Дымѣ	Гажунгаѣ	Нгарангачѣ	Нгаѣнаѣ- нга-
Вода	Ажамѣ	Ии	Ии. (чаѣѣ.
Поле	Башаранѣ	Уша	Усѣ.
Дорога	Щижичѣ	Ѣшичумѣ	Кучаѣ.
Лѣсѣ	Уудѣ	Оода	Лагыланѣ.
Дерево	Уа	Оо	Уу.
Море	Кеѣга	Нингель	Кеѣга.
Озеро	Корро	Кшчу	Кулхуа.
Рѣка	Кигѣ	Кыга	Кигѣ.
Рѣчка	Кигыдычѣ	Кыгыдачѣ	Кыгыгачѣ.
Источникѣ	Пидадычѣ	Какеда	Кеѣка.
Песокѣ	Быжымшѣ	Кашемшѣ	Сымыжымчѣ.
Грязь	Кылшшамѣ	Имагай. Акчи-Коола.	
Камень	Куалѣ	нашумшѣ	
Человѣкѣ	Крошчуга	Увачу	Уачѣ.
Ощецѣ	Ипиѣ	Ушкамѣ	Ушкамѣ.
Машѣ	Ануанѣ	Апачѣ	Ишхѣ.
Сынѣ	Пеѣчѣ	Аалгачѣ	Лашша.
		Пеачѣ	Пача.

	А	Б	В
Дочь	Чи́депечь	Сугы́нгъ	Шуунага.
Братъ	Ты́я	Куша́хушка	Ты́я.
Сестра	Ихшумъ	Кушха́анъ	Лилихлчъ.
Мужъ	Кенгишъ	Э́лку	Камжа́нъ.
Жена	Чихенгучъ	Нгы́нгычъ	Игы́чъ.
Опрокъ	Па́ачучъ	Пеа́гачучъ	Па́нахча.
Младенецъ	Па́ачучъ	Пеа́ичичъ	На́пача.
Дѣвка	Чи́хуачучъ	Ху́чичу	Ухчу́ма́хча
Господинъ	Крошчу	Армъ	Ху́йжучъ.
Слуга	Ха́ро	Чикоа́чъ	Лина́жхча.
Служанка	Че́дахаро	Чы́ша	Хо́аллу.
Голова	Ха́бель	Ку́бинъ	Кшхы́нъ.
Волосъ	Черо́нъ	Куу́кунъ	Ку́йба.
Борода	Э́луиъ	На́ннинъ	Луу́лла.
Глаза	Э́ледъ	И́гладъ	Лэ́лла.
Уши	И́людъ	Канкы́	И́лла.
Носъ	Каяко́	Кы́сса	Каяка́нъ.
Губы	Ша́кши	Цхы́лда	Кеш́ха.
Уста	Тэ́луиъ	Ничи́ль	Ча́нна.
Языкъ	Ды́чилъ	Уаа́дъ	Ечэ́лла.
Щоки	Уа́нъ	Пахы́хычъ	Хоа́уда.
Подбородокъ	Пе́гангучъ	Та́ннунъ	Кымкы́чъ.
Плечо	Тено́дъ	Сы́пшу	Тыны́нга.
Рука	То́но	Ку́йда	Хка́чъ.
Перстъ	Кэ́ко	Ингы́та	Ико́шча.
Грудь	Лу́шенгъ	Нуу́югу	Кейта́чъ.
Сердце	Гу́ллугу	Ксу́хъ	Луго́лгучъ.
Брюхо	Коли́дъ	Сы́хшидъ	Кал́тки.
Черева	Шу́жичъ		Сыгы́жимъ.

Пузырь

	А	Б	В
Пузырь	Ишурю	Елкуай	Кшулхъ.
Тайной удъ			
мужеской	Каллака	Калка	Калка
женской	Кейпюнь	Куапюнь	Коапюнь.
Спина	Карофъ	Чагга	Кигачъ.
Ноги	Кашхенъ	Чкуада	Кшхата.
Шапка	Галалучъ	Халялучъ	Пахалъ.
Шшаны	Куе	Ксау	Кса.
Чулки	Пайманъ	Пайманъ	Паймадъ.
Шуба, кулаки			
ка	Коабешъ	Тангакъ	Капшхачъ.
Торбасы	Чилахъ	Сыанунъ	Ихунъ.
Острогъ	Ашынъ	Таша	Ашынумъ.
Юрта	Кистъ	Кинишъ	Кистъ.
Окно и дверь,			
что въ юртахъ	Ашхыжичъ	Окнучъ	Окнучъ.
Постель	Аажунъ	Аашъ	Аншешъ.
Аужъ	Ичетъ	Часчу	Чхъ.
Шрвля	Катъ	Каха	Калхъ.
Санки	Шишхенъ	Шаашанъ	Шлишхъ.
Лопка	Ташхамъ	Тахшымъ	Тахшамъ.
Веревка	Алчоль	Кулхсумъ	Ушхтъ.
Товоръ	Кобашу	Куашуа	Кобашу.
Листъ	Кромъ	Пашаадъ	Пеллаакела.
Корень	Пынгылпын- гылъ	Пынгелпынь	Пынгылпын- гылъ.
Трава	Шишчъ	Сesda	Ижула.
Голодный	Екужичъ	Куушишкъ	Кшаккъ.
Жадный	Тыкужегужикъ	Тугбулаккъ	Чхчахычъ.
		С 3	Сышой

	А	В	В
Сышой	Тымгауши	Чигышикъ	Чихлахъ.
Пьяной съ му- хомора	Тоапкужикъ	Товапкошкъ	Хылпашенчамъ
Бспь	Балбакъ	Чихышкикъ	Дыкыжу.
Пишь	Бигыликъ	Тыкушхушкъ	Тыкушку.
Спашь	Тычкажикъ	Тунгукулашкъ	Нуйкушку,
или Вунгуяку спашь, хочю			
Говорить	Кажинухша- жикъ	Хаждохъ	Кажилгукишъ
Молчи	Куйжижичъ	Кыйсушихъ	Койцуныши- хучъ.
Бхашь на са- бакахъ	Кошаъ-кониъ хажикъ	Ушанишъ	Хоншожо- микъ.
Иши	Тылладжикъ	Ушанишъ	Тлаламъ
Я спою	Куме-шыжи- шккъ	Кемма-шыжи- шккъ	Кемахшажу- кышъ.
Ты стойшь	Кыже жишунъ	Кышышичичъ	Кемахшажу- жинъ.
Онъ стойшь	Дугудъ жи- шичъ	Удда шичи- кикъ	Дангунъ хша- жужичъ.
Мы стоймъ	Буже жиши- шимкъ	Мушь уши- шамгъ	Можимъ хпа- жужимкъ.
Вы стойше	Икуже жи- шичъ	Сушь шимикъ	Дагунадъ хшажужигинъ
Они стойшь	Трунъ жи- шичъ	Ишкую ши- шикикъ	Ишхашшажу- жигинъ.
Спаю	Тынгуоку- жикъ.	Тунгужушикъ	Тунгуйкуш- кукъ.
Визу	Тыллчужикъ	Тышшкуй- шккъ	Тылчужичъ. Не

	А	Б	В
Не вижу	Гыичь	купкѣ Ишкѣ Ёшш- куйкакѣ	Ёлчукикѣ.
Не сплю	Гыингуикул- лакѣ	Ишкѣ нуѣку- шкакѣ	Нгуѣкулкукѣ.
Смѣюся	Тыжѣишикѣ	Таштукашкѣ	Лѣжинкшчичѣ.
Плачу	Тынгажикѣ	Тууушикѣ	Сившчѣ.
Бѣлой	Гылкало	Апшыхѣ	Апшала.
Черной	Дрѣлу	Тыгганѣ	Кшгала.
Красной	Чачалѣ	Чеанѣ	Чачалѣ.
Зеленой	Духкаралло	Нухусану	Кухлѣлага.
Большѣй	Толло	Хычинѣ	Пеллага.
Малой	Дынелу	Чунгуюнѣ	Нянюкала.
Высокой	Дашелу	Куунѣ	Кынгылла.
Ниской	Дыжулу	Ишунѣ	Ижула.
Свѣтлой	Дашхылу	Апшыгѣ	Чажу.
Темной	Духулу	Духшанну	Чуникѣ.
Теплой	Номла	Киканѣ	Умела.
Сшуденой	Дыкеилу	Саккеинѣ	Лкѣлага.
Мокрой	Дыкчкелу	Акчину	Чкалага.
Сухой	Демлу	Кашигу	Кышгелѣ.
Живой	Кыжунылинѣ	Какѣва	Какѣлинѣ.
Мершвой	Кыринѣ	Кычикинѣ	Кыжаннѣ.
Рано	Тымколинѣ	Мокочушѣ	Амколчелѣ.
Поздо	Тухшаннѣ	Аашыку	Тхшаданѣ.
Сего дни	Денгу	Дангу	Дадѣ.
Завтра	Дымколаку	Бокуагѣ	Ажушкѣ.
Послѣ завтра	Корашыжкѣ	Че сулувгакѣ	Дуганнѣ-ни- шижинѣ.
Вчера	Ёшелѣ	Аашы	Ашенѣ. Трешьяго

А Б В

Третьяго дни Кыкы - кора - (н е з н а ю ш ь)
шажъ

Впередъ	Дуклкъ		Кооаку		Кулхѣнчки.		
Назадъ	Шалкъ		Саакы		Шааликинъ.		
1	Дызыкъ		Дызыкъ		Конингъ.		
2	Каажъ		Каассъ		Касса.		
3	Чоокъ		Чоокъ		Чоукъ		
4	Чаакъ		Чаакъ		Чаакъ.		
5	Коомнакъ		Коомнакъ		Кугумнукъ.		
6	Кылкогъ		Кылкоакъ		Кѣлкугъ.		
7	Ѣпакшанакъ		Ишаашукъ		Ѣшукшунукъ.		
8	Чоокшунукъ		Чокушукъ		Чоокшунукъ.		
9	Чаакшанакъ		Чаактакъ		Чаакшанакъ.		
10	Чумхшукъ		Кумхшукъ		Тогосса.		
11	Дызыкъ	} ши- на- жичъ	Дызыкъ	} ши-Касса на-Чоукъ ши Чаак-	Конингъ		
12	Каажъ		Каассъ		Каша	} шина жинъ	
13	Чоокъ		Чоокъ		Чоукъ		
19	Чаакшанакъ		Чаакшанъ		Чаак-		
			шанакъ				
20	Каажъ	} мх-Коомнакъ шу-Кылкоакъ къ. Ишаашукъ	Каассъ	} ку мх- шу ка- ды- кы- дъ.	Кашъ		
30	Чоокъ		Чоокъ		Чоокъ	} шу- жадъ.	
40	Чаакъ		Чу Чаакъ		Чаакъ		
50	Коомнакъ		Кугумнукъ		Кугумнукъ		
60	Кылкогъ		Кѣлкугъ		Кѣлкугъ		
70	Ѣпакшанакъ		Ѣшукшунукъ		Ѣшукшунукъ		
80	Чоокшунукъ		Чоокшунукъ		Чоокшунукъ		
90	Чаакшанакъ		Чаакшанакъ		Чаакшанакъ		
100	Чумхшукъ-Чумхша-		Кумхшу-кум-Чушъ-		шогушайнъ		
	канъ		хшаканъ				

у

У господина Шеллера въ запискахъ нашолъ я и Отче нашъ на языкѣ южныхъ Камчадаловъ, но не всю молишву, безъ сумнѣнія для того, что послѣднихъ словъ, ~~накое~~ ~~решавленіе~~ долговъ, избавленіе отъ лукаваго и прочая, Камчадаламъ непонятно было; однако сообщимъ мы здѣсь для удовольствованія любопытства чиншателей, сколько нашлось.

Апачь буринъ кизегъ итзунъ кранакъ когалву сѣгзуль Отче нашъ, которой живешъ высоко на небѣ, буди книгнъ гбуренчъ теге бѣтель накалкъ кабиашакъ кашапшое имя всегда у всѣхъ славно почиташока кбтшикъ когльсыгъ брренако книгнъ консалагнъ елкемо, повели прѣштти къ намъ нвоему жилищу въч. ному, кизекъ енакчъ оллогтчазенъ ендѹ дсггакенъ ному, что ты ни изволишь, буди по швоей лацгопусъ каголакъ дѣапгамъ смискъ, адонномъ буринъ волъ, какъ на небѣ, шакъ на землѣ, пицу нашу, пыгнъ гуласъ сугакаиленъ сугнетъ кашолкъ брренако денѹотъ которой всегда живемъ, дай намъ кмибштенъ дагсѣ.
наго днѣ.

ГЛАВА ІІ.

О Коряцкомъ народѣ

Излишнее бы дѣло было, естли бы какъ о семъ, шакъ и о Курильскомъ народѣ писать пространно: ибо родъ житія ихъ весьма сходствуетъ съ Камчадалами; всѣ вообще они язычники, всѣ крайніе невѣжды, и отъ другихъ животнохъ однимъ шокмо видомъ человѣческимъ почши разнствуютъ, какъ уже выше показано: чего ради довольно будешъ и шого,
Томъ II. Т когда

когда мы о каждомъ народѣ объявимъ кратко, выключая такія обстоятельства, въ чемъ они несходны съ Камчадалами.

Коряки, какъ уже выше показано, на Оленныхъ и Сидячихъ раздѣляются. Оленные кочевой народъ, а Сидячіе живутъ въ земляныхъ юртахъ, какъ Камчадалы, съ кошорыми и больше жишемъ и обрядами сходствующимъ, нежели съ Кочевными Коряками; чего ради все, что о Корякахъ объявлено будетъ, о Оленныхъ разумѣть должно, развѣ гдѣ шочно Сидячіе Коряки будутъ упомянуты.

Сидячіе Коряки жилища свои имѣютъ по берегу Восточнаго моря отъ рѣки Уки почти до Анадыря, а по берегу Пенжинскаго моря отъ устья Тигиля до Пенжины, и отъ Пенжины вокругъ Пенжинской губы до хребта Нукчавунинъ, изъ котораго течетъ въ море Нукчанъ рѣчка, и по тѣмъ рѣкамъ имѣютъ они особливый названія, по кошорымъ между собою раздѣляются, какъ на примѣръ: Укинскіе Коряки по рѣкѣ Укѣ, Карагинскіе по Карагѣ, Олюшорскіе по Олюшору, Акланскіе по Аклану и прочая; а Оленные съ шабунами своими кочуютъ по всему пространству земли, кошорое съ востоку Окіаномъ, съ западу вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣверу Анадыремъ рѣкою, а съ югу Лѣсною и Карагою рѣками заключается. Иногда прикочевываютъ они и ближе къ Камчаткѣ, особливо когда есть опасность отъ Чукочъ, бѣдственныхъ ихъ непріятелей, однакожъ рѣдко. И такъ въ сосѣдствѣ имѣютъ они съ одну сторону Камчадаловъ, съ другую Чукочъ, съ третью Юкагирей, а съ четвертую Тунгусовъ или Ламушюкѣ.

Есть-

Естьли Чукоцкой народъ причислишь къ Корякамъ, какъ шо учинишь должно по самой справедливости, ибо и Чукчи сущіе, Коряки, шо Коряцкіе предѣлы гораздо далѣ распространяшся; по шому что Чукчи не шокмо живущъ далѣ Анадыря къ сѣверу эъ шакъ называемомъ Чукоцкомъ носу, но и по островамъ около лежащимъ. Въ семъ случаѣ Анадырь рѣка какъ граница между Коряками подданными Россійскими и немирными Чукчами; для шого что наши Коряки не живущъ далѣ Анадыря къ сѣверу, а Чукчи къ югу: однако Чукчи часто переходяшъ сію границу, и разворяюшъ нашихъ Корякъ, убивая, отшода въ плѣнъ, и шабуны оленьи ошгоняя. Въ лѣтнее время промышляюшъ они рыбу и по самой рѣкѣ Анадырю не шокмо близъ устья, но и въ верхъ по ней на значное разшояніе отъ моря, шакъ что нашимъ Анадырскимъ жишелямъ часто сѣвѣжашься съ ними случаетшя не безъ опасенія.

Коряцкой народъ по разности жишя разнствуешъ и шѣлеснымъ видомъ. Оленные Коряки, сколько мнѣ случалось видѣшь, расту малаго, сухощавы; головы у нихъ посредшвенныя, волосы черныя, которые ешедневно брѣюшъ; лица продолговаты и нѣскольکو клиномъ; глаза узкіе и малые, брови навислыя; носы короткіе, однако не столь плоски, какъ у Камчатцаловъ; ротъ большой; бороды клиномъ черныя, которые выщипываютъ часшо. Напрошивъ шого сидячіе Коряки хошя и невеликорослы, однако шодеты и присадисты, особливо которые живущъ далѣ къ сѣверу, въ чемъ Чукчи предъ другими имѣюшъ преимуществство

щесство, чего ради и больше сходны съ Камчадалами.

Есть же между ними разность и въ разсужденіи склонностей и обычаевъ. Оленные Коряки пребезмѣрно ревнивы, такъ что можешь убить жену за одно только подозрѣніе, а когда приличись въ прелюбодѣяннн, то лишаются живоша оба прелюбодѣйцы; чего ради Коряцкія женщины всѣми мѣрами старающіяся придашь себѣ безобразія: не моютъ ни лица, ни рукъ: волосовъ, которые плешутъ въ двѣ косы, и по вискамъ распускаютъ, никогда не чешутъ, наверху несятъ плашье гнусное, вешное и залосклое, а подъ исподомъ хорошее: ибо и въ томъ у нихъ подозрѣніе, когда женщина ведетъ себя почище, а особливо когда надѣваетъ сверху новое и незагаженое плашье. На чтобъ, говорятъ Коряки, имъ краситься, когдабъ не желали они другимъ казаться хорошими: ибо мужья и безъ того ихъ любятъ? Напротивъ того у Сидячихъ Корякъ, а наипаче у Чукочь, вядшая дружба состоитъ въ томъ, когда взаимно прѣвжжая другъ къ другу, гости спятъ съ женами или дочерями хозяйскими. На которое время хозяинъ нарочно оплучается, или отбѣжжаетъ къ женѣ своего гостя. Несносная обида хозяйину, когда гость съ женою его не пребудетъ: ибо въ шакомъ случаѣ можешь онъ убить бышь, какъ гнушающейся пріязнью хозяйна, что съ вашими Анадырскими, казаками, которые оныхъ обрядовъ ихъ не знали, случалось, какъ сказываютъ, не однократно. Чего ради и женщины ихъ по своему обыкновенію щеголяшь старающіяся: бѣлятся и румянятся

нялся, носить хорошее платье; а Чукоцкія сверхъшого разшивають узорами не только лица, но лядви и руки: ибо они дома сидяць нагія, хотя бы при томъ случились и стороніе люди.

Всѣ вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злонамашные и немилосердые люди. А Оленные при томъ горды и хвастливы, шакъ что они никому въ томъ не вѣряють, что есць въ свѣтѣ благополучнѣйшее житіе человеческого сословія, и почишають шакихъ за судихъ лжецовъ и обманщиковъ, что случилось часто съ нашими купцами въ проѣздѣ изъ Якуцка на Камчатку чрезъ Анадырскъ, кошорымъ они вмѣсто улики дѣлали авишельныя возраженія. Есцьли бы, говорилъ Коряки, житъ у васъ было лучше нашего, то бы де вы шакъ далеко къ намъ не ѣздили, какъ намъ нѣтъ нужды къ вамъ ѣздить, для того что у насъ всего довольно; а то де можно видѣть, что вы прѣвѣжаеце къ намъ для одной жирной оленины, кошорой де намъ во всю жизнь вашу нигдѣ нидѣ и видаць не случается.

Немалой поводъ къ спѣси дается имъ и отъ Корякѣ сидячихъ, кошорые ихъ болятъ и почишають, шакъ что хотя бы пастухъ къ нимъ прѣвѣхаль, всѣ выбѣгають вонъ изъ юрты, встрѣчаютъ, довольствуюць, провожаютъ, и сносятъ всякую обиду, какую бы ни показалъ Коряка. Не слыхалъ я шакихъ примѣровъ, чтобъ Сидяче убили когда Оленного Коряка, чего ради Ясашные наши зборщики къ Олюшорамъ никогда безъ нихъ, какъ безъ надежной обороны, не ѣздяць: въ прошивномъ же случаѣ нерѣдко отъ несовершен-

но до коренныхъ биваютъ убиваемы; и сіе шѣмъ наипаче удивишельно, что Сидячіе Коряки гораздо сильнѣе Оленныхъ и ошваннѣе. Но сего почтенія и опасности кажутся мнѣ двѣ причины: 1) застарѣлой обычай почитать и служить богатымъ, коимъ они можешь быть имѣли будучи сами Оленными, такъ какъ и нынѣ убогіе Оленные Коряки. 2) Что они получая отъ Оленныхъ Корякъ все свое одѣяніе, раздражишь ихъ опасаются, чщобъ не претерпѣшь холоду.

Оленные Коряки всѣхъ ихъ называютъ своими холопами, а особливо Олюторовъ: ибо Олюторы испорченное имя изъ Коряцкаго *Алютоклауль*, что значить холопа. Да и сами Сидячіе Коряки почти отъ того не опредѣляются. Одни Чукчи ихъ не почитаютъ, но вмѣсто того слово имъ ужасно, что двадцати человекамъ Чукочъ пятьдесятъ Оленныхъ Корякъ прошивишься не ошваннѣе, и ежели бы не было имъ защищенія изъ Анадырска, то бы Чукчи раззорили ихъ до основанія, и изъ господъ всѣхъ бы претворили въ холопей, лиша шабуновъ ихъ, принудя жить въ земляныхъ юртахъ, и питаются кореньемъ и рыбою, по примѣру Сидячихъ Корякъ, какъ то въ 1738 и 1739 годахъ увидѣли они съ Кашыркинскими и Апукинскими Коряками. Впрочемъ какъ всякой народъ имѣеть предъ другимъ въ чемъ ни будь преимущество, такъ и у Корякъ сіи особливый отъ Камчадаловъ добродѣтели, что они правдивы и трудолюбивы, знаютъ стыдъ, и отъ блудодѣянія удаляются, хоша можеть быть и по неволѣ.

СКОЛЬКО

Сколько родовъ Оленныхъ Корякъ и сколько числомъ ихъ, о томъ на Камчаткѣ не вѣдомо, по тому что они подсудны Анадырскому острогу; однако думать можно, что сей народъ купно съ Сидячими, многочисленнѣе Камчадаловъ.

Живутъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ моху довольно, которыми питаются олени ихъ, не взирая на то, что водою и лѣсомъ скудно, а наипаче въ зимнее время: ибо они снѣгъ тогда вмѣсто воды употребляютъ, а варятъ мохомъ или сырымъ сланцомъ, котораго вездѣ довольно. Я могу сказать, что зимнее ихъ житье въ разсужденіи Камчатскаго гнусно и безпокойно. Въ юртахъ, съ которыми они часто кочуютъ, отъ сырыхъ дровъ, и отъ того, что земля отъ огня пашетъ, до самаго полу такой дымъ, что человека на другой сторонѣ не можно видѣть, а при томъ столь вѣткой, что непривычной глаза потергаетъ въ одинъ день. Я не могъ пробыть у нихъ ни пяти часовъ: и хоша между шѣмъ отъ дыму часто выходилъ вонъ изъ юрты, однако безъ глазной болѣзни не обошелся.

Юрты у нихъ подобны юртамъ другихъ Кочевныхъ народовъ, каковы напримѣръ Калмыцкія, токмо гораздо меньше. Зимю покрываютъ ихъ оленьими новыми кожами для шепла, а лѣтомъ старыми ровдугами, которыми юршовыя крышки чумами называются. Внутри юртъ ихъ нѣтъ никакихъ половъ, ни перегородокъ, токмо по срединѣ четыре колышка съ поперечинами вколочены, между которыми огнище. Къ колышкамъ обыкновенно привязываются сабаки, которыми

рыя во время спрѣжанья и изъ кошловъ мясо таскаютъ, и съ лошковъ, когда оно вынимается, не смотря на то, что хозяйки бьютъ ихъ уполовинкомъ и опшимаютъ. При чемъ сіе можно утвердить за истинну, что крайней голодъ челоуѣку надобенъ, чшобъ ѣсть мясо ихъ варенія. Кошель и лошки у нихъ вмѣсто мыши сабаки лижутъ; бабы и сабакъ бьютъ уполовинкомъ, и въ кошлѣ мѣшаютъ; мясо немышое въ шерсти какъ въ кожѣ, а очисшотъ спрѣпающихъ и упоминаеть нѣчего.

Чукоцкія зимнія юршы въ разсужденіи копоши и лучше Коряцкихъ, однако въ шомъ имѣютъ преимущество, что весьма теплы. Дѣлаются на подобіе Камчатскихъ въ землѣ, но несравненно больше: ибо живутъ въ нихъ по множеству народа. Каждая семья имѣеть особливой свой пологъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ пологамъ и сидятъ и спятъ. Во всякомъ пологѣ дивно и ночью огонь горитъ въ поставленной среди полога плшкѣ. Жгутъ жиръ различныхъ морскихъ звѣрей, а вмѣсто свѣщильни мохъ употребляютъ. И хотя для выхода копоши оставается наверху продушина, однако такой же дымъ бываетъ, какъ въ Коряцкихъ юртахъ, но при шомъ столь тепло, что въ холодныхъ оныхъ и самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ бабы сидятъ всегда нагя, какъ выше показано, прикрывъ шомъ срамъ свой пашою, красуясь узорами на пѣхѣ, какъ бы богатымъ или покойнымъ плашемъ.

Плащье всѣ носятъ изъ оленьихъ кожъ, въ которомъ нѣтъ никакой ошмѣны отъ Камчатскаго; ибо и Камчадалы отъ нихъ же получаютъ оленье плащье, какъ уже выше объявлено. Пиша-

Юконские Бабы

Пишакуются оленьимъ мясомъ, которыхъ у богатыхъ Корякъ тысячъ по десяти, по прищцаши и больше, а у Тоіона Эшеля Соплякова сына до 100000 считаютъ, однако привсемъ томъ они столь скупы, что оленя для себя убившъ жалѣютъ, а довольствуются звѣроядиною и мершвечиною, чего въ такомъ великомъ множествѣ случается со излишествомъ. Росхожимъ госнямъ не сшядяшся они говорятъ, что у нихъ подчивашъ нѣчемъ, для того что по ихъ нещастію олени у нихъ не падушъ, и отъ волковъ не давшся. Для другихъ убиваютъ оленей, и въ то только время сами до сыта набдаются. Впрочемъ они не доятъ своихъ оленей, и молокомъ пользоваться не знаютъ.

Бдятъ больше вареное мясо; а за излишествомъ сушатъ и копшатъ въ юртахъ. Лучшая у нихъ пища Янгаю, которая слѣдующимъ образомъ приуготовляется. Когда убиваютъ оленя, тогда кровь изъ него вливаютъ въ желудокъ съ каломъ, и положи оленьяго жиру сбиваютъ вмѣсто, и нѣсколько времени квасятъ, послѣ того копшатъ, и бдятъ вмѣсто калбасъ копченыхъ. Казаки называютъ оную пищу Маняломъ, и многіе бдятъ похваляя. Бдятъ же Коряки и другихъ звѣрей, какихъ ни промыслятъ, кромѣ сабаки да лисицы.

Травъ, коренья и коры съ деревъ не употребляютъ въ пищу, развѣ бѣдные, и то въ случаѣ голоду; рыбу также одни пасхухи ловятъ, и то весьма мало. Ягодъ въ зиму не запасаютъ же, но шокмо бдятъ въ лѣтнее время. Большей 'сладости въ пищу понять не могутъ, какъ голубица щолченая съ

Томъ II.

У

олень-

оленимъ жиромъ и саранюю. Мнѣ самому случилось видѣть, какъ знашней Коряцкой князеу, которой прѣ-
ѣжжалъ въ Болшерѣцкой острогѣ по случаю, дивился,
когда дали ему сахару. Сперва назвалъ онъ его солью,
но какъ ему прикушашъ велѣли, то онъ изумился
отъ такой чрезвычайной сладости, и хотѣлъ отвез-
ти его нѣсколько женѣ своей для опыту, однако не
имѣлъ столько терпѣливости, чтобъ не испрашнть
его въ дорогѣ: женѣ своей хоща онъ и клялся, что
ему въ Россійскомъ острогѣ дана такая сладкая соль,
которой онъ ни къ чему примѣнишь не можешъ, од-
нако она ему въ помѣ не повѣрила, утверждая, что
ничего на свѣтѣ не можешъ бышь слаще объявленной
шолкуши.

Вздятъ на оленяхъ шокмо въ зимнее время, а
лѣтомъ по примѣру Тунгусовъ верхами, какъ сказы-
ваютъ, не умѣютъ взднть. Сани называются по ихъ
Чаучу-уѣшкѣ. Длинною дѣлаются онѣ около сажени.
Полозья подъ саньми шириною вершка въ полшретья,
шокмо у головашекъ, гдѣ загибается, нѣсколько уже.
Копылье изъ одного дерева гнутое прямо спавнтся,
выключая передней, которой нѣсколько назадъ наклон-
яется. При каждомъ копылѣ пришивается поперегъ
брусочикъ, на брусочки кладутся во всѣ сани широ-
кія дощечки вмѣсто нащеповъ, которые къ головаш-
камъ полозья прикрѣпляются. На каждомъ брукѣ по
двѣ дырочки, сквозь которыя во всѣхъ сани башожки
продѣваются. Какъ сіи башожки, такъ и доски наза-
ди изогнуты кверху, и покрыты особливимъ наще-
помъ; и такимъ образомъ бывають они будшо съ козы-
ремъ,

ремь, въ кошоромь мѣстѣ сидятъ обыкновенно женщины.

Впрягають въ сани по два оленя. Лямки, которыми они тянутъ, подобны сабачьимъ Алакамъ: надѣваются обоимъ оленямъ на правую лопатку. Праваго оленя пощягъ или ремень къ лямкѣ привязанной прикрѣпляется къ санной рѣшешкѣ близъ правой стороны, а послѣ привязывается къ лѣвому нащепу, а лѣваго къ лѣвой шокмо, а за правой нащепъ не ушверждается. Пощягъ праваго оленя долѣ лѣваго, чего ради правой олень не много впереди ходишь, а оба по лѣвую сторону саней.

Узды оленя подобны обрашамъ конскимъ. У узды праваго оленя бываешъ на лбу по три и по четыре косточки на подобіе коренныхъ зубовъ съ чешырьмя шипами, а накладываются на узду для того, чшобъ оленя на бѣгу останошитъ скоряе: ибо въ такомъ случаѣ Коряка крѣпко за узду шянешъ, а шипами оленя въ лобъ колешъ, и удерживаешъ ошъ бѣгу. У узды лѣваго оленя нѣтъ такихъ зубовъ, ибо въ немъ нѣтъ большей силы: ибо когда правой останошитъ, то не побѣжитъ и лѣвой.

Коряка сидишь на саняхъ близъ головашекъ, и правишь ихъ уздою; когда вправо поворошитъ надобно, то узду шокмо дергаешъ, а когда влѣво, то хлещешъ ею оленя по всему боку. Погоняють ихъ шонкою палкою длиною аршина въ полшора или и долѣ, у кошораго на одной концѣ копяная головочка, а на другомъ крючокъ, Головочкою оленей бьютъ, а крючкомъ ошдѣваютъ по-

У 2

шаги,

тяги, когда оленю заступивъ случается. Такія палочки по памошнему ключками называются.

Оленные сани по коряцки Чаучу уёшикб, какъ уже выше объявлено, рбшешка гыву, брусочки уйкау, головки у саней гипогынгенб или якыи, копылье гынгу, мбсто, гдб сидятб женщины, монягенб (хвостб) узда праваго оленя коилгненб, лбваго явилитанб, пошяги илгенб, ключка едбель, головка на ней шымпешу, крючокб на ней же калнкалб.

Бзда на оленяхб скорле сабачьей: на хорошихб можно легко перебхашь вб день полшараста верстб, шокмо часто кормить ихб должно, и часшо останавливашь на дорогб, что бы мочились; а вб противномб случаб вб одинб день такб испорчатся, что или кб бздб будутб негодны, или издохнутб.

Оленей кб бздб пручаютб какб коней. Самцовб вбжалыхб кладутб, перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрахб, а ихб не вынимаютб. Олени всб вмбстб пасутся, и неббжалые и ббжалые. Когда Корякб надобно однихб отб другихб отдблить, то сгоняетб онб весь шабунб вмбсто, и кричитб изо всего горла кусая ключу свою, отб кошораго крику олени сб возможною скоростю на двое раздбляются. Ежели кошорые не вб свою спбю замбшаются, шбхб бьютб немилосердо.

Есть олени и у сидячихб Корякб, шокмо у рбдкихб и не помногу, а употребляютб они ихб шокмо для выбзду. У Чукочь ихб шабуния превеликые, однако они не взирая на то больше морскими звбрями питаются. Естбли Коряка лишится своихб оленей, то ббднее Камчадала бываетб. Нбшь ему другаго спосо-
бу

бу къ пропитанію, какъ задаться въ пастухи къ богатому: ибо рыбы онѣ промышлять не умѣшь, а хошь бы и могъ по нуждѣ, шо не лзя лодками, сѣшми и сабаками завесхися въ скоростни, а въ пастухахъ пища ему и плашье гошовое; при томѣ естѣли у него малое число своихъ оленей, шо можешъ онѣ пасши ихъ съ хозяйскими; и не упошребляя себѣ на пищу расплодишь со временемѣ нарочитое сшадю.

Коряки на оленей своихъ и на кожи ихъ вымѣннвають у другихъ народовъ самыхъ лучшихъ шамошнихъ дорогихъ звѣрей, кошорыхъ у многихъ Корякъ такое множество, что возяшъ ихъ съ собою чемаданами. Напрошивъ шого у Сидячихъ Корякъ и Камчадаловъ сошой человѣкъ имѣешъ въ запасѣ лисицу или соболя.

Въ разсужденіи звѣры своей Коряки шакѣежъ невѣжды, какъ Камчадалы, буде не хуже: по врайней мѣрѣ шотѣ Князецѣ, съ кошорымъ мнѣ случилось разговаривашъ, не имѣлъ о Богѣ понятія. Дьяволовъ, кошорыми населены по ихъ мнѣнію рѣки и горы, почитаютъ больше для шого, что ихъ бояшся. Сидячіе Коряки признавають богомъ Камчашскаго Куша.

Жершву приносишь уреченнаго времени не имѣють; но когда имѣ вздумаешся, шогда убиваютъ оленя или сабаку, кошорую совсѣмъ на колѣ вшыкають, и обращиваютъ лицемъ къ востоку; а отъ оленя одну голу да частъ языка. Но кому сію жершву приносяшъ, сами не знаютъ, шокмо приговариваютъ Ваю койнгѣ йквилау гангеа, шо естѣ: на шебѣ, да и намъ что ни будь пошли. Кошорого оленя или сабаку онсулятъ бѣсамъ, шѣхъ убивъ повергаютъ совсѣмъ на землю.

Горамъ и рѣкамъ, гдѣ по ихъ суевѣрію живутъ діаволы, жершву дають тогда, когда случается проходить мимо ихъ. Не дошедъ за нѣсколько, колющ оленя, и сбѣдають, а головную голую косъ взошкнувъ на колъ оборачивають къ мнимому дьявольскому жилищу. Если Коряки убѣгаютъ отъ какой нибудь болѣзни, кошорая имъ опасна покажется; то убиваютъ они сабаку, и распянувъ на дву шестахъ черева ея мѣся ихъ проходящъ.

При жершвоприношеніи шаманы или волхвы ихъ бьютъ въ бубны, кошорые подобны Якутскимъ и другихъ шамоннихъ Языческихъ народовъ. Но плащь особливаго не имѣютъ шаманы, какъ у прочихъ Язычниковъ. Естъ же шаманы и у Корякъ Сидячихъ, кошорые почитаются и за лѣкарей: ибо они бьютъ въ бубны и въ случаѣ болѣзней, чемъ оныя по ихъ суевѣрію ошпоняются. Впрочемъ сіе весьма удивительно, что нѣтъ такого дикаго народа, въ кошоромъ бы шаманъ не лукавѣ другихъ былъ. 1739 году случилось мнѣ видѣть въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ славнаго Укинскаго шамана именемъ Карымляча, кошораго не токмо шамоніе язычники, но и казаки за великаго знашюка почитають, наипаче для того, что онъ колеть себя ножемъ въ брюхо и пьетъ кровь свою: однако все оное было шоль грубой обманъ, что всякому бы можно было примѣшить, ешьяли бы кто не былъ ослѣпленъ суевѣріемъ. Сперва билъ онъ нѣсколько времени въ бубенъ на колѣняхъ стоя, послѣ того ножемъ колоть себя въ брюхо, и выманивалъ рукою кровь изъ раны, коей не было: наконецъ ша-
скаль

скалъ изъ подъ шубы по дѣлой горьсти крови, и бѣлъ облизывая персты. Я между шѣмъ довольно смѣялся, что онъ свое дѣло такъ худо знаетъ, что къ нашимъ Ташеншилерамъ не годится и въ школу. Ножъ, которымъ онъ кололъ себя прищворялся, спускалъ онъ внизъ по брюху, а кровь вынималъ изъ пузыря, который былъ подъ пазухою. По окончаніи шаманства надѣяся онъ насъ привестъ въ удивленіе, него ради поднялъ свою куклянку, и показалъ кровью вымаранное брюхо, увѣряя насъ, что кровь оная, которая была изъ нерпы, шекла изъ его брюха, а рану издѣлалъ онъ своимъ шаманствомъ. При томъ сказывалъ намъ, что дьяволы приходятъ къ нему изъ различныхъ мѣстъ и въ различномъ видѣ, иные изъ моря, иные изъ горѣлой сопки, иные большіе а иные малые, иные безрукіе, иные обгорѣлые, а другіе о полубокѣ. Морскіе прочіхъ богаше и въ плашь изъ шраны, щелковника здѣлаюмъ, которая по рѣкамъ ростетъ: а онъ ихъ какъ во снѣ видитъ, для того что, когда они приходятъ къ нему, тогда мучатъ его столь жестоко, что онъ бываетъ почти внѣ ума.

Ещеи такой шаманъ большаго дѣлитъ, шо по шаманствѣ предписываетъ, чѣмъ болящему пользоваться можно: иногда приказываетъ ему убить сабаку, иногда ставитъ внѣ юрты прутье и другія шому подобныя бездѣлицы. Сабакъ въ такомъ случаѣ колютъ въ бокъ ножемъ или копьями, а держатъ ихъ по два человекъ, одинъ за голову, а другой за хвостъ. Убишыхъ вшыкающъ на кодь, и спавяшъ обороша лицемъ къ горѣлой сопкѣ.

Олен-

Оленные Коряки не имѣютъ праздниковъ, а Сидяче празднуютъ въ одно время съ Камчадалами, но кому и для чего, сколько же мало вѣдаютъ, какъ и Камчадалы. Вся причина состоитъ въ томъ, что предки ихъ такъ поступали. Праздникъ недѣли по четыре продолжается; между тѣмъ они ни къ себѣ никого не пускаютъ, ни сами не вѣзятъ, и никакой работы не дѣлаютъ, но вѣзятъ довольно, и веселятся, бросая въ огонь отъ всякой вѣшвы по малу въ даръ горѣлой сопокъ.

Въ другихъ полишическихъ дѣлахъ также они невѣжды, какъ и въ законѣ. Раздѣленіе времени на годы и мѣсяцы имъ неизвѣстно, только знаютъ четыре времена въ году, и лѣто называютъ Алаалу, зиму Лакалаянгъ, весну Кипкешикъ, а осень Гѣшига. Вѣпрамъ не болѣе какъ четыремъ имѣютъ названія: Восточной вѣпръ по ихъ Конгекатъ, Западной Гѣпекыгъ, Сѣверной Гычигольюла, Южной Еушельюла. Изъ звѣздъ знаютъ большаго медвѣдя, котораго называютъ дикимъ оленемъ на ихъ языкѣ Елуе-кыингъ; Плеяды или ушяче гнѣздо Атага; Орѣонъ Юлтаутъ криво уронилъ; Юпитеръ Ичвалалакъ красная спрѣла; Млечной путь Чигей-ваемъ дресвяная рѣка.

Разстояніе мѣстъ считаютъ по днямъ, такъ какъ Якушы по днищамъ, то есть, въ сколько дней отъ одного до другаго мѣста перекочевать можно, а на каждой день можно положить отъ шрицати верстъ до пятидесяти. У богатыхъ разстояніе одного дня больше, нежели у бѣдныхъ; для того что они надѣются тѣмъ

тѣмъ доказать, что у нихъ лошади или олени хорошіе, когда они со всѣми своими шажескими и сѣдомомъ сполько могутъ переѣхать, сколько бѣдные налегкѣ, по причинѣ худыхъ лошадей или оленей.

Владѣльцовъ до покоренія Россійскому скипетру у нихъ не было, но шомъ власть нѣкоторую имѣлъ, которой былъ оленьми богатѣе: чего ради и не знали они до тѣхъ поръ, что есть присяга. Казаки приводятъ ихъ къ присягѣ вмѣсто Креста и Евангелія къ ружейному дулу съ такимъ объявленіемъ, что тому не миновать пули, кто присягаетъ не искренно. Такимъ же образомъ и сумнительныя дѣла рѣшались: ибо виноватой будучи увѣренъ, что заряженое ружье убьетъ за неправду, охошѣе признаваешь, нежели предаешь въ чаемую опасность жизни. Въ другихъ случаяхъ кляшвы у нихъ нѣшъ больше, какъ *Иноконъ кеймъ мелынметикъ*, шо есть: правда, что я шебъ не солгу.

Учтивства въ словахъ и поздравленія не знающъ-госпѣй, кто къ кому прѣдетъ, не встрѣчаютъ, но поступающъ съ ними, какъ большіе господа съ подчиненными. Гость выпрягши своихъ оленей сидитъ на саняхъ ожидая хозяйскаго повелѣнія войти въ его юршу какъ на аудіанцію; однакожъ соизволеніе хозяйское не отъ самаго хозяина объявляется, но отъ жены его такими словами: Елкѣ, шо есть: въ юршѣ, или хозяйнѣ дома. Какъ гость такимъ образомъ встрѣченный войдетъ, шо хозяйнѣ сидя на своемъ мѣстѣ говоритъ ему *коюнъ* (сюды); по шомъ указываетъ мѣсто, гдѣ сѣсть, съ такимъ учтивствомъ, *китваганъ* садись.

Томъ II.

Ф

ВЪ

Въ подчиваньѣ гостей наблюдають токмо то, чтобъ ихъ удовольствовать, а по Камчатскому обычаю не поступаютъ, чтобъ гостей принуждать къ обѣденію. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сіе не недостойно примѣчанія, что всѣ дикіе и кочевные народы жиръ почитаютъ за пріятнѣйшее кушанье. Якутъ дастъ себѣ глазъ выкодоть за жирную кобыляшину, а Чукча за жирную сабаку. Якутъ хотя вѣдаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ несчастія тѣмъ утѣшается, что онъ вѣдалъ жирную кобыляшину.

Воровство во всѣхъ дикихъ народахъ кромѣ Камчадаловъ похвально, только бы оно было не въ своемъ родѣ, и такъ искусно, чтобъ не быть пойманнымъ; въ противномъ случаѣ поступаешь жестоко, не за кражу, но за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажетъ искусства.

Смертноубивство въ своемъ же родѣ токмо опасно, для того что сродники не ославляютъ убійца безъ опмщенія, а въ прощеньи никому до того нѣтъ нужды. Убійцы тѣмъ великодушнѣе, что не знаютъ о будущемъ воздаяніи.

Всего достохвальнѣе въ семъ народѣ то, что они дѣшею своихъ хотя и чрезмѣрно любящъ, однако издѣшка къ трудамъ пріучаютъ; чего ради и содержатъ ихъ не лучше холопей, посылають по дрова и по воду, приказываютъ на себѣ носить тяжести, пасты олени шабуны и другое тому подобное дѣлашь.

Женяшся

Женятся богашы на богатыхъ, а скудные на скудныхъ, не взирая на разумъ и на пригожество. Женъ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сестръ, тетокъ и мачихъ, токмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ дочеряхъ, на родныхъ сестрахъ и на падчерицахъ. Невѣсты хвашаютъ по Камчатски, чего ради и малолѣтнихъ, которые не могутъ хващать невѣсты, не женяшъ.

Жениху, каковъ бы кто богашъ оленьми ни былъ, должно работашъ за невѣсту отъ 3 до 5 лѣтъ, между шѣмъ вмѣстѣ имъ спать дозволяется, хотя невѣста и не схвачана, въ прощемъ она до совершенія брачной ихъ церемоніи для обряду бываешъ по надлежащему опустана. При свадьбахъ не бываешъ у нихъ никакихъ обрядовъ достойныхъ примѣчанія.

Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и содержатъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, давъ пастуховъ и шабуны особливые. Все удовольствіе жизни въ шомъ полагаютъ, чтобъ переѣжая съ мѣста на мѣсто осматривать скотъ свой. При шомъ сіе весьма удивительно, что Коряка счешу почти незнающей въ великомъ множествѣ оленей шомъ часъ примѣшитъ уронъ свой, и скажетъ, какого оленя нѣтъ и какую шерстью.

Наложницъ у нихъ нѣтъ, токмо нѣкоторые содержатъ коѣкчучей, которые по ихъ Кеіевъ называющся, однако не въ чести, какъ Камчадалы, но въ презрѣніи: ибо у Корякъ за великую брань почишаешся назвашъ кого *Кеіевъ*.

Сидяче Коряки по справному своему суевѣрїю имѣютъ вмѣсто женъ простыя камни: одѣваютъ ихъ въ плащѣ, кладутъ спать вмѣстѣ, и временемъ шутятъ съ ними, и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы. Такихъ два камня получилъ я отъ Укинскаго жишеля Окерача: одинъ изъ нихъ, кошорой называлъ онъ женою, былъ больше; а другой, кошорой сыномъ, былъ меньше. Большѣму имя Яйшель-камакъ (цѣлительной камень), а другому Калкакъ. А какимъ случаемъ и по какой причинѣ понялъ онъ такую достойную жену, рассказывалъ онъ мнѣ слѣдующее обстоятельство: лѣтъ за десять былъ онъ въ огноищѣ немалое время; между тѣмъ будучи на рѣкѣ Адкѣ, кошорая течетъ въ Уку съ южно-западной стороны отъ устья Уки въ 10 верстахъ, нашелъ онъ помянутой большѣй камень токмо одинъ, и какъ взялъ въ руки, то камень на него будто человекъ дунулъ. Онъ испужавшись бросилъ камень въ воду, отъ чего болѣзнь его такъ усилилась, что онъ лежалъ все то лѣто и зиму. На другой годъ принужденъ онъ былъ искать съ великимъ трудомъ объявленнаго камня, и нашелъ его не въ томъ уже мѣстѣ, гдѣ бросилъ, но далеко отшуду лежащей на плитѣ купно съ Калкакомъ или съ малымъ камнемъ, кошорые онъ взявъ съ радостїю принесъ въ острогъ свой, и здѣлавъ имъ плащѣ отъ болѣзни избавился, и съ того времени держитъ онъ ихъ у себя, и любитъ каменную жену паче настоящей, а Калкака всегда беретъ съ собою въ дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена миле ему настоящей, утверждать не лзя; въ прошчемъ

чемъ по могу сказать, что онѣ камни ошдалъ мнѣ не съ охотою, не взирая на мои подарки: ибо говорилъ онѣ, что онѣ лишаяся ихъ лишается купно и здравія, которое ошѣ нихъ зависѣло.

Дѣшей своихъ безмѣрно любяшѣ, однако съ младенчества не нѣжашѣ, какъ уже выше объявлено. Какъ скоро родятся, то богатые ошдѣляютъ имѣ нѣсколько оленей на ихъ щастіе, которыми однакъ не могушѣ дѣши пользоваться до возраста совершеннаго.

Младенцамъ даюшѣ имена старыя бабы съ слѣдующимъ колдованіемъ: Спавяшѣ двѣ палочки, и перевязываюшѣ нишкою, на срединѣ вѣшаюшѣ на нишкѣжѣ камень обшипой въ кожу каменнаго барана, а при томъ невѣдомо что шепчушѣ, и спрашиваюшѣ у камня, какъ звашѣ младенца, напоминая имена его сродниковъ, и на которомъ имени покачаешѣ камень, то бываешѣ младенцу и имя.

Имена мужескія.

Имена женскія.

Айга.

Лякшеле; возвращенѣ.

Кыяугынгенѣ, пробужденѣ.

Гейчале.

Велля, ворона.

Уммевы.

Якакѣ, Чайка.

Якыи, головки у саней.

Ямга, моровое повѣтріе.

Юимачѣ.

Экымѣ.

Вагалѣ.

Кепюнѣ.

Калыанѣ.

Ф 3

Родиль-

Родильницы дней по десяти не выходятъ изъ юрты и не кажутся. При кочеваньѣ возяшъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ. Дѣшей кормятъ грудью до трехъ лѣшъ и больше, а послѣ прѣучаютъ къ мясу. Колыбелей и пеленокъ не знаютъ, но кладутъ ихъ на землѣ, а во время кочеванья возяшъ ихъ за плечами и за пазухой.

Съ болящими водяшся прилѣжно. Всѣ болѣзни шаманы лѣчатъ, какъ выше показано, а шравами пользовашься не знаютъ.

Умершихъ шѣла сожигаютъ съ нижеписанными обрядами: Сперва нарязаютъ ихъ во все ихъ лучшее платье, и ошвозяшъ на мѣсто соженія на шѣхъ оленяхъ, кои по суевѣрїю ихъ умершимъ любы, кладутъ съ ними на великой костерѣ дровъ всю збрую ихъ военную и домашнюю, шо есть, копыя, сайдаки, шпрѣлы, ножи, шопоры, кошлы и прочая и зажигаютъ. Между шѣми, какъ костеръ горитъ, колютъ они оленей, на кошорыхъ привозяшъ мертвыхъ, и сѣдаютъ, а осташки въ огонь бросають.

Любимыми оленьми почитаютъся, кошорые будучи впряжены въ сани перевозятъ ихъ чрезъ нарочно подложенной колѣ безъ скрипу полозья. Такимъ образомъ перемѣняютъ они подѣ умершимъ парѣ по десяти оленей избирая угодныхъ. Лямки такимъ оленьямъ кладутъ на лѣвыя плеча, а не на правыя, какъ сами вѣдятъ.

Поминовеніе усопшимъ бываетъ шокмо однажды, спустя годъ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ каргий, шо есть неѣжадыхъ оленей и
великое

великое множество оленьихъ роговъ, которые во весь годъ нарочно копятъ, и пришедъ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія въ дальнемъ разстояніи, закалаютъ каргины и сбѣдаютъ, а рогъ вшыкаютъ въ землю, которые шаманъ во образъ шабуна отсылаетъ къ умершему. При возвращеніи въ дома проходятъ между двумя прутьями, которые ставятся нарочно для очищенія, и шаманъ стоя при нихъ бьетъ проходящихъ прутьемъ же ошговаривая, чтобъ умершіе ихъ къ себѣ не брали.

Что касается до другихъ обстоятельствъ и житія сего народа, то нѣтъ между ими и Камчадалами разности. Военное ихъ ополченіе, збруя, труды мужскіе и женскіе во всемъ сходствуютъ: ибо и Коряки по большѣй части нечаянно нападаютъ на своихъ непріятелей, и военное ихъ оружіе состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ и копьяхъ, которые прежде сего изъ костей же и изъ камней дѣлали; и женщины ихъ въ такихъ же трудахъ упражняются какъ Камчадалки: ибо на нихъ лежитъ вся кожевная, поршная и сапожная работа, покуда Коряцкія бабы и ѣсть варятъ, чего Камчадалки не дѣлаютъ. Кожи выдѣлываютъ онѣ лучше и мягче Камчатскаго, а вмѣсто икры намазываютъ ихъ оленьимъ каломъ. Шьютъ оленьими становыми жилами.

Оленьимъ кожамъ какъ онѣ Россіяны, такъ и онѣ Корякѣ разныя названія. Рослыя кожи Россіане постелями, а Коряки наманъ называютъ. Кожи большихъ оленей осеніе по Россійски недоросьши, а по Коряцки Гаянгай-наганъ: кожи шелячи, то есть, молодые

дыхъ оленей по Россійски пыжики, а по Коряцки хаюй-налгамъ. Кожи выпорошыхъ оленей изъ брюха по нашему выпорошки, а по ихъ кылкаююналганъ, замша по Россійски ровдуга, а по Коряцки начеиганъ.

Главная разность сего народа отъ Камчадаловъ состоишь въ языкѣ, въ которомъ по счисленію господина Спеллера при діалекта; первымъ діалектомъ или кореннымъ языкомъ говорятъ Сидячіе Коряки у Пенжинскаго моря и Оленные; и сей языкъ выговаривается мужественно и крѣпко. Другой діалектъ, которой употребляется у Олюшоровъ, и отъ Россіянъ въпорымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помянушаго. Третьей Чукоткой, которой выговаривается легче, мягче и съ свистомъ. Въ прощемъ между всѣми діалектами шакое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюшоры безъ труда другъ друга разумѣть могутъ.

Но еслии Олюшорской діалектъ почѣсть за особливою, то столько почти будетъ діалектовъ въ Коряцкомъ языкѣ, сколько острожковъ; ибо нѣтъ шакого острожка, въ которомъ бы не было противъ другихъ значной отнѣны; такимъ образомъ Укинской, Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могутъ назваться особливими діалектами. Я за коренной Коряцкой языкъ почишаю тотъ, которымъ говорятъ Оленные Коряки, для того что въ немъ ни гдѣ нѣтъ большѣй разности, какъ можно видѣть въ собраніи Коряцкихъ словъ подъ литерами А и Б. О прочихъ можно вообще сказать, что Сидячіе Коряки чѣмъ далѣ живутъ къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ

рящъ по Корядки , а чемъ далѣ къ югу, тѣмъ больше Камчатскихъ словъ употребляютъ, и больше имѣють разности въ окончаніяхъ.

Для удовольствія любопытныхъ чашаселей предлагается собраніе словъ разныхъ Коряцкихъ нарѣчій. Подъ литерою А содержатся слова Оленныхъ Корякъ, которые живутъ въ Сѣверѣ. Подъ литерою Б слова Оленныхъ же Корякъ, которые не въ давные годы лихась табуновъ своихъ поселились на рѣкѣ Авачѣ. Подъ литерою В слова сидячихъ Корякъ, которые живутъ на Укѣ рѣкѣ, а подъ литерою Г слова островныхъ Карагинцовъ. При-чемъ надлежитъ въдаться 1.) гдѣ пишется глаголь съ палочкою на верху (Г), тамъ оной произносимъ должно какъ g Лашинское. 2.) Гдѣ противъ словъ столба А въ столбѣ Б, или противъ словъ столба В въ столбѣ Г ничего не писано, но шокмо шочки поставлены, тамъ сходство въ словахъ разумѣтся.

Собраніе словъ различныхъ Коряцкихъ нарѣчій.

	А	Б	В	Г
Богъ	Анганъ	Куйкынаху	Куипхунчучъ.	(не знаютъ)
Дьяволъ	Кала, Яиде- шыга.	Нингбешыга.	Охшкана.	Нимфитъ.
Небо	Іяганъ.	Ханинъ.	Кобалъ.	Шилхенъ.
Облака	Гингай.	Хепчаанъ.	Гычаангыча.	Шамкажонъ.
Вѣтръ	Кытѣгъ.	Кытпыхъ.	Шепель.	гышхшачганъ.
Буря	Кашву-гын- гай.	Уіалъ.		
Дождь	Кумухату.	Муханиу.	Ечхучъ.	Куфыакишенъ
Снѣгъ	Калатыгъ.	Галаалъ.	Коблаалъ.	Пангулкыша.
Градъ	Неклеуенъ.	Никелаушъ.	Какбичу.	Кахобвахшмынъ
Громъ	Кыйгала.	Кукыгыла-	Кыгыхлечъ.	Кгыгаалъ.
Молнія	Кумыагы- лашъ.	ашы.	Абромшламъ.	Милжжелечъ.
			
Толъ II.		Х		Солнце

	А	В	В	Г
Солнце	Гмйтшыку.	: . :	Кулбачь.	Цагалхь
Луна	Гейлыгенъ.	. . .	Дыкуса-куле- ачь.	Шагалхь.
Звѣзда	Аеляпичанъ.	. . .	Еженичь.	Енгышъ.
День	Галуу.	. . .	Галель.	Телухтатъ
Ночь	Никйныкъ.	. . .	Дыкуиль.	Тенкиты.
Утро	Якамйшыхъ.	. . .	Дымкоалъ.	Тушйн- шнифкъ
Полдень	Гинбна-шалу.	. . .	Куппухилецъ- ки.	Хву шелух- татъ.
Вечеръ	Ангвинге.	Аибмигмтъ.	Ааатынууль.	Тынгоу- шья.
Полночь	Агуина-кыпа.	. . .	Кунну-дыку- иль.	Хвиу-тенки- шья
Годъ	Гйвынъ	Гевегынганъ	Колколя- хляшъ.	Тиханш- кикъ
Земля	Нупелеканъ	. . .	Бышимтъ	Нупынютъ.
Гора	Наю	. . .	Енжалхенъ	мышанкофи
Приго- рокъ	Тенуппелаку.	Геннйбетъ- кыю	Пекучудъ	Миганклафи.
Огонь	Мйлыганъ	. . .	Бильгымильць.	Мйланууль.
Дымъ	Ипимтъ	Конгалатъ	Гажунгажъ	
Жаръ	Бенеганъ Ге- мйлаам	Вылкавыль- гемйлагмтъ	Дичемтъ	Тгатка.
Вода	Мймель	. . .	Ажанъ	Тханкаль.
Поле	Гечигынь	. . .	Ашхадъ	йинъ.
Дорога	Кетведна	Геатъ	Шйжичъ	
Лѣсъ	Уштумканъ	Уштуушъ	Уудъ	Шишйфи.
Дерево	Уштепель	Уштуушъ	Уа	Нгуфшлинъ.
Море	Анканъ	. . .	Ежгу	Нгуфтъ.
Озеро	Гышпыгынь	. . .	Колхъ	Нюнгенъ.
Рѣка	Уеемъ	. . .	Кигъ	Гычь.
Рѣчка	Кангоямпнаъ	. . .	Кигычукочъ	Гыкы.
Источ- никъ	Акканмель	. . .	Кунчучукочъ.	Гыкымшемъ
Песокъ	Генчаамъ	. . .	Быжымтъ.	Амлантау.
Грязь	Гемелкенъ	Лакавелла	Ипканъ	ооо
Камень	Тугунъ	. . .	Куалъ	Аулхафе.
Золото				ооо
Серебро	не знаюшъ			

Мѣдъ

	А	Б	В	Г
Мѣдъ	Тештелу	Тече Пылагу- шенъ.	не знаюшъ, но все желѣ- зомъ называюшъ съ прибав- леніемъ цвѣту мешалаа, напримѣръ красное, бѣлое и проч. такъ какъ и другіе Коряки.	
Тазовая мѣдъ	Упѣангеля	Нуупелѣкь- пылагушенъ.		
Олово	Ошага-пылагу- шенъ. плавленное желѣзо	. . .		
Свинецъ	Мѣлагама.	. . .		
Желѣзо	Пылагушенъ	. . .	Валачъ	Валаваль. (и сіе слово у нихъ новое) (не знаюшъ)
Сшаль	Малъ-пылагу- шенъ	Ныштпаканъ- пылагушенъ.		
Человѣкъ	Уимшагула	. . .	Келгѣла	Ошамчагааль.
Отецъ	Емписъ	. . .	Епъ	Папа
Мать	Елла	. . .	Ила	ѣли.
Сынъ	Акыкъ	. . .	Песчъ	Икуку.
Дочь	Нгавакыкъ	. . .	Укчипесчъ	Гуфикуку.
Братъ	Евѣнеця	Евѣнела	ѣчежъ	Евинихшъ.
большой				
— меньшой	Епчанги	Елаанги	Елечкочъ	Нѣнихшъ.
Сестра	Евѣнелъ-ча- кыгетъ	. . .	Ечичъ	Гуфтѣмшъ.
большая				
— меньшая	Ичанги-чакы- гетъ	. . .	Ечичкочъ	Нѣнихшъ.
Мужъ	Хуякучъ (гетъ)	. . .	Кенгилъ	Ихеланхышъ.
Жена	Негуенъ	. . .	Дингычъ	Нѣфныхшъ.
Младше- нецъ	Лѣвела	Каакымингенъ	Накамхачъ	Икукумшъ.
Отрокъ	Каякапиль	. . .	Когамна- ханкачъ	Уякликкафшъ.
Отроко- вица	Хаянгаба- кыкъ	Хаянгабыш- кушъ	Ухчимкачъ	Уфтѣлюканъ.
господинъ	Аймаклау	Аймачанъ	Уижачучъ	Афѣлшнафа.
Слуга	Уиняпиль	Уинги	Коалу	Мутахтамшъ.
Служанка	Елюшенгишъ	Пуельпиль	Охчякоалу	Нгафала.
Голова	Лѣутъ	. . .	Колчъ	Тѣннакааль.
Волосы	Кычигуѣ	. . .	Челгадъ	Лаужчачъ.
Борода	Лелу	. . .	Елувъ	Лѣлюфъ.
Глаза	Лелатъ	. . .	Еледъ	Елаифа.
Уши	Вѣлютъ	Вѣлюги	ѣлюдъ	ѣлюфи.
Носъ	ѣнигышшамъ	. . .	Каякѣ	ѣнку.

	А	Б	В	Г
Ротъ	Икмингенъ	. . .	Шакша	Шекшенъ.
Губы	Уанькакалу- генъ	. . .	Кумоонъ	Ганюлкаль.
Языкъ	Гийгелъ	. . .	Епчилъ	Лакша.
Щоки	Валкаашы	Елпу	Епелудъ	Люхлюхуфе.
Подборо- докъ	Пеее	Кулпыниашу	Пегыша	(не знаютъ)
Плечо	Гелпыгенъ	. . .	Тенодъ	Тыланкаланъ.
Рука	Маннагыленъ	Шотонгъ	Конменегланъ
Перствъ	Гельгашъ	Гелугу	Кикечъ	Тылахуфи.
Грудь	Мачу	Уачимъ	Уая	Вашапжашъ.
Сердце	Лингеланъ	. . .	Нугулу	Лаишага.
Брюхо	Нанканъ	Келидка	Нанкнангъ.
Черева	Гийгынъ	Шигыжидъ	Шихши.
Пузырь	Епшбучиню	. . .	Дыколишъ	Ичици.
Тайной удъ мужеской	Алка	. . .	Каллака	Елка.
Женской	Пенненъ	Копионъ	Уаша.
Спина	Капшынъ	Гийлакъ	Калангъ	Ишкпкашъ.
Ноги	Гышкашъ	Кашхадъ	Хткшафе.
Плащъ	Маньгичанъ	Коабыжъ	Кукляка.
руское			(ихъ шубы)	
Шапка	Пенке	Галаалючъ	Келламъ.
Штаны	Хонаншы	Кусе	Кашкашъ.
Чулки	Памсадъ	Пайманъ	Анангпамтафъ.
Торбасы, ихъ обувь	Шлаку	Чилхенъ	ooo
Острогъ	Уина	Шулдъ	} не знаютъ
Займка	Кайнемпиль	Кайнму	Адымчанъ	
Юрта	Яянга	Кистъ	Шйшпту.
Дверь	Тылаашылъ	Духчечъ	Ташпангъ.
Постеля	Аикуль	Лажунъ	Аначъ.
Котель	Кукесига	Кукъ	(не имбютъ)
Кухня	Хаманга	Уилганъ	Бумбу	Ксо.
Ножъ	Уала	Уалачъ	Валавалъ.
Ложка	Уинъ	Кептъ	Калыкаль.
Лукъ	Игитъ	Ечетъ	Иштъ.
Стрѣла	Макымъ	Калхъ	Накма.
Сани	Уешикъ	Шицидъ	Гашхы.

Лотка

	А	Б	В	Г
Лопка	Апшвумб	. . .	Кбшхымб	соо
Веревка	Игёлытб	Учигы	Анашелб	ооо
Топорб	Аалб	. . .	Кбашу	осо
Узда оленья	Хойлгенб	. . .	(имени нбтб)	Ахб-велкня- велб. Тожб узда сабачья Шишишифи
Трава	Уйай	. . .	Шишишилб	ооо
Корень	Кинмакинб	. . .	Пынгылдб	ооо
Листб	Гушуумб	. . .	Бехлумель	Тоулулб.
Мясо	Хойпаулб	. . .	Талтб	Тагатага.
Рыба	ённаакб	ённоенб	йнчудб	Амлянфб.
Икра	Лёлкигенб	. . .	Куичунгб	
Соль	Анкамемилб	} новия имена } } мемілюгаканб }	не знаютб	
Вино	Екамемилб		Тымгауши	Тынгёюкб.
Сытой	Геёюли	Гынгеюкб	Екужичь	Текш-
Голодной	Купилагетб	Гештагин- генб	(всть хочу)	шывгланб
Жаждащей	Немёгашеко- панб	Ткбпаанб	Тыкушжужикб (пить хочу)	Тамхшингб.
Пьяной	Гёллелали	Тыкуллелаатб	Тыалкожкб.	(не знаютб)
Пить	Мйгучикб	Куики	Бйгиликб	ооо
Всть	Мёвуикб	Кбшуа	Балолкб	ооо
Спать	Мййлакашкб	Кейлакатб	Бунгуяку, (спать хочу)	Мамфыл- кышкб.
Говорить	Камыгуму- гатб	. . .	Кажинухшжа- жикб (говорить хочу)	Панлакукб.
Молчи	Кыгумагы	Кауитвыгы	Куйшужижчь	Тингичингб.
Бхатб	Кыгё-кенге- лапы	Мыналакала	Кошхб кокш- хажикб	Мылака- пыкб апхо.
на оленяхб	Коаша-Кыгён- кенгелашы	Апшакаганб	} Бхатб на са- бакахб }	
Бхатб	Вичичахал- катб	Мыналакала		Алшывгылашкб
Ишти	Гымма-ты- котвела	. . .	Кемб-шыжй- лижкб	Гамб-шетф- йшлагачь
Я стою	Гыча-Кбш- вела	. . .	Кыже-жишунб	Гежб-Тфйт- лягачь
Ты стойши	Енноль-Кбш- вела	. . .	Дугудб-жй- шичь	Вешигуиш- кинб.
Овб стойтб				Тфишлягачь Мы

	А	Б	В	Г
Мы спой- ймъ	Мую - МЫП- кошвелаала	. . .	Бужь-Лйжи- лишумкь	Мушхан- шенъ Тешфишля- гачь.
Вы спой- те	Тучу, или Тую, кошвелаала	. . .	Шуже - жи- лижъ	Түшхантъ- Тфишлягачь
Они спой- ймъ	йчу Кошве- лаала	. . .	Тылу - Бжили- чижъ	Ичантъ- Тфишлягачь
Сплю	Тыкуиаканъ	. . .	Тунгуи- куашкь	Танфилаго- ляшъ.
Вижу	Тыкулагонъ	. . .	Тылашижкь	Тухчаганъ.
Не вижу	Елауки-Ты- куншыгъ	Уинга Енака- шке	Каалчокъ- Тынхлижа	Ухекляшахъ
Сибюся	Тыкаачагига- шыкь	: . .	Тыделиш- хылжкь	Тыпанкычъ
Плзчу	Тыкошеинга- шынъ	. . .	Туелижкь	Тахтѣп- фанъ.
Бвдѣй	Нйлакынъ	. . .	Датхало	Лйплянъ.
Черной	Нуукынъ	. . .	Дыжаелунгъ	Лвулккь.
Красной	Ничичакынъ	. . .	Чачаль	Лшдифль.
Зеленой	Аплеля	Нуушелякь	Духкаралло	Ихчйчи.
Синей	Нуушелигы- якь	Нуукынъ	Кйлахшкежу	(не знаютъ)
Желтой	Лйлаиль	не знаютъ	Шемечемъ.
Большой	Немелякынъ	. . .	Кушболунъ	Лукаклинъ.
Малой	Еппулукынъ	. . .	Куацкалунъ	Ламклин- гамъ,
Высокой	Негенгелохонъ	Нйулакынъ	Дашелу	Лхнбланъ.
Ниской	Дйгыптакы	Нйушакынъ	Дыжулу	Люхшлау.
Свѣтлой	Нечигакинъ	. . .	Датхылу	Латхплянъ.
Темной	Нувуткакынъ	. . .	Ухта	Лвулклингъ.
Теплой	Номкынъ	. . .	Номлингъ	ooo
Спуденой	Накалгакынъ	Нйчаккынъ	Дыкенилингъ	ooo
Мокрой	Гйпшкаули	Нйлаакынъ	Кыжуалингъ	Жегалъка.
Сухой	Гапалинъ	Никичитакынъ	Демелингъ	Гйвшкы- шынъ.
Живой	Кукюлаашту	. . .	Кыжунылинъ	Юлгачь.
Мертвой	Віала	. . .	йжа	Вйсигля.

Рано

	А	Б	В	Г
Рано	Чутча-кы мышты	. . .	Бенкомань	ооо
Поздо	Айгывынгешы	. . .	Ухта (шемо)	ооо
Сего дня	Учечинь	Ечигы	Денгу	ингуть.
Завтра	Миншму	. . .	Дымколаку	Гаслунгатъ.
Послѣ зав- тра	Митудания- кынякѣ	Голдынь-миш- шынь	Кобашажь	(не знають)
Вчера	Айгыве	. . .	Еапынумь	Тингфи.
Третьего дня	Явеколсадъ	Нгпокаалу- гунь	Коблашажъ	(не знають)
Впередъ	Яношынъ	. . .	Дуклакъ	Нуплаганъ.
Назадъ	Явалетъ	Явалъ	Шалкъ	Калгыши- кышъ.
1	Енненъ	Иашинякъ.
2	Нигеръ	Нитпѣкавъ.
3	Ніокынъ	Нгжбкавъ.
4	Ніакенъ	Нгжѣкавъ.
5	Мылленге	. . .	счи-	Мыланка.
6	Еннанъ-мыл- ленге	ингыана- шитъ.
7	Ніаколешен- гакъ	. . .	сленіе	Нгышпшы- акашитъ
8	Ніаколемен- гакъ	Нгышбака- шитъ
9	Хоняанчин- канъ	. . .	все	Нгышаака- шитъ
10	Мыннигыш- кенъ	Тамалгаша.
11	Мыннигыш- кенъ-Енненъ	Енненъ-копа- юланги	. . .	Прочее по
12	— Нигеръ	Нигеръ-копа- юланги	вчемъ	примѣру
13	— Ніокынъ	Ніокынъ	. . .	корякъ людьми
19	Мыннигыш- кенъ-хоняан- чинканъ	Хоняанчин- кавъ-копѣю- ланги	отъ	считаютъ,
20	Оль-калыкъ (цѣлой)	Опта-калуу человѣкъ)	сѣверныхъ	какъ дват- цать 30

	А	В	В	Г
30	Калыка-мын- ныгышкенъ	Нюокы-мын- ныгышкенъ	Кам-	одинъ чело-
40	Нийегъ-каала- улашъ (два человекъ)	Нийакенъ-мын- ныгышкенъ	ча	вѣкъ, а по ихъ Учамчагалъ.
50	Нийегъ-каалы- кашъ (два человекъ)	Мылленге-мын- ныгышкенъ и десять)	да	40 два чело-
60	Нюокъ-каала- улашъ	Еннанъ-мыл- ленге-мын- ныгышкенъ	ловъ	вѣка и прочая, а къ неравному
70	Нюокъ-каалы- кашъ-мынни- гышкенъ	Нийаколен- гакъ-мынни- гышкенъ	не	числу прилага- юшъ то какъ
80	Нийа-каалыкашъ	Нюоколен- гакъ-мынни- гышкенъ	разнствуешъ	напримѣръ 30
90	Нийа-каалы- кашъ-мынни- гышкенъ	Хонянчин- канъ-мынни- гышкенъ		по ихъ одинъ
100	Мылленге-ка- алыкашъ (пять)	Мылленгенъ- колау человѣкъ)		человѣкъ и десять

Коряцкія званія рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и произрастаю-
щимъ, которыхъ имъ знаемъ.

Красная рыба, уювай.
Чавыча, ёвочъ.
Кеша, кешаакашъ.
Горбуша, калаалъ.
Мальма, уишывышъ.
Мыкмызы, ямколанъ.
Харіузы, кышчагу.

Бѣлая рыба, иканнаканъ.
Кунжа, оканча.
Гольцы рѣчные, канивышыгу.
«ъ
Камбала, Алпа.
Вахня, Уяканъ.
Уйки, гушыгыкъ.

Рамжалъ

Рамжа или быкъ, йлаалъ.	Гуси, гейшбаншъ.	
Мокой, макаю.	Селезни,	} Гейчо- гачи.
Касашка, инуашу.	Воспрохвосшы,	
Сука рыба, ашпаганъ.	Чернеши, Аингагалъ.	
Раки морскіе, яѣшъ.	Плутоносы, уалпигали.	
Кишы, юунги.	Чирки, угалгапылъ.	
Тюлени обыкновенныя, ме-	Крохали, яллаалъ.	
— лахшаки, калыла.	мель. Гоголи, йлыгали.	
— малые, уишувышъ.	Гагары, юваю.	
— полосашые, мушчунъ.	Лушки, ялалгалганиъ.	
Вѣлуги, Гѣшшыгыишъ.	Немки, Вечопоалъ.	
Сивучи, улу.	Орлы, шѣлмыши.	
Бобры, калага.	Соколы, шымышылъ.	
Кошы, шалача.	Мышеловы, ечѣучики.	
Соболи, кышшыгымъ.	Яспребы, ихуланъ.	
Лисицы, яюнъ.	Вороны, шохучававалу- уѣлле.	
Медвѣди. Кайнга.	Вороны, нимѣлла-уѣлле.	
Волки, еѣлунгунъ.	Сороки, уикышшыгыиъ.	
Горностай, ймягчакъ.	Ласпочки, } Кавалингекъ.	
Выдры, вѣнгешъ.	Стрижи, }	
Зайцы, милушъ.	Трясогуски, говынку.	
Песцы, иппунъ.	Куропатки, ѣуевъ.	
Россوماхи, хаѣппей.	Тешеревы глухіе, кынашу.	
Бараны каменные, кышыпъ.	Дяшлы, } уикычыкычанъ.	
Олени, лугаки.	Желны, }	
Тарбаганы, гешѣу.	Кулики, чеѣея.	
Еврашки, гѣлаакъ.	Снигири, йакываша.	
Бѣлки, явулаа.	Жаворонки, гѣачеѣй.	
Лебеди, канчанъ.	Кокушки, кайкукъ.	
Томъ II.	Ц	Чайки

Чайки, ѡкаякѣ.
 Маршышки, канѣчугу.
 Кедровки, какачу.
 Савки, аалыкѣ.
 Игымы, кѣчугунгаллы.
 Ару, каюку.
 Урилы, гѣлкуль.
 Сшарики, ѡныпилалапѣ.
 Верезникѣ, лугунѣ.
 Топольникѣ, якаль.
 Вѣшельникѣ, шыкыль.
 Ольховникѣ, ѡныкылонѣ.
 — каменной, уичугуй.
 Рябинникѣ, елоенѣ.
 Сланецѣ, кашчивокѣ.

Можжевельникѣ, валвакычу.
 Боярышникѣ, пѣшкѣча.
 Черемошникѣ, елоенѣ,
 шожѣ по ихѣ что рябина.
 Шиповникѣ, пѣчкучанѣ.
 Жимолосникѣ, ѡнычивоу.
 Тальникѣ, ѡи.
 Морошка, ешшѣешѣ.
 Голубица, Лингалѣ.
 Водяница, гѣчубана.
 Брусница, гѣйнаанѣ.
 Княженица, уѣишѣ.
 Толокнянка, Кычѣммуца.
 Клюква, емѣлкевына.

Сими именами рыбу, пѣицѣ и прочая называютѣ Сидячѣ Коряки; а Оленные не столь любопытны, чтообѣ они и по знашѣ или называшѣ могли, чѣмѣ не пользуются. И хошя впрочѣмъ много изѣ того имѣ извѣстно, однако какѣ ихѣ имена пишашѣ, такѣ Укинскія и Карагинскія разсудилось мѣ за излишнее: ибо Укинцы называютѣ всѣ вещи отчасши по Камчатски а отчасши по Курильски, а Карагинцы по Коряцки сѣ ѡнѣкоторою малою отмѣною: такѣ на примѣрѣ, гусь по Камчатски кейшугышѣ, по Укински кейшугашѣ, по Коряцки гѣйшуаншѣ, а по Карагински ешегешу.

Которые живутѣ на рѣкѣ Карагѣ, а не на острову, шѣ отѣ жителей островныхѣ вѣ томѣ наипаче
 ошмѣн-

ешмѣнны, что вмѣсто ф произносятся, г вмѣсто е въ началѣ произносятся И: такъ на примѣрѣ, вмѣсто вихуфи ногши вегевуги, вмѣсто ешегешу гусь ишуишъ.

Тигильскіе сидячіе Коряки также какъ и Укинскіе больше имѣютъ сходства въ языкѣ съ Сѣверными Камчадалами, нежели съ Оленными Коряками, хотя слова ихъ такъ испорчены, что едва и узнать можно, а особливо въ разговорахъ. Кратко сказать, всѣ сидячіе Коряки чѣмъ ближе живутъ къ Камчадаламъ, тѣмъ больше имѣютъ и сходства съ ними, а чѣмъ къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Коряцки.

ГЛАВА 22

О Курильскомъ народѣ.

Курильской народъ житіемъ своимъ такъ сходенъ съ Камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о немъ, если бы въ тѣлесномъ видѣ и въ языкѣ не было различія. Откуда сей народъ имѣетъ происхождение, о томъ столь же мало извѣстно, какъ и о другихъ Камчатскихъ народахъ; а можно ли по ихъ языку сколько ни будь изслѣдовать, оное оспавляющаеся такимъ людямъ, кои въ томъ шрудятся по искусству своему и по должности: чего ради и пріобщено на концѣ сей главы собраніе словъ Курильскаго языка.

Сей народъ ростомъ средней, волосомъ черенъ, лицемъ кругловатъ и смуголь, но гораздо пригожѣ другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія окладистыя

стныя, шло мохнатое, въ чемъ состоятъ значная разность отъ Камчадаловъ.

Мужеской - полъ волосы напередѣ брѣвѣ до самой верхушки, а назади ростятъ, въ чемъ съ Японцами имѣютъ сходство, отъ которыхъ, можеть быть, по причинѣ бывшей прежде сего комерціи и обычай оной приняли; а женской шокмо подрѣзываютъ ихъ спереди, чшобъ глаза не закрывали. Губы у мужчинъ на срединѣ шокмо, а у женщинъ всѣ вычернены, вокругъ разшины узорами. Сверхъ того и руки разшивающъ онѣ почти по локоть, въ чемъ нѣсколько сходствуютъ съ Чукчами и Тунгусами. Всѣ вообще носятъ въ ушахъ большія серебряныя кольца, которыя прежде сего получили отъ Японцовъ же.

Плашье носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисье, бобровое и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгускому образцу, то есть распашное, а не по Камчатскому; при чемъ не наблюдаютъ того, чшобъ плашье было изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что и поныѣ рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскутъ разныхъ звѣрей и птицъ была здѣлана.

До богатаго по тамошнему мѣсту плашья, каково на примѣръ суконное, камчатое и прочая, великіе охотники, шокмо весьма небережливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ шюленя на себѣ нести не успыдишся, не взирая на то, что измаешь плашье, которое ему стоить дорого. На покрой не много же смотрятъ: все имъ равно, мѣшкомъ ли плашье сшило или по-косши, только бы ему двѣшъ былъ

былъ любь, да надѣнь на себя лья бшаф. Спецлерь пишеть, что нѣкоторому Курильцу камчатая шблогрѣя понравилась, въ кошорѣй онѣ ходилъ обзираюся и любудь ею, не смотря на то, что другіе казаки смѣялись надъ нимъ, что онѣ носить женское платье. Ему, можеть бытъ, казалось равно всякое платье: ибо у нихъ въ своемъ платьѣ равности нѣтъ между мужскимъ поломъ и женскимъ.

Живущъ въ шапхъ же юршахъ какъ Камчадалы, шокмо ихъ держатъ нѣсколько чище, убирая стѣны и полки правяными рогожами. Пишакются наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляющъ мало.

Бога сшоль же мало знающъ, какъ и Камчадалы. Въ юршахъ имѣющъ вмѣсто идоловъ зудрявыя стружки, которыя они весьма хитро дѣлающъ. Сн стружки называющъ они Ингудъ или Иннаку, содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи; однако не могъ я шого вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вмѣняющъ или за Бога. Въ жершву приносящъ имъ первопрмышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами сѣдающъ, а кожу при нихъ вѣщающъ, и когда юршы за вѣтхостію оставляющъ, то не берущъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни стружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя стружки во всякіе опасныя пуши на море, и бросающъ въ случаѣ бѣдствія во воду, а наипаче въ сувой, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопашкою, которыя шѣмъ умилосливить нѣдѣются. Такой образъ идолослуженія приняла ошъ Куриль и южныя Камчадалы, кои живутъ на первомъ Курильскомъ острову и на лопашкѣ, какъ

надежное средство къ безопасному плаванію по морю.

Лѣтомъ ѡздятъ на Байдарахъ, а зимою ходятъ на лыжахъ, ибо сабакъ не держатъ и не имѣютъ. Мужескіе главные шруды, промыселъ морскихъ звѣрей: женщины по примѣру Камчадалокъ въ шитьѣ и въ плетеньѣ чиреловъ упражняются, а въ лѣтнее время ѡздятъ съ мужьями и на промыселъ въ греблѣ.

Что касается до ихъ обычаевъ, то они несравненно учтивѣе другихъ народовъ: а при томъ постоянны, праводушны, честолюбивы и кропки. Говорятъ шихо не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидячіе Коряки. Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо же горячи къ своимъ сродникамъ. Пріятное, сказывають, позорище, когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе: пріѣзжіе съ байдаръ своихъ, а жители извѣщаютъ съ великими обрядами сходящся; обѣ стороны одѣты бываютъ въ военное платье и съ оружіемъ махая саблями и копьями, напятивая другъ противъ друга; луки, какъ какъ бы бытъ сущему сраженію, а при томъ всѣ плашутъ сошедши въ мѣстѣ оказываютъ всякіе знаки радости обнимають, лобызають и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостей въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчивають предстоѣя и слушая вѣстей о ихъ приключеніяхъ случившихся въ разлученіи. Должность рассказывать никому не поручается кромѣ старшаго. Онъ какъ ораторъ объявляетъ о всѣхъ мѣлокахъ, какъ промышляли, какъ жили, куда ходили, что

ви-

видѣли, съ кѣмъ учинилось щастіе и нещастіе, кто немогъ или умеръ и отъ какой прищчины; и иногда болѣе шрехъ часовъ продолжаетъ рѣчь свою, а прочіе слушаютъ со вниманіемъ. Когда гость окончишь рѣчь свою, то изъ шушешныхъ жишелей спаршей подобнымъ образомъ сказываетъ про свое житье и промыслы, и прежде того никому другъ съ другомъ говорить не лзя. Послѣ того или сѣшуютъ, или веселятся повѣстямъ смотря, а наконецъ шоржествуютъ по своимъ обычаямъ, ѣдятъ, пляшутъ, поютъ и сказываютъ скаски.

Что касается до прошчихъ обрядовъ, каковы напримѣръ свашанье, свадьбы, родины, дѣшей воспишаніе; въ шомъ они отъ Камчадаловъ не разншвуютъ. Женъ имѣютъ по двѣ и по шри, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру Ташаръ Махомешанскаго закона, кои къ невѣстамъ своимъ приходятъ аки бы тайно, пока калыму не запламятъ по договору. Есть же у нихъ и Коѣкчучи, какъ у Корякъ и Камчадаловъ.

Буде кто у нихъ приличится въ прелюбодѣянїи, то бываетъ странной поединокъ, на кошоромъ бьются они палкою, а вызываетъ на оной прелюбодѣецъ мужа прелюбодѣяницы: раздѣваются оба до нага, и разятъ другъ друга по спинѣ. Которой вызываетъ, шотъ сперва шри раза отъ вызваннаго долженъ вытерпѣть, а по шомъ беретъ у него палку, и бьетъ равнымъ образомъ, и такъ перемѣняются до трехъ разъ. Сіе побоище много у нихъ вѣку уноситъ: ибо бьются они, сколько естъ мочи, а палка бываетъ толщиною въ руку, а длиною близко аршина. Нейши
на

на поединокъ такоежъ безчестіе, какъ у нѣкошорыхъ Европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и отречется отъ бою, шотъ долженъ заплатить мужу прелюбодѣйцы такое безчестіе, какого онъ потребуешъ, звѣрми, плашьемъ, кормомъ и другими вещами.

Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжелѣ Камчатскихъ: ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даюшъ бабки повивальныя, которыхъ они никогда не переимѣняюшъ. Изъ двойнишвыхъ одного всегда убиваюшъ.

ИМЕНА МУЖЕСКІЯ,

Липага.
Епеханъ.
Ташаль, черной.
Пиканкуръ.
Галгалъ.
Темпше.

ИМЕНА ЖЕНСКІЯ.

Афака.
Загшѣмъ.
Ч кава.
Казукъ. плачущая, отъ того, что родилась она въ самое время покоренія страны ихъ.

Умершихъ зимою хороняшъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубивства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ какъ у Камчадаловъ, токмо шого не слышно, чтобъ они морили себя голодомъ.

Курильцѣвъ, которые живушъ на первомъ острову и на лопаткѣ, съ сими Курилами за одинъ народъ почишашъ не должно, ибо оныя сущіе Камчадалы, какъ уже выше показано.

Собраніе

Собраніе словъ Курильскаго языка.

Богъ, камуй.
 Дьяволъ, уинъ-камуй.
 Небо, ниссб.
 Облака, уураръ.
 Вѣтръ, кесра.
 Буря, исіупу.
 Дождь, сиругѣвъ.
 Сявгъ, ушашъ.
 Градъ, каукигъ.
 Громъ, умб.
 Молнія, камуй-сіуунѣ.
 Солнце, } чуппу.
 Луна, }
 Звѣзда, кеша.
 День, шо.
 Утро, нисіапъ.
 Полдень, теананашки.
 Вечеръ, онуумамъ.
 Ночь, сиркунѣ.
 Полночь, упаканнашки.
 Годъ, шилоанъ.
 Земля, кошавъ.
 Гора, ошгуръ.
 Пригорокъ, биванъ-ошгуръ.
 Огонь, ани.
 Дымъ, сіуоуя.
 Жаръ, апшашъ.
 Вода, пи.
 Поле, сіешъ.
 Тѣль II.

Дорога, ру.
 Лѣсъ, ни.
 Дерево, яштурасни.
 Море, Ашуйка.
 Озеро, шо.
 Рѣка, пешъ.
 Рѣчка, мемъ.
 Песокъ, ота.
 Грязь, шейнишой.
 Камень, поина.
 Желѣзо, каани.
 Человѣкъ, аиню.
 Ошецъ, мичи.
 Мать, апу.
 Сынъ, впугу.
 Дочь, кпоимачи.
 Братъ большей, кіупи.
 — меньшей, каки.
 Сестра большая, кса.
 — меньшая, Уармашъ.
 Мужъ, какаю.
 Жена, кмачи.
 Отрокъ, пумпу.
 Дѣвочка, цумачъ.
 Господинъ, шоно.
 Слуга, усиху.
 Служанка, куслуга.
 Голова, паовъ.
 Волосы, чу.

Ч.

Борода

Борода, шрекъ.	Ножъ, епира.
Глаза, сикъ.	Ложка, пасуй.
Уши, ксаръ.	Лукъ, ку.
Носъ, епу.	Спрѣла, ахи.
Ротъ, чаръ.	Санки, шкенй.
Губы, чааѳои.	Байдара, чипъ.
Языкъ, аху.	Причалъ, туръ.
Щоки, нушкиху.	Топоръ, укаръ.
Подбородокъ, сеурѣ.	рыба, сійципъ.
Плечо, тапсѳъ.	Икра, ома.
Рука, шекъ.	Мясо, камъ.
Перстъ, моакй.	Соль, сиппу.
Грудь, рамушуръ.	Трава, муѳъ.
Сердце, сампѣ.	Листъ, Ніеѳъ.
Брюхо, псе.	Корень, сивришъ.
Внутреннее, канка.	Лицо, ноки.
Пузырь, псѣхчингычу.	Сытъ, касину.
Тайной удъ мужеской, чи.	Голоденъ, истарѣ.
— — женской, чистъ.	Жаженъ, ипекрейкѣ.
Спина, сетуръ.	Бсть, ишамъ.
Ноги, кема.	Пить, кпекреигіуа.
Плащъ, урѣ.	Спать, амѳокросива.
Шапка, нѳнчи.	Говоришь, кишокросива.
Штаны, ою.	Молчи, ейн-кишокросива.
Обувь, жиръ.	Бхашъ, окѳокросива. (ва.
Острогъ, кошануй.	Ишши, сачипеека-комнроси-
Юрта, че.	Я стою, канига-касѳануа.
Дверь, пѳюръ.	Ты стойшь, еа сѳанъ.
Поселя, со.	Онъ стойшь, еа сѳануа.
Кошель, сю.	Мы стоймъ, роски-еарасюга
Деревянная ихъ посуда,	

кишчи

Вы

Званія звѣрямъ, птицамъ и рыбамъ и другимъ извѣстнымъ имъ вещамъ натуральнымъ.

- Лясицы, кимушпѣ. — малыя, керо.
 Волки, ортгу. Маршышки, сичаача.
 Горностан, таннерумъ. Савки, аавга.
 Сабака, стапу. Игылмы, ешубирга.
 Мышь, ерму. Ару, аара.
 Кишы рика. Уриль, уриль.
 Коты морскіе, оннѣль. Старики, гѣкачичиръ.
 Сивучи, етаспѣ. Красная рыба, сичипъ.
 Бобры морскіе, ракку. Камбала, тантака.
 Нерны большіе, решаткоръ. Чивыча, чивырра.
 — пестрыя, сѣаншорасм. Кета, сѣипѣ.
 — полосатыя, кааненъ. Горбуша, сѣакипа.
 — голыя, амуспѣ. Гольцы, усуркума.
 Связки морскія, оку. Быки, сѣсятки.
 Бблуги, безчурика. Бблая рыба, кирурта.
 Гуси, куйшупъ. Кунжа, окорра.
 Селезни, саанчиль. Скашъ, уштупару.
 Воспрохвосты, паакарижу. Сука рыба, руанипѣ.
 Чернети, яичиръ. Налимъ морской, сирбукъ.
 Чирки, туурѣ. Раки морскіе, сираръ.
 Гоголи, чажчиръ. Ольховникъ, асб.
 Крохали, туипе. Рябичникъ, коксунени.
 Гагары, сесъ. Сланецъ, паксепни.
 Немки, нукеспу. Жимолосникъ, пашкурачкумамай.
 Орлы, сургуръ. Шиповникъ, кбпоконъ.
 Ястребы, кѣкисупъ. Жимолосникъ, енумишанне.
 Мышеловы, расампѣ. Тальникъ, сусу.
 Вороны, паскуръ. Морошка, алнуменипъ.
 Сороки, какукъ. Голубица, енумукуша.
 Ласпочки } куюканъ. Водяница, ечкумамай.
 Стрижи } Врусница, нѣпопкинь.
 Синицы, пайкаичиръ. Княженица, нукаруръ.
 Куропатки, нѣпуе. Толокнянка, акагкау.
 Кулики, ечкумамуе. Клюква, асытъ.
 Зуйки, пѣсерой. Канушта морская большая, кшту-
 Жаворожки, рѣкиничиръ. сасъ.
 Кокуцки, каккѣкъ. — малая съ краснымъ листь-
 Чайки бблая большія, оннемасъ. емъ, маруай.
 Чайки черныя большія, понгапѣ. — особливаго роду, мрѣтъ.
 ЧАСТЬ

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

О покореніи Камчатки, о бывшихъ въ
разныя времена бунсахъ и измѣнахъ,
и о нынѣшнемъ состояніи Россійскихъ
оспроговъ.

Г Л А В А I

О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ и о заведеніи въ той странѣ Россійскаго поселенія.

По распространеніи Россійскаго владѣнія въ сѣверѣ, и по заведеніи селенія по значнѣйшимъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитое море, отъ Лены рѣки къ востоку до Анадырска, часъ отъ часу болѣе старанія было прилагаето, чшобъ отъ Ана-

Анадырска далѣ провѣдывашъ зѣмли, и живущихъ тамъ иновѣрцовъ приводишь въ подданство; чего ради всякому прикащику накрѣпко было подтверждаемо, чтобъ всѣми мѣрами домогашься получитьъ извѣстіе, гдѣ какой народъ живешъ, сколь многолюденъ, какое имѣетъ оружіе, какое богатство и прочая. Такимъ образомъ не могла Камчатка не быть извѣстна еще въ то время, когда нѣсколько Корякъ Пенжинскаго и Олюторскаго морей изъ Анадырска были объясачены, ибо имъ какъ сосѣдямъ Камчатскимъ, а паче Оленнымъ корякамъ, которые часто кочуютъ внутрь самой Камчатки, тамошней народъ довольно былъ знаемъ. Но кто первой изъ Россійскихъ людей былъ на Камчаткѣ, о томъ не имѣю достовѣрнаго свидѣтельства; а по словеснымъ извѣстіямъ приписывается сіе нѣкакому торговому челоувѣку Федоту Алексѣеву, по котораго имени выпадающая въ Камчатку Никулъ рѣчка Федотовщиною называется: будто онъ пошелъ изъ устья рѣки Ковымы Ледовишымъ моремъ въ семи кочахъ; будто погодою отнесенъ отъ другихъ кочей и занесенъ на Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ со своимъ кочемъ; а на другое лѣто обшедъ Курильскую лопатку дошелъ Пенжинскимъ моремъ до рѣки Тигиля, и отъ тамошнихъ Корякъ убишь зимою со всѣми товарищи, къ которому убивству аки они причину сами подали, когда одинъ изъ нихъ другаго зарѣзалъ: ибо Коряки, которые по огненному ихъ оружію выше смертныхъ почитали, видя, что и они умирашь могутъ, не пожелали имѣть у себя гостей столь страшныхъ. Извѣстіе въ разсужденіи морскаго его пуши съ Ковымы рѣки

рѣки подтверждается опискою служиваго Семена Дежнева: ибо Дежневъ объявляетъ, что морское ихъ путешествіе было неблагополучно, торговаго челоуѣка Федота Алексѣева разнесло съ нимъ погодою безъ вѣспи, его носило по морю долгое время, а на послѣдокъ выбросило на берегъ въ передней конецъ за Анадырь рѣку. Но въ разсужденіи бытности его на Камчаткѣ, и что Никулъ рѣчка Федотовщиною по имени его называется, нѣсколько сумнительно: ибо въ той же его опискѣ показано, что въ 7162 году ходилъ онъ Дежневъ возлѣ моря въ походъ, и ошбилъ у Корякѣ Якушскую бабу помянушаго Алексѣева, кошорая ему сказывала, что Федотъ съ однимъ служивымъ цынгою умерли, а иные товарищи ихъ побиты, и ошались не великіе люди, и побѣжали въ лодкахъ одною душею, а куды, невѣдомо. Чшо жъ касаетъ до построенныхъ на рѣкѣ Никулѣ зимовей, то и ошъ самихъ Камчадаловъ подтверждается, что оныя Россійскими людьми поставлены, а развалины ихъ до нашихъ временъ были видимы.

Но сія разность въ извѣстіяхъ кажется ошвращена бытъ можеть, ежели положишь, что Федотъ съ товарищи не на Тигилѣ погибъ, но между Анадыремъ и Олюторскимъ; ибо такимъ образомъ не противно будешь извѣстіямъ, когда предсхавимъ себѣ, что онъ и на Камчаткѣ зимовалъ съ кочемъ своимъ, и въ кругъ лопашки доходилъ до рѣки Тигиля, что оштуду обратно слѣдоваалъ къ Анадырску или моремъ, или сухимъ путемъ по Олюторскому бѣрегу, и на пути умеръ, а прочіе его товарищи или побиты, или без-

безвѣстно пропали, хошя отъ убивства избавишца. Но какъ бы то ни было, однако сей походъ и не великой былъ и не великой важности; для того чшоне послѣдовало отъ него никакой пользы, не токмо въ разсужденіи государственнаго интереса, но ниже въ разсужденіи надежнѣйшаго извѣстія о землѣ Камчаткѣ: ибо, какъ выше показано, никого изъ объявленнаго походу не явилось выходцовъ; чего ради перьвымъ походомъ на Камчатку можно почестъ походъ казачья пшидесятника Володимира Ашласова.

Оной Ашласовъ въ 7203 году присланъ былъ изъ Якушка прикащикомъ въ Анадырской острогъ, и велѣно ему было, шакъ какъ прочимъ прикащикамъ, ясакъ збирать съ присудныхъ къ Анадырску Корякъ и Юкагирей, и стараться о прійскѣ вновь людей, и о приведеніи ихъ подъ самодержавную Государеву руку. Въ 7204 году посыланъ отъ него былъ къ Апущскимъ Корякамъ Лука Морозко въ 16 человекъ за ясаннымъ зборомъ, которой по возвращеніи своемъ объявилъ, что онъ не только былъ у оныхъ Корякъ, но и до Камчатки не доходилъ токмо за 4 дни, и въ томъ походѣ взялъ онъ Камчатской острожекъ, а на Погромъ получилъ не вѣдомо какія письма, которыхъ объявилъ Ашласову.

По сему извѣстію Ашласовъ, взявъ съ собою бо человекъ служивыхъ, да шакожь число Юкагирей, а въ Анадырскомъ оставя 38 человекъ служивыхъ, отправился въ 7205 году послѣ ясанаго збору на Камчатку, и въ томъ походѣ склонилъ онъ ласкою къ

къ ясаиноху плашежу Акланской, Каменной и усть-Таловской оспрожки, да одинъ боемъ взялъ. * Пóслѣ того, какъ сказываюшъ, раздѣлялъ онъ партію свою на двое, половину послалъ на Восточное море подъ команду Лукъ Морозки, а съ другою самъ по Пенжинскому мóрю слѣдовалъ. На Палланѣ измѣнили ему союзники его Юлагари, 3 человекъ служивыхъ убили, да 15 человекъ и его Апласова ранили, однакожъ намѣренія своего, чшобъ всѣхъ побить, не исполнили: ибо казаки справясь отбили прочь оныхъ злодѣевъ, и не взирая на то, что лишились ихъ помощи, предпріятія своего не оставили; но продолжали походъ свой далѣе къ югу. На Тигилѣ рѣкѣ соединились паки обѣ партіи, и собрали ясакъ съ иноземцовъ живущихъ по Напанѣ, Кигилю, Ичѣ, Слупчѣ и Харьузовой рѣкахъ, а до **Каланской рѣки не дошли они шокмо за три дни. Будучи же на Ичѣ взялъ онъ у Камчадаловъ пленника Узакинскаго (Японскаго) государства.

Томъ II.

III

От-

* Апласовъ въ отпискѣ своей въ Якушкѣ о раздѣленіи партіи не упоминаетъ, но пишетъ, что по погроменіи острога пошелъ онъ въ Олюторскую землю Февраля 1 дня; однако словесное извѣстіе, что не самъ онъ туда ходилъ, но партія, отъ достоверныхъ людей подтверждается.

** Понеже нынѣ никакой рѣки на Камчаткѣ Каланкою не называютъ, чего ради заподлинно знать невозможно, до которыхъ мѣстъ доходилъ Апласовъ; а по словеснымъ извѣстіямъ Камчатскихъ старожилловъ, доходилъ оной до рѣки Нынгычу, что нынѣ Гольгиною называется, по имени казака Гольгина, которой въ ономъ Апласовомъ походѣ пропалъ безвѣстно: чего ради думать должно, что Апласовъ подвигенемъ Каланской рѣки разумѣтъ Игдыгъ или рѣку Озерную, на которую съ Гольгиной переѣзжаютъ въ претей день; а Каланкою назвалъ онъ ее, можетъ быть, по бобрамъ морскимъ, которые тамъ промышляются, и прежде сего писались Каланами.

Отшуду возвратился онъ назадъ, и шелъ поюже дорогою до рѣки Ичи, а съ Ичи перешедъ на Камчатку рѣку построилъ верхней Камчатской острогъ, и оставя въ немъ служиваго Потапа Серюкова въ 15 человекъ выѣхалъ въ Якутскъ 7208 году Юля 2 дня, и вывезъ съ собою Японскаго плѣнника и ясачную Камчатскую казну, которая состояла въ 80 соболяхъ соболей, въ собольей паркѣ, въ 10 бобрахъ морскихъ, въ 7 лоскутахъ бобровыхъ, въ 4 выдрахъ, въ 10 лисицахъ сиводущашихъ, въ 191 лисицѣ красныхъ; да у него было собственннхъ соболей на товары, какъ пишенъ, вымѣненныхъ, 11 сороковъ соболей. Изъ Якутска онъ отправленъ съ тою казною къ Москвѣ, гдѣ за помянутую свою службу пожалованъ казачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно было ему паки на Камчатку слѣдовать, набравъ 100 человекъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ тамошнихъ казачьихъ дѣтей въ казачью службу, и для того походу указано было снабдить его какъ въ Москвѣ, такъ и въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ, и при томъ дать ему изъ Тобольска полковое знамя, барабанщика и сиповщика. Но Апласовъ на Камчатку не отправленъ по 1706 годъ за бывшимъ надъ нимъ слѣдствіемъ: ибо онъ ѣдучи изъ Тобольска судами въ 1701 году разбилъ на рѣкѣ Тунгускѣ дщаникъ съ Кишайскими шоварами гостя Логина Добрынина, въ чемъ на него прикащикъ того гостя въ Якутскѣ билчеломъ, и по тому челобитью онъ Апласовъ съ главными заводчики въ 10 человекъ посаженъ въ тюрьму, а на мѣсто его въ 1702 году отправленъ на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьевъ, копорой

которой бывалъ на Камчаткѣ, какъ въ опискѣ изъ Якушка объявлено, еще прежде Ашласова, можешь бышь съ Морозкою.

Между шѣмъ оставленной на Камчаткѣ служивой Пошапъ Серюковъ жилъ въ верхнемъ Камчатскомъ острогѣ три года безъ всякаго утѣсненія отъ Камчадаловъ; ибо онъ за малолюдствомъ ясаку собирать не ошважился, но подъ видомъ купца торговалъ съ ними: наконецъ и шотъ въ Анадырскъ поѣхалъ, однакожь Коряки не допуся его до Анадырска со всѣми товарищами убили. А выѣздъ его по видимому учинился, какъ сынъ боярской Тимошей Кобелевъ на Камчатку прѣѣхалъ, которой почищается первымъ прикащикомъ оныхъ остроговъ.

Въ бытность свою перенесъ онъ жилище верхняго Камчатскаго острога на рѣку Кали-кыгъ, которая отъ прежняго острожнаго мѣста въ полувершѣ, да вновь построилъ зимовье на рѣкѣ Еловкѣ; а ясакъ, какъ по рѣкѣ Камчаткѣ, такъ по Пенжинскому и Бобровому морю, сбиралъ онъ повольной, и съ ясакою казною выѣхалъ въ Якушскъ въ 1704 году благополучно. Въ тожь время партія Анадырскихъ служивыхъ людей подъ командою служиваго Андрея Купынина построила шесть зимовей на впадающей въ Восточное море Укѣ рѣкѣ, и начала собирать ясакъ съ шамошнихъ Корякѣ.

Кобелева смѣнилъ вышеписанной Михайло Зиновьевъ, которой отпращенъ изъ Якушка вмѣсто Володимира Ашласова, а правилъ онъ Камчатскими острогами до прибытія казачья пятидесятника Василья

Колесова съ 1703 по 1704 годъ. Во время бытности своей первой онъ заведъ ясачныя книги, въ которыя Камчадаловъ поимянно началъ вписывать. Нижніа Камчатскія зимовья за неспособностію мѣста перенесъ на ключи, и на Большей рѣкѣ острогъ построилъ. Онъ же перевелъ изъ Укинскихъ зимовей на Камчатку Анадырскихъ служивыхъ людей по прозвѣ ихъ: такимъ образомъ приведши Камчатскія дѣла въ нѣкоторой порядокъ, щастливо въ Якутскъ возвратился съясачною казною.

Въ 1704 году подъ осень пріѣхалъ изъ Якутска на мѣсто Михайла Зиновьева казачей пятидесятникъ Василей Колесовъ, которой сидѣлъ на приказѣ по Апрель мѣсяцъ 1706 году, для того что отпращенные на смѣну ему Якутской сынъ боярской Василей Протопоповъ въ 1704, да служивой Василей Шелковниковъ въ 1705 году убиты на дорогѣ отъ Олюторовъ, а съ ними по десятии человекъ служивыхъ. Во время его правленія былъ первый походъ въ Курильскую землю, и человекъ съ 20 Курильцовъ объясачено, а прочіе Курильцы, которыхъ было немалое число, врознь разбѣжались.

И сей прикащикъ съ ясачною казною въ Якутскъ пріѣхалъ благополучно, хотя на него Августа въ послѣднихъ числахъ помянутаго году около Пенжины рѣки и было умышеніе отъ немирныхъ Сидячихъ Коряковъ Косухина острожка, которой состоишь на усть-Таловки: ибо онъ будучи о томъ увѣдомленъ заблаговременно отъ Сидячихъ же Корякъ Акланскаго острожка, которой отъ Косухина верстахъ въ 15, слѣдовалъ съ надлежащею осторожностію ВВ

Въ Акланскомъ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая пуши зимняго, въ которое время Коряки Косухина острожка, и нѣкоторые другіе покушались паки убишь его со служивыми, шокмо не допущены отъ Акланскихъ жителей. Колесовъ въ помянутомъ острогѣ засталъ семь человекъ служивыхъ оставшихъ послѣ Шелковникова съ подарочною и пороховою казною посланною въ Камчатскіе остроги, которыхъ онъ, вѣдая на Камчаткѣ скудость въ свинцѣ и порохѣ, отправилъ съ двадцатью однимъ человекомъ своей команды, а команду поручилъ надъ ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясакъ приказалъ собирать во всѣхъ трехъ Камчатскихъ острогахъ.

По отбѣздѣ Василья Колесова съ Камчатки не бывало у ясашныхъ иноземцовъ значной измѣны, а послѣ его въ бытность за кащиками въ Верхнемъ острогѣ Федора Анкудинова, въ Нижнемъ Федора Ярыгина, а въ Вольшерѣцкѣ Дмитрея Ярыгина, взбунтовали Вольшерѣцкіе Камчадалы: Вольшерѣцкой Россійской острогѣ сожгли, и бывшихъ въ немъ служивыхъ безъ остатку побили. Въ тожъ время и на Бобровомъ морѣ убишь ясашной зборщикъ въ 5 человекъ. Причина бунту ихъ была можеть бышь та, что имъ ясашной зборъ, которой уже былъ и съ принужденіемъ, показался тягостенъ, тѣмъ наипаче, что у нихъ тогда прежняя вольность изъ памяти еще не вышла, которую они надѣялись возвратить убивствомъ Россійскихъ людей; ибо по объявленію тамошнихъ спарожилловъ Камчадалы думали, что Россійскіе казаки какіе нибудь бѣглецы; для того что всегда почти одни

Ш 3 къ

къ нимъ приходили, а вновь не прибывало: чего ради не сумѣвались они всѣхъ ихъ перевести безъ ошашку, а въ непускѣ вновь изъ Анадырска надѣялись на Корякъ и Олюторовъ, будучи извѣстны, что они двухъ прикащиковъ Пропопова и Шелковникова съ командами на дорогѣ побили. Однако они въ томъ весьма обманулись: ибо вмѣсто пріобрѣтенія прежней вольности многіе потеряли животъ свой, отъ чего и число ихъ умалилось противъ прежняго, какъ ниже сего пространнѣе будешь объявлено.

Казаки замалолюдствомъ своимъ принуждены тогда были жить съ крайнею осторожностію, оставя до времени измѣнниковъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ помянутомъ же 1706 году Ашласовъ свободенъ изъ подѣ караулу и отправленъ изъ Якутска на Камчатку прикащикомъ съ тѣми же преимуществами, которые даны ему были въ 1701 году, чтобы имѣть ему полную власть надъ служивыми, и виновныхъ смотря по дѣлу башогами и кнутомъ наказывать; а велѣно ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить, и въ пріискиваніи вновь земель и неясныхъ людей оказывать крайнюю ревность: обидѣ и налоговъ никому не чинить, и противъ иноземцовъ не употреблять суровости, когда можно будешь обойтись ласкою, въ противномъ случаѣ и смертная казнь ему предписана. Но Ашласовъ отправившись изъ Якутска съ немалымъ числомъ служивыхъ людей, и съ военными припасами, между которыми были и двѣ небольшія мѣдныя пушки, вскорѣ возвратился на прежнее: ибо не дойдя еще до Анадырска безвинными побоями и другими предосу-

предосудительными поступками привелъ служивыхъ въ такое огорченіе, что всѣ почти послали на него въ Якутскъ челобитныя. За всѣмъ однакожъ шѣмъ прѣхалъ онъ на Камчатку щасливо въ 1707 году въ Іюль мѣсяцъ, и принялъ въ команду верхней и нижней Камчатскіе остроги у прежнихъ закащиковъ, купно съ собранною на шотъ годъ ясачною казною.

Въ Августѣ мѣсяцѣ шогожъ года отправилъ онъ въ походъ на Бобровое море для усмиренія измѣнниковъ, которые ясашныхъ сборщиковъ побили, служиваго Ивана Тарашина человекѣхъ въ 70, которые были на службѣ Ноября по 27 число шогоже году. Помянутые походчики ошъсамаго Верхняго острогу до Авачи не имѣли никакого сопротивленія: но какъ они близъ Авачинской губы, что нынѣ гавань Петра и Павла, ночевать спали, то служивые Камчадаловъ и Камчадалы служивыхъ усмотрѣли. А понеже измѣнниковъ было въ собраніи сошъ съ восемь, то уговорились они, чтобъ служивыхъ не бить, но по рукамъ разбиратьъ и вязать; чего ради и каждой измѣнникъ по ремню при себѣ имѣли: шакая была у нихъ надежда на великое свое множество.

Слѣдующаго дня Тарашинъ пошелъ къ Авачинской губѣ, гдѣ измѣнничьи лодки и байдары стояли. Измѣнники между шѣмъ скрывшись въ лѣсу по обѣ стороны дороги ожидали его прибытія, и пропустя нѣсколько переднихъ, на самую средину напали, и бились съ служивыми шакъ долго, пока большая ихъ часть легла на мѣстѣ, а прочіе принуждены были спасашься бѣгствомъ. Служивыхъ при шомъ убишо 6 человекъ, да нѣсколько ранено.

рачено. Камчадаловъ взято въ полонъ шокмо три человекѣ изъ лучшихъ людеѣ, изъ закопорыхъ собрано съ оставшихъ измѣнниковъ ясаку не болѣе какъ 10 соболей, 4 лисицы красныхъ, да 19 бобровъ морскихъ. Однако шѣмъ оная страна совершенно не покорена: ибо до самаго главнаго Камчатскаго бунша, которой учинился въ 1731 году, шамошніе жители почти всегда въ измѣнѣ были. Ошшуду походники возвратились въ Верхней острогѣ съ ясакою казною и съ помянутыми аманашами Ноября 27 дня 1707 году, какъ выше показано. До сего времени правленіе въ Камчатскихъ острогахъ нѣсколько было порядочно; для шого что подчиненные командировъ своихъ шакъ, какъ надлежало, почивали, и повиновались имъ безъ всякаго сопротивленія; а по томъ начали у нихъ ошѣмать команды, обирать пожилки, сажать въ тюрьмы и убивать до смерти, какъ въ слѣдующей главѣ пространиѣе будешъ объявлено.

Г Л А В А 2.

О бунтѣ Камчатскихъ казаковъ, о убивствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по шому дѣлу сѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Японскаго государства для заслуженія вины своихъ.

Коимъ образомъ служивые люди огорчены были на дорогѣ отъ Апласова, въ прежней главѣ упомянуто. Оное огорченіе, шакже нападки его, и собственное служивыхъ людей своевольство побудило ихъ къ

къ умышленію, чшобъ Апласова лишитъ команды, что они въ Декабрѣ мѣсяцѣ шогоже 1707 году и учили. А въ оправданіе свое писали въ Якутскѣ, будто Апласовъ не давалъ имъ сѣбѣсныхъ припасовъ, которые съ Камчадаловъ збираются; будто самъ пользовался оными, а они прогулявъ рыбную пору претерпѣвали голодъ; будто изъ корысти своей выпустилъ аманшовъ, и отъ того во всѣхъ ясачныхъ иноземцахъ учинилась такая шапость, что ясачные зборщики посылаемые на Пенжинское море едва спаслись бѣгствомъ; будто кололъ онъ на смерть служиваго Данила Бѣляева, и когда ему отъ служивыхъ представлено было, чшобъ онъ безвинно палашемъ не кололъ, но наказывалъ бы ихъ за вины башогами или кнутомъ, какъ Государевы указы повелѣваютъ; а онъ на то во отвѣтъ сказалъ, что Государь ему въ еи ну не поставитъ, хотя онъ ихъ и всѣхъ прирубитъ; будто онъ желая мстить казакамъ за мнимыя грубыя ихъ рѣчи, призвалъ къ себѣ лучшаго Камчадала, и говорилъ ему, аки бы кололъ помянушаго служиваго за то, что служивые хощатъ всѣхъ Качадамаовъ прибить, а женъ ихъ, дѣтей и кормы по себѣ раздѣлитъ; будто по той вѣдомости Камчадалы жилища свой оставили, и соединясь въ шѣсномъ мѣстѣ убили трехъ человекъ служивыхъ, и многихъ переранили; будто онъ посланную изъ Якутска подарочную казну почти всю употребилъ въ собственную пользу, такъ что на Камчаткѣ въ привозѣ явилось у него бисеру, а по шапошнему одекую, и олова не больше полупуда, а мѣдъ всю передѣлалъ онъ въ винокуренную

Томъ II. III посуду;

посуду ; и будто у новокрещеннаго Камчадала вымучилъ онъ нападками лисицу чернобурую , которая въ казну была пригошовлена.

Сіе оправданіе ясно показываетъ прежнюю злѣбу служивыхъ людей на Ашласова , хотя не можно сказать , чтобъ не больше правды писано на него было : ибо Ашласовъ могъ не давать имъ сѣбѣстныхъ припасовъ казенныхъ , могъ аманашовъ изъ корысти выпустить , могъ съ палашемъ мешаться пьяной , и корыстоваться ясачною казною , какъ человекъ лакомой , которое лакомство видимо будетъ изъ обранныхъ его пожитковъ , въ краткое время пріобрѣщенныхъ ; но кто тому повѣритъ , чинюбъ онъ желалъ возбудить иноземцовъ къ бунту , вѣдая что по убивствѣ казаковъ и самому отъ смерти не избавишься ? Чшюбъ Камчадалы на Пенжинскомъ морѣ ясачныхъ зборщиковъ едва живота не лишили , что въ другомъ мѣстѣ шрехъ человекъ убили , а иныхъ переранили ; оное могло учиниться и безъ Ашласова возмущенія , шѣмъ наче , что казаки , можешъ быть , чемъ огорчили ясачныхъ людей : ибо и на Пенжинскомъ морѣ ясачнаго зборщика хотѣли убить Камчадалы за то , что онъ вмѣсто одного соболя , требовалъ ясаку по два и по шри съ человека . Что до чернобурой лисицы касается , то при обыскѣ не явилось ея у Ашласова .

По сверженіи Ашласова съ приказу выбрали служивые командиромъ верхняго острога приказщика Семена Ломаса , которому по памяти бывшаго приказщика Колесова велѣно было быть при зборѣ ясака во всѣхъ острогахъ . Ашласова посадили въ шюрму , по ихъ въ казенку , а
пожи-

пожишки его въ казну обрали, которыя кромѣ множества мѣховъ собольихъ и лисьихъ, состояли въ 30 собокахъ въ 34 соболяхъ, въ 400 лисицахъ красныхъ, въ 14 сивсдущешыхъ, въ 75 бобрахъ морскихъ.

Но Ашласовъ невѣдомо какимъ образомъ изъ шюрмы ушелъ, и сбѣжалъ въ Нижней Камчатской острогъ, ходя тамъ принявъ команду; однако бывшей тогда въ поманутомъ острогѣ закащикомъ Федоръ Ярыгинъ команды ему не отдалъ: чего ради Ашласовъ принужденъ былъ жить праздно до прибытія нижеписаннаго прикащика.

Между тѣмъ дошли въ Якутскъ посланные на него отъ служивыхъ людей съ дороги челобитныя, изъ которыхъ Якутская канцелярія тогда еще предвидѣла, что на Камчаткѣ между служивыми и Ашласовымъ послѣдуетъ вѣдшее несогласіе: чего ради опасаясь вреда въ разсужденіи государственной пользы, писала о всемъ въ Москву съ обстоятельствомъ: и въ 1707 году отправила на его мѣсто приказщикомъ сына боярскаго Писра Чирикова съ 1 пятидесятикомъ, съ четырьмя десятилниками, съ пятьюдесятью челоѣками рядовыхъ. А военнаго снаряду дано ему двѣ пушки мѣдныя, 100 ядеръ, пять пудъ свинцу, восемь пудъ пушечнаго пороху. Но какъ въ 1709 году въ Генварѣ мѣсяцѣ получены съ Камчатки вѣдомости о худыхъ поступкахъ Ашласовыхъ, и объ опнятіи у него команды; то Якутская канцелярія отправила въ слѣдъ за Чириковымъ указную памяшь, чшобъ ему по дѣлу Ашласову учинить слѣдствие, и оное дѣло прислать на разсмотрѣніе въ Якутскую Воеводскую канцелярію съ выборнымъ прикащикомъ Семеномъ

Ломаяевымъ , также зборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы. Однако она указная память Чирикова не зашла въ Анадырскъ, и на Камчатку не отправлена за малолюдствомъ служивыхъ людей въ Анадырскомъ острогѣ: ибо малыхъ людей посылать въ шельбу было опасно, для того что по Олюторскому и по Пенжинскому морю дорога отъ многихъ измѣнниковъ запята была, такъ что они въ 1709 году Юля 20 числа не взирая на знашную Чирикову команду, днемъ напастъ на него отважилась: бывшаго при казнѣ сына боярскаго Ивана Панюшина съ товарищи въ 10 человекъ убили, казну и военную аммуницію разграбили, а остальныхъ служивыхъ принудили сидѣть въ осаду на пустомъ мѣстѣ, отъ кошорой они 24 числа тогожъ мѣсяца учиня выласку и Олюторовъ щастливо отбивъ свободились, потерявши двухъ человекъ на сраженіи. Чего ради Чириковъ прибывъ на Камчатку не производилъ слѣдствія, довольствуясь одною командою.

Въ бытность его учинились два обстоятельства достойныя примѣчанія, 1) несчастливой походъ на Большую рѣку казацья пятидесятника Ивана Харитоновъ, кошорой посланъ былъ для усмиренія шамошнихъ измѣнниковъ въ 40 человекъ: ибо измѣнники собравшись во многолюдствѣ 8 человекъ убили, а большую часть переранили; чего ради оставшіе принуждены были сидѣть въ осаду недѣли съ 4, и едва спаслися бѣгствомъ, 2) разбитые на Бобровомъ морѣ Японской бусы, къ кошорой Чириковъ въ 50 человекъ самъ ходилъ. И понеже Японцы полонены были немирными

итными Камчадалами, которые близъ оной бусы жили, по Чириковъ имѣлъ случай чешырежъ бывшихъ у нихъ Японцовъ выручить; ибо измѣнники увидѣвъ служивыхъ въ вой съ ними вступивъ не опважились; но оставя Японцовъ разбѣжались по лѣсу. Въ помѣе своемъ походѣ усмиривъ оныя измѣнниковъ отъ Жупановой до самой Островной рѣки и привелъ въ ясачной плательщъ по преземю.

Между тѣмъ какъ Чириковъ изъ походу своего въ верхней Камчатской острогѣ возвращаяся, прѣхалъ въ Августѣ мѣсяцѣ того же году на смѣну къ нему казачей пятидесятникъ Осипъ Мионовъ, кошорой отправленъ изъ Якутска по выбору 1709 году въ 40 человекъ. Такимъ образомъ собрались на Камчатку при прикащика, Ашлатовъ, Чириковъ и поманушый Мионовъ, оны же и Липинъ.

Чириковъ здавъ Мионову острогѣ, и все, что надлежало, въ Октябрѣ мѣсяцѣ поплылъ въ нижней Камчатской острогѣ башами со служивыми и съ казною своего збору, чтобъ тамъ перезимовавъ слѣдующаго году итти съ казною Пенжинскимъ моремъ. А Осипъ Мионовъ пробывъ въ Верхнемъ до зимы, Декабря 6 числа въ Нижней же острогѣ отправился, для разряду служивыхъ людей къ судовому строенію и къ препровожденію ясачной казны, оставя прикащикомъ въ томъ острогѣ Алексѣя Александровыхъ. Но какъ онъ исправляя свои въ Нижнемъ, вхалъ обратно въ Верхней острогѣ съ прежнимъ прикащикомъ Чириковымъ, то 20 человекъ служивыхъ, которые давно уже были въ злоумышленіи на прикащиковъ, не до-

пусти

пусня до острогу , зарѣзали его на дорогѣ. А происходило оное убийство 1711 году Января 23 числа. Послѣ того удумали они и Чирикова живото лишить; однакожъ по прозбѣ его дали ему время къ покаянію. Между тѣмъ сами въ 31 человекѣ поѣхали въ Нижней Камчатской острогѣ, чшобъ убить Ашласова, и не доѣхавъ за полверсты до онаго острогу спали они въ прикрытѣ, а въ острогѣ послали трехъ человекѣ, и дали имъ составное письмо къ Ашласову съ такимъ приказаніемъ, чшобъ убить его въ ту пору, когда онъ письмо читашъ имѣшъ; но посланные вечеромъ застали его спящаго и зарѣзали. Тогда вся партія ихъ въ острогѣ вступила, и спали десятками своими на три двора съ ружьемъ и съ копьями, а главные изъ нихъ были Данило Анцыфоровъ да Иванъ Козыревской. Живучи въ острогѣ дѣлали они пожитки убитыхъ прикащиковъ, заводили казачьи круги, выносили знамя, призывали къ себѣ въ сообщеніе другихъ людей, и такимъ образомъ умножили до 75 человекѣ свою партію. Данила Анцыфорова называли Ашаманомъ, Козыревскаго ясауломъ. иныхъ верстали въ ясаулыжъ и десятники, и многія другія наглости дѣлали; перевезли съ Тигиля пожитки Ашласовы, кошеры отпраздъ было онъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чшобъ вестъ ему Пенжинскимъ моремъ; пограбили свѣстныя припасы служивыхъ людей, кошорые на морской путь были заготовлены; расхищали нарусы и снасти, кошорые оставлены были отъ прикащика Осипа Миронова для отправления Чирикова съ казною тѣмже Пенжинскимъ моремъ; а по томъ въ Верхней острогѣ уѣхали, и Марша 20 числа Чирикова оковавъ въ воду бросили. Того

Того же 1711 году Апрѣля 17 дня подали они въ Верхнемѣ острогѣ для отсылки въ Якушскѣ повинную челобитную, въ которой объявляютъ причины, за что они побили двухъ прикащиковъ, Петра Чирикова и Миронова, а объ Ашласовѣ не упоминаютъ. Вся важность челобитныя ихъ состоитъ въ лакомствѣ прикащиковъ, какимъ образомъ пользовались они Государевою казною покупая на оную шовары, и шѣмъ получая себѣ непомѣрную прибыль, какъ ушѣсняли служивыхъ и ясачныхъ людей, и вымучивали изъ за побоевъ и пристрастїя пожизки ихъ, какъ жалованье денежное за себя переводили, а имѣ неволею давали шовары по тамошней Камчатской цѣвѣ: за полной пѣшей казачей окладъ за 9 рублей за 25 копѣекъ по 12 аршинѣ холстины, или шабаку Кишайскаго по 6 золотниковъ; да сверхъ того съ каждаго оклада брали себѣ скупы по два рубли: а они служивые въ расходныхъ книгахъ росписывались не въ шоварахъ, но въ деньгахъ, и прочее тому подобное. А такое дерзновение учинили они для того, что жалоба ихъ на прикащиковъ не дойдетъ за дальнимъ разстоянїемъ, особливо же что прикащики челобитчиковъ до Якушска не допустилибъ. При томъ сообщили они и опись пограбленнымъ пожизкамъ Чирикова и Миронова, а по описи ихъ досталось имѣ на аршель: пожизковъ Петра Чирикова 15 сороковъ соболей, 500 лисицъ красныхъ, 20 бобровъ морскихъ; Осипа Миронова 20 сороковъ соболей, 400 лисицъ красныхъ да 30 бобровъ морскихъ.

Изъ

Изъ Верхняго острога пошли они весною того году въ помянутомъ числѣ въ 75 человекъ на Большую рѣку, чтобъ шамошнихъ измѣнниковъ усмирить, Большерѣцкой острогъ построишь, и шѣмъ заслужить вины свои. Въ первыхъ числахъ Апрѣля разбили они Камчатской острожекъ между впадающими въ Большую рѣку съ правой стороны Быстрою и Гольцовою рѣками, гдѣ нынѣ Россійской Большерѣцкой острогъ, въ которомъ они засѣли, и жили по Май мѣсяцъ безъ всякаго нападенія отъ Камчадаловъ. А Мая 22 числа приплыло къ ихъ острожку съ верху и съ низу Большой рѣки великое множество Камчадаловъ и Курильцовъ для взятія онаго острожка, и испребленія служивыхъ людей, и обступя оной всякимъ образомъ осажденныхъ страшнаи, и похвалялись шапками ихъ замешать безъ оружія.

Мая 23 дня казаки отслужя молебень, ибо взятъ ими былъ въ объявленной походъ Архимандритъ Маршанъ, которой отъ Филовея Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ 1705 году на Камчатку отправленъ для проповѣди слова божія; выслали половину парши своей на вылазку, которые выпала нѣсколько разъ по Камчадалахъ изъ виншовакъ, бились съ ними на копьяхъ до самаго вечера, наконецъ одержали побѣду. На сраженіи побито и перетонуло измѣнниковъ такое великое множество, что струями ихъ большая рѣка запрудилась, а съ Россійской стороны шри человека убито, да нѣсколько ранено. Ся побѣда шѣмъ наипаче важна была, что всѣ Большерѣцкіе острожки безъ бою покорились, и сшали ясакъ давань попрежнему.

Ходили

Ходили же буншовщики и въ Курильскую землицу, были за проливомъ на первомъ Курильскомъ острове, и жителей тамошнихъ въ ясакъ обложили, а до того времени никто не бывалъ на острову Курильскомъ.

Между швейц въ 1711 году прѣхалъ на смѣну Осипу Миронову казачей десятиникъ Василей Савастьяновъ, онъ же и Щепешкой, не въдая о убивствѣ трехъ прикащиковъ; ибо описки не дошли еще до Якутска при его отпращиваніи, и собиралъ ясакъ въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ; а въ Большерѣцкомъ главной буншовщикъ Андѣфоровъ; который подъ видомъ должности своей самъ прѣвѣщалъ въ Нижней острогъ съ Большерѣцкою ясашною казною; однако въ такомъ числѣ своей партіи, что могъ быть безопасенъ отъ шюрмы и отъ слѣдствія; чего ради и отпущенъ отъ Щепешкаго на Большую рѣку паки зборщикомъ. На обратномъ пути по Пенжинскому морю привелъ онъ въ Ясашной плашежъ Конаковой и Воровской рѣки измѣнниковъ, которые отложились было за нѣсколько времени; но въ 1712 году въ Февралѣ мѣсяцѣ и самъ убитъ отъ Авачинскихъ измѣнниковъ обманомъ: ибо какъ онъ въ 25 человекѣхъ на Авачу поѣхалъ, а иноземцы о томъ свѣдали; то звѣдали они крѣпкой и проспанной балагаи съ пошайными подъемными дверями для его принятія. Съ прѣзду приняли его честно, отвели въ помянутой балагаи; дарили щедрою рукою, довольствовались, богатой ясакъ платить обѣщались безъ прекословія, и дали нѣсколько человекъ въ Аманашы изъ людей лучшихъ; но слѣдующей ночи согнали ихъ въ помянутой балагаи купно съ своими
 Томъ II. Ъ Амана-

Аманашами. Злобу, какову имѣли Камчадалы на служивыхъ людей, можно видѣть по рѣчамъ помянутыхъ Аманашовъ ихъ: ибо сказываютъ, что при заженіи балагана Камчадалы кричали имъ поднимая двери, чтобъ они, какъ можно, вонъ выбросились; но Аманашы отвѣщивали, что они скованы, и приказывали нечь балаганъ не давая себя, токмо бы служивые угорѣли. Такимъ образомъ бунтовщицей Ашаманъ Анцыфоровъ съ нѣкоторыми смертноубійцами предупредилъ казнь свою, доказавъ смертью своею истинную пословицу, которую бунтовщики обыкновенно употребляли, что на Камчаткѣ можно прожить семь лѣтъ, что ни здѣлаетъ, а семь де лѣтъ прожить, кому Богъ велитъ. И правда что до провѣданія пуши Пенжинскимъ моремъ, за дальнимъ разстояніемъ, и труднымъ проходомъ чрезъ землю немирныхъ Корякъ, въ пересыакѣ репортовѣ въ Якутскѣ, и въ молученіи указовъ проходило много времени; что бездѣльникамъ онымъ подавало немалой поводъ къ наглостямъ.

По смерти Давиды Анцыфорова, не такая ужѣ, какъ видно, опасность была прикащикамъ оныхъ бунтовщиковъ: ибо Щепеткой нарочныхъ посылалъ въ Верхней острогъ, чтобъ ловить убійцовъ, гдѣ попался, при которомъ случаѣ одинъ и пенжалъ, и въ Нижнемъ острогѣ разбѣсизавъ, и во многихъ злоумышленіяхъ кромѣ убійства шрехъ прикащиковъ винылся, а именно; что паче сны они были разбиты верхней и нижней Камчатскіе остроги, прикащика Щепеткова убить, ясашную казну и многихъ прожиточныхъ служивыхъ людей пограбить, а по томъ уйдти на

на

на острова и поселиться; чего ради и Андуроровъ прѣзжалъ къ Щепешкому не столько для отдачи ясашной казны, какъ для похищенія собранной, и для его убивства; однако за многочисленнымъ служивымъ противной стороны предпріятія своего въ дѣйствіе произвести не охотилися.

Щепешкой оставя въ Верхнемъ прикащика Ковсинакина Козырева, а въ Нижнемъ Федора Ярыгина отпра-вился съ Камчатки въ 1712 году Іюня въ 8 день и шелъ съ Камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской рѣки, и вверхъ ея рѣки 4 дни, и не доходя за 2 днища до Глопова жилья остано-вился; для того что выше того за мѣлю рѣки и за быстройю судами итти не можно было. Для защищенія казны отъ Олюторовъ, огорожился онъ за оскудѣніемъ дѣсу видѣно острогу земляными юртами, ибо Олюторы на дорогѣ съ ними бой имѣли, а тогда повсякой день пристуиъ чинили. Въ острогѣ сидѣлъ онъ съ 84 человекми команды своей Генваря до 9 числа 1713 году. Между тѣмъ послалъ онъ нарочныхъ въ Аядырскъ съ требованіемъ помощи и подводъ для перевозу ясашной казны, которая помощи въ 60 человекъ состоящая, и довольное число оленей подъ казну ему и прислано. Такимъ образомъ ясашная казна едва спаслася отъ немирныхъ Коряковъ; въ Якутскъ дошла она въ Генварѣ мѣсцѣ 1714 году, а въ вывозѣ не было ея за объявленными бунтами и замѣшательствами, и за труднымъ отъ Коряковъ проѣздомъ съ 1707 году по самое объявленное время; было же ея всякихъ сборовъ прешихъ прика-
щиковъ

щиковъ 332 собока соболей, 3289 лисицъ красныхъ, въ шомъ числѣ семь бурыхъ, собокъ одна сиводущетныхъ, да морскихъ бобровъ 259.

По выѣздѣ съ Камчатки Василья Щепешкова взбунтовалъ верхняго Камчатскаго острогу закащикъ Кыргызовъ, и собравшись со служивыми людьми шого острога, приплылъ бадами въ нижней Камчатской острогъ, мучилъ шамошняго закащика Ярыгина свинцовыми хисшеями, и клячемъ вертѣлъ ему голову, пожитки его разграбилъ, и раздѣлилъ съ своими служивыми: такоужь нещастіе претерпѣлъ шамошней священникъ и нѣсколько казаковъ Нижношаншальскихъ, кошорыхъ они били, и подбимали на дыбу; чего ради Ярыгинъ принужденъ былъ команду оставишь, и въ мошахъ постричься, а острогъ здалъ служивому Богдану Канашеву, кошорой правилъ онымъ до вшоричнаго прибытія Василья Колесова, что прежде былъ казачымъ пшидесяшникомъ, но шогда уже былъ пожалованъ дворяниномъ по Московскому списку. А Кыргызовъ подговора къ себѣ въ злоумышленіе 18 человекъ Нижношаншальцовъ возвратился въ верхней Камчатской острогъ, и былъ страшенъ Нижнему острогу долгое время, не шокмо до прѣвзду прикащика Колесова, но и въ бышность онаго.

Помянушой Колесовъ отправленъ изъ Якутска на сибну Василью Савасьянову въ 1711 году, а въ нижней Камчатской острогъ прѣвхалъ Сентября 10 числа 1712 году, получа на дорогѣ указъ о розвискѣ бунтовщиковъ, кои убили шрехъ прикащиковъ: по кошорому указу два человека смертію казнены, инымъ вставливаны

ливаны клейма. Ясаулъ ихъ Иванъ Козыревской, кошорой по смерти ашамана Данила Анцыфорова былъ въ Большерѣцкѣ прикащикомъ, съ большею частію единомышленниковъ штрафованы. Но послѣдняго бунша начальникъ Кыргызовъ, не шокмо не пошелъ подъ судъ къ Колесову, но и острога ему не ошдалъ, а при шомъ угрожалъ бытъ въ Нижней острогѣ, и взявъ пушки збить дворъ его: по кошорому обѣщанію и прѣхалъ въ 30 человекъ своей паршіи, въ шо самое время, какъ Большерѣцкіе казаки прѣхали къ слѣдствію; однако не могъ совершенно исполнить своего предпріятія.

Колесовъ опасаясь обѣихъ паршій, не приказалъ было вѣвѣжашъ имъ въ острогѣ многолюдствомъ; но Кыргызовъ не смошря на шо-сталъ на квартиру, и содержалъ у себя денно и ночью караулъ крѣпкой. Между шѣмъ подзывалъ Нижношантальскихъ казаковъ въ сообщеніе, и съ угрозами шребовалъ ошѣ прикащика указу, чтобъ вѣхашъ ему для провѣдыванія морскаго Карагинскаго острова; однако и казаки къ нему не пристали, и указу не дано: чего ради возвратился онъ въ Верхней острогѣ безъ всякаго успѣха, и вскорѣ по шомъ ошѣ своихъ сообщниковъ лишенъ команды, и посаженъ въ казенку: ибо оныя видя постоянство Нижношантальскихъ служивыхъ, и не имѣя никакой надежды, чтобъ здѣлавъ суда мимо Нижняго острогу проплытъ въ море, раздѣлились на двѣ паршіи, изъ кошорыхъ одна держала Колесову шторону, а другая шстояла за Кыргызова; но первая верхъ одержала. По сей причинѣ Колесовъ принялъ верхней Камчат-

ской острогѣ въ команду уже въ 1713 году; бунтовщиковъ, кого надлежало, штрафовалъ; Кыргызова съ главнымъ его сообщникомъ казнилъ смертію; и такимъ образомъ бунты и разбискъ окончаны. Служивые, которые къ прежнимъ бунтовщикамъ не прислали, всѣ пожалованы въ конные казаки, а бывшіе тогда въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ закащиками, въ дѣши Воарскіе.

Послѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1713 году отправилъ Колесовъ бывшего ясаула Козыревскаго съ 55 человекъ служивыхъ и промышленныхъ, да съ 11 человекъ Камчадаловъ на Большую рѣку, давъ имъ двѣ пушки и нѣсколько военного снаряду, и приказалъ на Большой рѣкѣ небольшія суда построить, и заслуживать вины свои въ прискиваніи морскихъ острововъ и провѣданіи Японскаго царства. Однако изъ онаго отправленія дальній пользы не учинилось, токмо покорено и объясчено нѣсколько жителей Курильской донати, и Курильцовъ перваго и втораго острововъ, да получены нѣкоторыя извѣстія о дальнихъ островахъ Курильскихъ, что прѣзжаютъ какъ на дальніе оныя, такъ на второй и первой острова изъ города Матмаа съ торгомъ, и продаютъ имъ желѣзные и чугунные кошлы, всякую лаковую деревянную посуду, сабли и бумажныя и шелковыя матеріи, которыхъ товаровъ Козыревской нѣсколько привезъ съ собою.

ГЛАВА

ГЛАВА 3

О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при кошоромъ достойнаго примѣчанія здѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки, и о прозвданіи нуши изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море.

Въ 1713 году въ Августѣ мѣсяцѣ прѣвхадъ на смѣну Колесову дворянинъ Иванъ Енисейской, которой въ бытность свою, кромѣ правленія всякихъ дѣлъ и ясачнаго збору, заложилъ на ключахъ церковь, съ шѣмъ намѣреніемъ; чтобъ со временемъ Нижнему Камчатскому острогу бысть на ономъ мѣстѣ, что и воспослѣдовало: ибо казаки не въ долгомъ времени переселились на новое, а прежнее мѣсто неспособно было къ строенію по тому, что около онаго болотна, и что ово водою понимается. И стоялъ нижней Камчатской острогъ на томъ мѣстѣ до главнаго въ 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта; а во время бунта сожженъ кунно съ церквю и со всѣмъ строеніемъ, какъ въ первой части сего описанія упомянуто.

При еготе бытности былъ походъ на Авачинскихъ измѣнниковъ, кошорые Данила Андифорова въ 25 человекъ убил; а было въ томъ походѣ служивыхъ 120, да Камчадаловъ 150 человекъ. Измѣнники сдѣлаи въ осадѣ въ такомъ крѣпкомъ острогѣ, что казаки не дѣли съ дѣи стояшь подъ нимъ принудены были и два раза приступали безъ всякаго успѣху:

ху: наконецъ огнемъ сожгли, и всѣхъ Камчадаловъ, кошорые выбѣгали во время пожара, побили, оставя шокмо шѣхъ, кошорые до зажженія къ нимъ вышли, и ясакъ плашншь общались. Тоже учинили они и съ жншелями Парашуна острожка, кошорой приступомъ взяли. Съ шого времени Авачинскіе Камчадалы начали ясакъ плашншь погодно, а прежде служнвые довольны бывали шѣмъ, что Камчадалы имъ давали, и шо не повсягодно: ибо они по большей части бывали въ измѣнѣ.

Енисейской собравъ ясакъ на 1714 годѣ, весною шогоже году на судахъ по Олюшорскому мѣрю отправился, купно съ преждебывшимъ прикащикомъ Васильемъ Колесовымъ, кошорой въ 1713 году со зборомъ своимъ въ Якушскъ не поѣхалъ за малолюдствомъ, опасаясь Корякъ немирныхъ. И шогожъ 1714 году Августа въ послѣднихъ числахъ дошли они благопслучиво до рѣки Олюшорской, и заспали шамъ дворянина Аенасья Петрова, кошорой погромя Олюшоровъ и раззоря славной острогъ ихъ, Большой посадъ, называемой, строилъ Олюшорской Россійской острогъ съ немалымъ числомъ Анадырскихъ казаковъ и Юкагирей. Въ ономъ острогѣ жили они съ ясашною казною до зимнаго пуши; а казны у обоихъ прикащиковъ было 141 сорокъ и одинъ соболь, 751 лисица красныхъ, 10 сиводущешыхъ, 137 бобровъ морскихъ, 11 пластинъ лисевъ, 2 выдры, 22 волошника золота въ кускахъ и въ плашкахъ съ Японскою надписью, кошорыя взяты прежде сего на разбишыхъ Японскихъ бусахъ, да денегъ сорокъ рублей.

Какъ

Какъ зимней пущь настала, то всѣ шрое дворяне со служивыми и ясашною казною побѣжали въ Анадырскъ. Въ Олюшорскѣ оставлено служивыхъ 55 человекъ; а съ ними было казачьихъ сотниковъ 4, рядовыхъ человекъ около пятидесяти, да двое священниковъ.

Декабря 2 дня 1714 году, бывше съ Аванасемъ Петровымъ Юкагири, не доходя до Акланскаго острожка, на Таловской вершинѣ убили его Петрова со служивыми, и Камчатскую казну разграбили, а Камчатскіе прикащики Колесовъ и Енисейской въ 16 человекъ ушли въ Акланской острогъ; но и шѣмъ ошѣ смерти не избавились: ибо Юкагири обступя помянушой острогъ склонили шамошнихъ Корякъ угрозами къ измѣнѣ и убивству Камчатскихъ прикащиковъ. А учинилась помянушая измѣна, какъ послѣ сами Юкагири и нѣкошорые казаки показывали, ошѣ несносныхъ обидъ и налоговъ Аванася Петрова; особливо же, что онѣ будучи при осадѣ Олюшорска, не ошпунскалъ ихъ по указу изъ Анадырска на промыслы, но взялъ подѣ Камчатскую казну въ подводы, чего ему по шому указу дѣлать не надлежало, а должно было вестъ на Коряцкихъ подводахъ, кошорыя были дѣйствительно уже сбираны.

Вышеписанная казна отѣискивана была съ крайнимъ стараніемъ, однако она такъ была разсѣяна, что въ сыску производили крайнія затрудненія: много ея досталось не шокмо Корякамъ, но и Камчадаламъ, и Анадырскимъ служивымъ, бывшимъ въ новопостроенномъ Олюшорскомъ острогѣ: ибо Юкагири при-

Томъ II.

Ы

шедѣ

шедъ послѣ измѣны подѣ оной острогѣ торговали со служивыми; однако шакъ, что другъ къ другу не подходили на лучной выстрѣль: мѣняли шѣ соболи и лисицы на табакъ Кишайской, и отдавали соболя по три и по чешыре шрубки шабаку, а шрубокъ ихъ изъ одного золотника по малой мѣрѣ 50 будетъ. Такимъ образомъ одинъ пятидесятникъ Алексѣй Пеприловской, кошорой вскорѣ послѣ поѣхалъ на Камчатку прикащикомъ, намѣнялъ, кромѣ другой мяжкой рухляди, соболей дващцашъ сороковъ, кошорые однакожъ послѣ на немъ въ казну доправлены. Нѣсколько соболей и лисицъ сами измѣнники приносили, иное отдавали посыланымъ для уговору ихъ служивымъ людямъ; а сколько шой казны сыскано и утрашилось, шого заподлинно мѣ неизвѣстно. Впрочемъ Юкагири и Коряки были въ измѣнѣ немалое время, какъ видно изъ Анадырскихъ ошписокъ въ Якушскѣ, по кошорымъ явствуетъ, что Коряки Пенжинскаго моря въ 1720 году уговорены, и въ ясакъ приведены по прежнему Якушскимъ дворяниномъ Спецаномъ Трифоновымъ, кошорой съ значнымъ числомъ служивыхъ нарочно для шого присланъ былъ, а до шого времени, особливо же въ первыхъ годахъ по убіеніи прикащиковъ, угрожали они нападеніемъ на Анадырской острогѣ, и намѣрены были призвашъ къ себѣ на помочъ Чукчей.

Послѣ объявленнаго убивства прикащиковъ, Камчатской казны чрезъ Анадырскѣ больше ужѣ не выслали: ибо между шѣмъ провѣданъ изъ Охотска на Камчатку морской пушъ, кошорой по близости, способности и без-

безопасности несравненное имѣетъ преимущество прошедшаго: чего ради и пушь изъ Якушска чрезъ Анадырскъ, кромѣ нужныхъ посылокъ съ письмами, почти со всѣмъ оставленъ. А погибло по той дорогѣ съ 1703 году до провѣданія морскаго пути человекъ съ 200, кошорой уронъ по дальности мѣста, и по малолюдству казаковъ, можно почищать за весьма чувствительной. Объявленной морской пушь провѣдалъ въ 1715 году команды отправленнаго для сысканія острововъ морскихъ, Полковника Якова Елчина, чрезъ Якушскаго служиваго Козму Соколова, въ бытность Камчатскимъ прикащикомъ казачья пятидесятника Алексѣя Петриловскаго.

При семъ прикащикѣ паки начались между казаками возмущенія: ибо казаки по согласію съ Соколовымъ смѣнили его съ приказу, и посадили подъ караулъ, а пожизки его въ казну обрали. Причиною тому былъ самъ Петриловской, кошорой по ненасытному своему лакомству не имѣлъ уже мѣры въ грабленіи, хищеніи и мучительствѣ; рѣдкой прожорочной человекъ могъ избѣжать раззоренія по какому ни будь его припадкамъ, а одинъ служивой бѣдшвеннымъ образомъ въ вилахъ скончалъ и живощъ свой. Такимъ образомъ награбилъ онъ въ крашкое время шажое богатство, кошорое превосходило похищенную двугодовую яшашную казну со всей Камчатки збору убитыхъ двухъ прикащиковъ: ибо взято у него, кромѣ многаго числа собольихъ и лисьихъ шубъ, одной мягкой рухляди болѣе 140 сороковъ соболей, около 2000 лисиць, 207 бобровъ, да 169 выдеръ.

Что касается до тамошнихъ народовъ, то отъ нихъ не было большаго возмущенія, кромѣ что на Камчатской допашкѣ между самыми Курильцами учинилось несогласіе, по причинѣ котораго одинъ родъ Курильцовъ, котораго былъ начинашеlemъ несогласія и раззоренія многимъ ясашнымъ иноземцамъ, не похотѣлъ ясаку плашить, и не отдался на разговоръ служивымъ, опасаясь достойнаго наказанія; да на Харіузовой рѣкѣ убиши 4 человекъ служивыхъ, которые посланы были съ казною къ морскому судну: однако всѣ упомянутые мятежники вскорѣ принуждены были покориться по прежнему. Впрочемъ поступки нѣкоторыхъ прикащиковъ и служивыхъ людей еще въ то время были столь предосудительны, что безъ сумнѣнія надлежало опасаться худыхъ слѣдствій отъ Камчадаловъ, которые шѣми ихъ поступками весьма не довольны были.

Послѣ Пешриловскаго былъ прикащикомъ Козьма Вѣжливцовъ, послѣ Вѣжливцова присланной изъ Анадырска служивой Григорей Камкинъ, а въ 1718 году прислано изъ Якутска уже три прикащика изъ дѣшей боярскихъ; Иванъ Уваровской въ нижней Камчатской острогѣ, Иванъ Пороховъ въ верхней, а въ Больше-рѣдкой Василей Кочановъ, котораго однакожъ казаки скоро команды лишили, и въ шюрму посадили по обыкновенію, гдѣ онъ болѣ полугода былъ мученъ, а наконецъ избавился бѣгствомъ. Но Кочановъ видно безъ довольной причины съ приказу сверженъ: ибо мятежники ввяшы были въ Тобольскѣ, и наказаны за своевольство. Между такими замѣшательствами здѣлалась
измѣна

измѣна на Воровской рѣкѣ; побиты ясачные зборщики, и ясачная казна разграблена; но оныя щогожѣ году усмирены военною рукою.

1719 году присланъ былъ на смѣну шѣмъ прикащикамъ дворянинъ Иванъ Харионовъ, которой ходилъ въ походъ противъ немирныхъ сидячихъ Корякѣ на Палланъ рѣку, и во ономъ походѣ убишъ обманомъ: ибо Коряки сперва приняли его честно, дали ясакъ и аманашовъ, и такимъ образомъ исплоша, за ужиною съ нѣсколькими челоуѣками закололи; однако шопъ подлогъ не со всѣмъ имъ удался: ибо большаа часть казаковъ справясь, имѣли щастіе изъ юршы вышши, и измѣнниковъ сожечь безъ ошашку въ острогѣ.

Въ слѣдующіе годы до самаго главнаго Камчатскаго бунша, въ разсужденіи прикащиковъ и Камчатскихъ народовъ, ничево особливаго не проияходило, кроиѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ возмущеній въ Курилахъ и на Авачѣ: ибо прикащики ежегодно перемѣнялись по прежнему, и на другой годъ выѣзжали съ собранною казною, а Камчадалы временемъ били по два и по три челоуѣка зборщиковъ: но въ разсужденіи экспедицій достопамятны 1720, 1728 и 1729 годы. Въ 1720 году по имянному указу ѣздили для провѣданія и описанія Курильскихъ острововъ Навигаторы Иванъ Евреиновъ да Федоръ Лузинъ, которые съ нарочышымъ плодомъ назадъ возвратились въ Якушскъ 1721 году: ибо они первые доѣзжали почши до Машмая. Въ 1728 году первая Камчатская экспедиція ходила въ море для провѣдыванія и описанія сѣверныхъ береговъ до 67° и 17' сѣверной ширины, слѣдующаго

ющаго году выѣхала на Ламу, а 1730 году въ Санкт-пешербургѣ. Въ 1729 году прибыла въ тамошнія мѣста такъ называемая Партія, подъ командою Капитана Дмитрія Павлуцкаго, да Якушкаго казачья головы Аванасья Шестакова, коюрой велѣно было всѣ береги сѣверные и южные описать по всѣмъ обстоятельствомъ, всѣхъ тамошнихъ Корякъ и Чукочъ, кои въ ясакъ не положены, привезти въ подданство ласкою или оружіемъ, въ приспойныхъ мѣстахъ остроги построити, провѣдывать вновь земли, и стараться о заведеніи съ окрестными комерціи; коюраго однакожь предпріятія не могла партія произвести въ дѣйство, такъ какъ надлежало, кромѣ того что нѣкоторыя остроги построила, нѣсколько немирныхъ Корякъ покорила, описала берега къ Китайскому владѣнію до рѣки Уди, и нѣсколько ходила въ Курильскую сторону: ибо Шестаковъ убилъ отъ Чукочъ въ 1730 году, коюрыя приходили громить во многолюдствѣ ясашныхъ Оленныхъ Корякъ; а Капитанъ Павлуцкой, что послѣ Маеоромъ былъ, опредѣленъ къ слѣдствию Камчатскаго бунша къ Подполковнику Мерлину въ товарищи: въ томъ только онъ щастливѣе былъ Шестакова, что на многихъ сраженіяхъ перевелъ великое множество упорнаго Чукоцкаго народу, и на нѣсколько времени учинилъ безопасными Корякихъ и Анадырскъ жителей.

Въ томъ же 1729 году лѣтнимъ временемъ принесло къ Камчатскимъ берегамъ между Курильскою лопашкою и Авачею *Японскую бусу, на коюрой было 17 человекъ

* Оное судно по японски называлось Фалимаръ, было изъ города Сацми, отправлено съ сорокинскимъ пшеномъ, съ камками, полош-

вѣкъ и нѣскольکو поваровъ: но оныя несчастливые люди побиты отъ случившагося въ тѣхъ мѣсахъ пятидесятника Шшинникова, кромѣ двухъ человекъ, коюрыя въ Санктпешербургъ высланы, и имѣли безъ сумнѣнiя случай къ удовольствiю своему слышать о казни сего злодѣя за невинное убивство змяковъ своихъ

номъ, пищею бумагою, и другими вещами въ городъ Азаку; и слѣдуя къ оному Окланомъ сперва бѣжали благополучнымъ вѣтромъ, потомъ прешерѣло оно проливную жестокою погоду восемь дней, которою опнесло ихъ въ открытое море, гдѣ уже пуши своего не узнали. Въ морѣ носило ихъ такъ какъ вѣвали вѣтры, шесть мѣсяцовъ и 8 дней, считая Ноября отъ 8 Юня по 7 число: между тѣмъ принуждены они были вымешать всѣ свои повары, снасти, якоря и срубить мачту, а руль отбросило погодою, вмѣсто котораго употребляли они долги бревна привязавъ ихъ за корму. Въ шель бѣдственныхъ обстоятельствъ не оставили они просить помощи у боговъ своихъ, а особливо у морскаго, котораго называють фнадѣма, однако не много успѣли своею молитвою: наконецъ принесло ихъ къ Камчатскимъ берегамъ близъ Курильской лопашки, гдѣ они отъ берегу верстахъ въ 5 брося остальные свои якоря, остановились, и начали свозить нужныя вещи на берегъ. Потомъ и всѣ сбѣжали на землю, а числомъ было ихъ 17 человекъ, и поставя шатеръ 23 дни покой имѣли, не выдавъ никого изъ Камчатскихъ обывателей, а между тѣмъ большее ихъ судно унесло погодою.

Послѣ того нашелъ на нихъ Казачей пятидесятникъ Андрей Шшинниковъ съ Камчадалами. Японцы обрадовались людямъ, хотя языку не разумѣли. Начали имъ оказывать всякую склонность и привѣтство, дарить плащемъ, и что у нихъ было: попрошявъ чего и съ другой стороны прiятствовали, токмо подъ видомъ, и Шшинниковъ споллъ въ то ежемъхъ отъ спану цѣлые два дни; наконецъ онъ съ Камчадалами скрылся отъ Японцовъ въ ночное время къ немалому ихъ сожалѣнiю. Слѣдующаго дня собрались Японцы въ малое свое судно, погребли близъ берега съ тѣмъ, чтобъ смыкашь жилье какое, и отбѣжавъ верстъ съ 30, нашли на берегу большее свое судно; которое Шшинниковъ ломалъ съ Камчадалами и обиралъ желѣзные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна продолжали далѣе путь своей стороною; но какъ завидѣвъ ихъ Шшинниковъ: шопчасъ приказалъ Камчадаламъ перенять и побить ихъ. Японцы видя легкое судно за ними гонящее, и предвидя свою гибель, въ началѣ стали ублажать и умилоствивлять поклонами, но какъ вмѣсто склонности увидѣли пускаемые стрѣлы, то инныя пометались въ воду, а остальные отъ чаши копьями переколоши, отчасти собственными своими саблями, которыя подарил Шшинникову, въ знакъ

Въ 1730 году сбиралъ Ясакъ на Камчаткѣ служчвой Иванъ Новогородовъ, а на 1731 годъ Казачей пятидесятиникъ Михайло Шехурдинъ, о которыхъ надлежитъ упомянуть для того, что они за главную причину Камчатскаго бунта почишаются, кошорой вскорѣ по выѣздѣ Шехурдина и послѣдовалъ.

ГЛАВА

своей покорности, перерублены и въ море помешаны; шокмо въ живъ оставлены двое, одинъ малолѣтней 11 лѣтъ отъ роду, именемъ Гонза, кошорой былъ при оцѣ своемъ Штурманъ для обученія мореплаванія, но и шокъ въ руку раненой; а другой старой, именемъ Соза, кошорой взятъ былъ отъ купечества для провожанія помянушаго судна, а кошорой было броснася въ море.

Штннниковъ получа малое ихъ судно, все что на ономъ ни было, себѣ взялъ: большее судно для желѣза сжегъ, Японцовъ захолонилъ, и со всею шокъ корыстью въ верхней острогѣ побхалъ, надѣясь пользоваться варварствомъ пріобрѣтенною добычею, кошорую и пользовался до прибытія изъ Якутска прикащика: ибо отъ закащиковъ откупался онъ Японскими вещами. Но прикащикъ, какъ скоро услышалъ о помянутомъ приключеніи, приказалъ взять у Штннникова Японцовъ; закащика, кошорой бралъ подарки, предъ ними наказывалъ жестоко, Штннникова посадилъ въ тюрьму, и писалъ о немъ въ вышшую команду, а Японцовъ содержалъ до указа на казенномъ кошкѣ.

По сибнѣ сѣ приказу отвезъ онъ Японцовъ въ нижней Камчатской острогѣ, и отдалъ на руки Штурману Якову Генсу, а самъ побхалъ въ Анадырскъ, и донесъ о всемъ бывшему въ Анадырскѣ тогдашнему главному командиру партіи господину Маеору Павлуцкому, отъ котораго къ Генсу немедленно присланъ былъ ордеръ, чтобъ Японцовъ въ Якутскъ отправить, куда они въ 1731 году и отправлены. Въ Якутскѣ жили они недѣль сѣ пять на казенномъ же кошкѣ, а по томъ отправлены въ Тобольскъ по указу присланному за рукою Губернатора Алексѣя Львовича Плещеева. Въ Тобольскѣ содержаны они были во всякомъ удовольствіи, а по прошествіи четырехъ недѣль посланы въ Москву сѣ нарочными провожатыми, которые ихъ въ Сибирскомъ приказѣ представили, а Сибирской приказѣ сѣ шѣмже провожатыми отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ въ Правительствующій Сенатъ, кошорой немедленно донесъ объ ихъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указавъ представить ихъ въ Лѣтнемъ домѣ, САМА изволила спрашивать о ихъ приключеніяхъ: ибо младшей изъ нихъ нехудо уже говорилъ по Россійски: и тогда же повелѣла Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить въ Сенатѣ указъ Свой, чтобъ ихъ и деньгами и платьемъ довольствовать.

Въ 1734 году по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА отданы они въ Кадеешкой корпусъ Гермонохамъ, для ученія христіанскаго

Г Л А В А 4.

О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по шому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.

Хотя тамошніе народы давно намѣреніе имѣли искоренишь всѣхъ Россійскихъ жишелей на Камчаткѣ, чтобъ получить прежнюю вольность; однако за многолюдствомъ ихъ, а особливо что по сысканіи морскаго пути чрезъ Пенжинское море, ежегодно суда приходили со служивыми, и что послѣдовали экспедиціи, одна за другою въ скорости, не оказывали злобы своей до способнаго времени. Но какъ Капитанъ господинъ Берингъ и вся Камчатская экспедиція ошбыла въ Охотскъ, а партіи, которая жила на Камчаткѣ въ немаломъ числѣ, вѣлно слѣдовашъ на бошѣ Гаврилѣ къ Анадырю, чтобъ соединиться съ Капитаномъ Павлуцкимъ, которой главную команду имѣлъ надъ партіею, и илши бы съ нимъ вмѣстѣ прошивъ

Томъ II.

Ъ

не:

закону, а пошомъ сподоблены святаго крещенія Октябрю 20 дня объявленнаго году, въ церкви воскресенія господня, что въ Кадетскомъ корпусѣ; и Соза нареченъ Козмою, а Гонза Даміаномъ. Въ 1735 году Даміанъ ошданъ въ Александроневскую Семинарію для обученія Россійской граматѣ, а вскорѣ по шомъ оба присланы по указу въ Академію наукъ для ученія по разшиотрѣнію Академіи. Въ 1736 году послѣдовалъ указъ, чтобъ Японцы не шокмо Россійскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для шого бы обучали своему языку малолѣтнихъ изъ Россійскаго народу, которыхъ къ нимъ опредѣлять вѣлно. Но которому указу пошлануше ученіе докончины ихъ и прѣисходило, а скончался Козма Сентября 18 дня 1736 году на 43 году ошъ рожденія; а Даміанъ въ 1739 году Декабря 15 дня, и погребены, первой у церкви Вознесенія Господня, что на Адмиралтейской сторонѣ, а другой въ Калинкиной. Для памяти сего случая, что изъ шомъ ошдаденнаго крѣста былы люди въ Россіи, приказала Академія срисовать ихъ, и сняшь съ лицъ алебастровыя формы, которая въ Императорской куншккамерѣ понимъ находилась.

немирныхъ Чукочъ, но Камчадалы согласились про-
известъ умышленіе свое въ дѣйство въ то самое время,
когда партія изъ устья Камчатскаго на суднѣ выдѣшъ,
и сіе шѣмъ болѣе не сумѣвались исполнить, что на
Камчаткѣ оспавалось Казаковъ весьма малоллюдно. Чего
ради Нижношаншальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Кам-
чадалы во всю зиму разбѣжжали, подъ видомъ гощенія,
по всей Камчаткѣ; дѣлали совѣшы между собою, уго-
варивали нежелавшихъ ипши къ нимъ въ согласіе, и
угрожали погубленіемъ всего ихъ роду: такимъ обра-
зомъ привели они всю Камчатку въ возмущеніе, а
между шѣмъ вѣдая, что Шестаковъ убишъ опѣ Чукочъ,
пустили слухъ, аки бы Чукчи на Камчатку войною
идутъ, можешъ бышъ для того, чшобъ въ случаѣ
неудачи въ ихъ предпріяшн казаки не подумали, что
они тому злу начальники, или что бы казаковъ при-
вестъ въ такую робость, чшобъ они ихъ измѣнни-
ковъ содержали при себѣ, какъ надежную помощь.

Правда, что изъ шѣхъ казаковъ, кошорые оспа-
вались на Камчаткѣ, не оспалось бы ни единого чело-
вѣка, но всѣ бы побиты были, или поморены голо-
домъ, естъ ли бы не поспѣшествовало особливое къ
народу нашему Божіе милосердіе: да и партіи бы на-
добно было много трудиться и много потерять людей,
чшобъ вновь покорить такой ошдаленной народъ, шѣмъ
наипаче, что они вѣдая свое злодѣяніе могли жить
всегда въ ошпорожности, при шомъ умѣли изъ ружья
стрѣляшъ, имѣли вишповокъ и пороху довольно, а
многіе знали всѣ Россійскія шамшніа ополченія, и
коимъ образомъ задидашъ себя, и по шому имѣли
не

не варварскія уже предпріятія и совѣшы, но подлинно
киншрыя; ибо хотѣли они спараться всѣми ибрами ,
чтобъ не пропустишь вѣдомости до Анадырска; у мор-
скихъ гаваней намѣрены были содержать многочислен-
ныя караулы, и съ приходящихъ морскихъ судовъ
принимають служивыхъ раболѣпно, подѣ видомъ пере-
возу въ остроги, и на дорогѣ побивають порознь всѣхъ
безъ остатку: а главные шого бунша начальники были
Бловской Тоюмъ Федька Харчинъ, кошорой часто при
ясашныхъ зборахъ полмачемъ бывалъ, да дядя его Гол-
гочь, Ключевской Тоюмъ.

Между шѣмъ послѣдней прикащикъ Шекурдинъ вы-
ѣхалъ съ Камчатскою казною благополучно; паршія
вся съѣхала на устье съ Камчатки для походу къ Ана-
дырю, совсѣмъ сгрузились на судно, и вышли въ море;
однако близъ самаго устья на якорь сшали за нечаянно
учинившимся противнымъ вѣтромъ. А Камчадалы,
которыя у нихъ въ подводахъ были, и кошорымъ ве-
дѣно было объ отбытіи паршіи дасть вѣдомость бун-
шовщичьимъ Тоюнамъ, кошорые на ключахъ ожидали
оной въ собраніи и во всякой готовности къ напа-
денію на нижней Камчатской острогъ; не дождавшись
совершеннаго ихъ отбытія, и не чая ихъ возвращенія,
Юля 20 дня 1731 году устремились въ башахъ своихъ
вверхъ по Камчаткѣ, начали Казаковъ бить, кого ни
встрѣятъ, начали пѣвнись и жечь ихъ лѣшова, и
женъ и дѣшей брашь въ холопство и въ наложницы,
а съ вѣдомостью объ отбытіи судна, къ главнымъ
своимъ отправили наскорѣ, которые шогомъ вечера
въ острогъ и приплыли, зажгли поповъ дворъ съ шѣмъ

намѣреніемъ, чтобъ казаковъ, какъ охотниковъ ходишь на пожары, способнѣе побить и безопаснѣе; въ чемъ имъ такъ пощасшилось, что они безъ всякаго сопротивленія почти всѣхъ бывшихъ въ острогѣ побили, не щадя и малыхъ дѣтей и женскаго полу, надъ которыми чинили до убивства всякія наругательства, и дворы всѣ пожгли кромѣ церькви и крѣпости, въ кошорой все имѣніе жителей лежало въ сохраненіи. Немногимъ удалось избавишься и прѣѣхать на устье съ извѣстіемъ. Такимъ образомъ морской путь къ Анадырю осшановился: ибо сперва надлежало свое удержашъ, нежели вновь покоряшь немирныхъ.

Между шѣмъзнашной измѣнникъ Ключевской Есауль Чегечъ, кошорой оставался у моря, слыша что Нижней Камчатской острогѣ. взяшъ, побѣжалъ къ объявленному острогу, плѣня все, что ошъ переднихъ ошалося, и побивая всѣхъ, кошорые попадались на встрѣчу: наконецъ соединился съ Харчинимъ, и объявилъ, что паршія на суднѣ шойшъ еще при уществѣ Камчатки. Чего ради измѣнники предостерегая себя ошъ оной, засѣли въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, вокругъ кошораго изъ церьковной шрапезы здѣлали другую стѣну, а въ верхъ по Камчаткѣ послали ко всѣмъ Камчадаламъ вѣдомость о взятіи острога съ такимъ приказомъ, чтобъ всѣ съѣзжались въ завоеванной острогѣ Россійской.

На другой день разграбили они всѣ пожитки казачьи, нарядились въ самое ихъ лучшее платье; въ шомъ числѣ иные въ женское, а иные въ священническія ризы; ошправляли великое шоржество по обы-
чно-

кноvení въ объяденіи, пляскѣ и шаманствѣ; а Федька Харчинъ, какъ новокрещеной, призвавъ новокрещенаго умбющаго грамотѣ, приказалъ ему пѣшь молебенъ въ священномъ одвѣніи, и за шотъ молебенъ велѣлъ выдать ему 30 лисицъ, записавъ въ книгу такимъ образомъ: По приказу Комисара Федора Харчина выдано за молебенъ Савину, ибо такъ оной новокрещеной назывался, 30 лисицъ красныхъ: чего ради послѣ до самаго вывѣду моего называли его попомъ поганымъ.

На другой день по взятіи острога, то есть Іюня 21 числа командиръ партіи штурманъ Яковъ Генсъ отправилъ для отнятія у Камчадаловъ острога партію въ 60 человекъ состоящую, которые пришедъ подъ острогъ разговаривали ихъ всѣми мѣрами, чтобъ они покорились, и обнадеживали ихъ Императорскою милостию и прощеніемъ; но они не хотѣли того и слышать: напрошивъ того ругали ихъ, и укоряли, а особливо Харчинъ, которой насмѣхаясь имъ со стѣны кричалъ: за чѣмъ вы пришли? развѣ не въдаете, что я Комисаромъ Камчатскимъ? я буду самъ ласкъ збирать, а вы казаки здѣсь въ землѣ не надобны. Чего ради казаки принуждены были съ судна требовать пушекъ; по полученіи которыхъ Іюля 26 дня тогожъ мѣсяца по острогу стрѣлять начали; и пробили великіе проломы, такъ что пѣнныя женщины при роботѣ бсажденныхъ могли выбѣгать изъ острогу.

Харчинъ видя, что ему въ острогѣ не защитишь ся, одвѣвшись въ женское платье ушелъ изъ острогу, и хотя за нимъ была погоня, однако не могли догнать: ибо онъ такъ рѣзво бѣгалъ, что могъ по-

стигашъ дикихъ оленей, какъ о томъ сказывающъ много казаки и брашъ его, котораго я застава въ живъ. Послѣ того человекъ съ 30 осажденныхъ задался, прочіе въ острогѣ перестрѣлены. Одинъ Ключевской Есаулъ Чегечъ съ малымъ числомъ подчиненныхъ даже до смерти оборонялся: при кошоромъ случаѣ ошъ стрѣльбы загорѣлась пороховая кавна, и крѣпость со всѣмъ бывшимъ въ ней богатствомъ обратилась въ пепель: одна удѣла церковь, но и ша сожжена ошъ Камчадаловъ поопплыши казаковъ къ мѣрю. На приступѣ казаковъ убишо чешыре человекъ, но много переранено; а сколько погубло Камчадаловъ, про шо не извѣстно, для шо что трупы ихъ погорѣли въ острогѣ. Не спаслись же и шѣ, которые задалсь во время приступа: ибо казаки будучи огорчены насиліемъ женъ своихъ, и шрашою имѣнія, перекололи ихъ безъ ошпатку.

Къ шоль скорому разбишю бунтовщиковъ много способствовало неукоснительное ошправленіе царши, которая не допустила имъ въ острогѣ умножиться: ибо въ противномъ случаѣ соединились бы съ ними Камакова острога Камчадалы, кошорыхъ счишалось человекъ до ста или болѣе, а малолюдные бы остроги и по неволѣ поспѣшили въ сообщеніе, опасаясь бѣдствія: но тогда видя ошправленіе царши, принуждены были ждашь окончанія дѣла подѣ видомъ людей безпристрастныхъ и вѣрныхъ Россіи. За всѣмъ шѣмъ походомъ дѣло не приведено къ совершенству: ибо Харчинъ собравшись съ другими Тоюнами во многолюдствѣ, намѣренъ былъ плышь къ мѣрю, и дашь бой со
слу-

слушными; токмо встрѣченъ ошѣ паршии при самомъ отправленіи въ путь свой, и по маломъ сраженіи принужденъ былъ отступитъ на отъемное высокое мѣсто, и укрѣпляясь по лѣвую сторону Ключевки рѣчки, гдѣ сраженіе происходило, а казаки шли по другую сторону той рѣчки.

И хотя Харчинъ всякіе способы употреблялъ, какъ бы устрашить казаковъ, и принудить возвратиться къ морю, однако они вмѣсто робости не преставали совѣтовать ему и сообщникамъ, что бы здалися, и наконецъ убѣдили, что Харчинъ съ другимъ Тоюномъ и съ братомъ своимъ на переговоры вышелъ, и своя при рѣчкѣ показывалъ свою охоту, что онъ желаетъ бытъ въ стану казачьемъ, токмо требовалъ за себя аманомъ одного служиваго; что съ казачей стороны учинено безпрекословно. А Харчинъ будучи въ стану ихъ пребывалъ, чтобъ они Камчадаловъ не раззоряли, для того, что онъ болѣе воевать не хочетъ, и поѣдетъ уговаривать сродниковъ своихъ и подчиненныхъ: но будучи назадъ отпущенъ прислалъ отъвѣтъ, что сродники его къ миру не склоняются, а братья его и Тоюнъ Тавачъ, которые приходили вмѣстѣ съ Харчинымъ, къ своимъ возвратиться не пожелали.

На другой день Харчинъ пришедъ на берегъ съ другими Тоюнами пребывалъ, чтобъ его казаки къ себѣ перевезли, а въ аманаты бы за него дали двухъ чловѣкъ, въ чемъ ему казаки и вшорично не отказали, однако умысленно: ибо какъ онъ къ нимъ перѣбжалъ, но они взяли его подъ караулъ, а своимъ

за-

закричали, чшобъ въ рѣку бросадись: для предосторожности же, чшобъ ошавшіе на берегу ихъ, не закололи, приложились на нихъ ружьями, чшо Камчадалы усшрашась разбѣжались. Такимъ образомъ главной измѣнникъ пойманъ, даванные въ аманашы спаслись, а ешшальные Тоіоны съ своими подчиненными по двое-кратномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ разогнаны. Верховской Тоіонъ Тигель со своимъ родомъ побѣждалъ въ Еловскія вершины, Ключевской Тоіонъ Голгочь въ верхъ по Камчаткѣ, а другіе по другимъ мѣстамъ, однако вскорѣ всѣ погибли: ибо казаки многими паршіями усшремились въ слѣдъ за бѣгущими, и били, кого ни пошпаигали. Тоіонъ Тигель по долговременномъ сопротивленіи переколовъ женъ и дѣшей своихъ самъ себя живоша лишилъ. А Голгочь по погромленіи Камчатскихъ оспрожковъ на рѣкѣ Козыревской и на Шапиной за шо, что жители не хотѣли итти къ нему, въ сообщеніе, убишъ ошъ нихъ при своемъ ошшуду-возвращеніи.

Между шѣмъ какъ слухъ прошелъ о раззореніи Нижняго Камчатскаго острога, шо Камчадалы по большей части взбуншовали, всѣхъ, кто въ ихъ оспрожкахъ изъ казаковъ ни придучился, убили, размуца ширански: начали соединяться вмѣстѣ, чшобъ итти подъ ошавшіе остроги подъ Верхней и Большерѣцкой, начали призывашъ къ себѣ въ сообщеніе всѣхъ своихъ сосѣдей-грозами и ласкою, при немъ много изъ шѣхъ, кошорые къ нимъ не пристали, и побито. А казаки принуждены были жить въ великомъ страхѣ, пока не получили помощи изъ Нижняго; однако паршіи изъ обр-ихъ

ихъ остроговъ ходили въ походъ по Пенжинскому мѣ-
рю и громили всѣхъ безъ пощады и милосердія. А ко-
гда прибыла команда изъ Нижняго, тогда они соеди-
ненными силами пошли на Авачинскіе измѣнниковъ,
которыхъ было боаѣе 300, брали приступомъ крѣ-
кіе и нарочно задѣланные острожки ихъ, побивали
измѣнниковъ кувлею и съ невинными, женъ ихъ и дѣ-
тей въ холопство брали: и такимъ образомъ погуби-
ли ихъ множество и успокоя, паки на Камчатку возвра-
тились по своимъ мѣстамъ съ великою прибылью. И съ
того времени не бывало уже убійства на Камчаткѣ до
1740 годъ, въ которомъ по равнымъ мѣстамъ чело-
вѣкъ съ семь отъ Корякъ переколошы, въ томъ чи-
слѣ одинъ мажоръ команды покойнаго Капитана Ко-
мандора господина Беринга.

Послѣ того вскорѣ прибылъ на Камчатку для
разыску Якутскаго полку Маеръ, что потомъ былъ
Подполковникъ, Василей Мерлинъ съ однимъ офице-
ромъ, съ капральствомъ салдатъ и съ малымъ чи-
словъ Иркутскихъ служивыхъ, а по немъ въ товари-
щи ему Маеръ Павлуцкой, которыхъ велѣно было
слѣдовать о причинѣ бунта, о убившихъ Японцовъ,
и о другихъ тамошнихъ неурядкахъ, а изслѣдовавъ
оное дѣло прислалъ съ подписаніемъ своего мѣня въ
Иркутскъ для конфирмаціи, и при томъ новой острогъ
построили, которые и жили тамъ по Августъ мѣ-
сяцъ 1739 году. Въ бытность свою построили они
нижней Камчатской острогъ немного ниже устья Ри-
туги рѣчки, изслѣдовали о земляномъ бунтѣ, и
по полученіи конфирмаціи на слѣдственное дѣло ка-

Томъ II.

Б

звены

знены смертію шрое изъ Россійскихъ, а имянно Комисаръ Иванъ Новгородовъ, пшшдешашникъ Андрей Шпинниковъ, которой убилъ Японцовъ, и Михайла Сапожниковъ, въ каждомъ острогѣ по человеку, да съ ними человекъ по два Камчадаловъ изъ главныхъ бунтовщиковъ; въ шомъ числѣ и Оедька Харчинъ, прочіе казаки по состоянію винъ шшрафованы. Служители ихъ Камчадальскаго народа, которыхъ они бо емъ, куплею и за долги получали, и владѣли какъ крѣпостными, опущены на волю, и впредь кабалинъ ихъ запрещено накрѣтко. Безстрашіе, съ какимъ тамошней народъ къ смерти ходилъ, можно всякому разсудить по одному сему примѣру, что при помнущей казни одинъ смѣючись жаловался на свое нещастіе, что ему на виселицѣ послѣдному бытъ надлежало. Подобно безстрашію жестокосердіе ихъ въ шерпннмъ шѣлеснаго наказанія. Какъ ихъ ни мучь, болѣе не услышишь какъ ни ни, и шо опѣ перваго удара, а по шомъ какъ безчувственные молчатъ закуся языкъ, и болѣе шого допышашься у нихъ пристраштемъ не можно, какъ шокмо что въ допросѣ добровольно сказали.

Съ шого времени миръ, покой и шшина въ Камчаткѣ, да и впредь опасашься нѣчего; ибо по высокошернему Всемилостивѣйшя Государыни нашей Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ о подданныхъ Своихъ попеченію здѣланы шакія учрежденія, что тамошнимъ жителамъ лучшаго удовольствія желать не возможно. Ясаку они плашатъ шокмо по одному звѣрю съ человекъ, какой гдѣ промышляешся, шо естъ по

по лисицѣ, бобру или соболю, а другихъ они зборовѣ уже не знаютъ. Судъ и расправа, кромѣ криминальныхъ дѣлъ поручены Тойснамъ ихъ, а Комисарскому суду они не подвержены. Старыхъ долговъ, копорые казаки на нихъ почитали, правихъ на нихъ подѣ жестокимъ истязаніемъ не велѣно; а что всего паче, всѣ почши они приведены въ Христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь слѣва Божія, въ чему способствовали ошмѣнныя щедроты и милосердія Всеавгустѣйшія Монархини нашея, что новокрещенымъ дана отъ ясаку на 10 лѣтъ свобода. Для умноженія же ихъ въ православіи опредѣлены училища, и во всѣхъ почши острогахъ заведены школы, въ которыхъ невозбранно обучаются какъ дѣшамъ казачьимъ, такъ и Камдадальскимъ безъ всякой платы; и нынѣ Христіанская вѣра въ тамошней сторонѣ къ сѣверу до Корякъ, а къ югу до шрешяго Курильскаго острова распространилась: но можно твердо надѣяться, что вскорѣ и Коряки просвѣщены будутъ Святымъ крещеніемъ, шѣмъ наипаче, что многіе изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру. Сіе же между славными и великими дѣлами Всепресвѣтлѣйшія Самодержицы нашея почиташъ должно, что звѣрской оной народъ, изъ котораго до времени щасливаго владѣнія Ея ни ста человекъ крещеныхъ не было, въ краткое время познавъ истинную оснавилъ свое заблужденіе такъ, что каждой нынѣ съ сожалѣніемъ и съ смѣхомъ воспоминаетъ прежнее житіе свое.

ГЛАВА 5.

О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществахъ и недоспашкахъ въ сравненіи между собою.

Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ пять, какъ уже выше показано: 1. Большерѣцкой, 2. верхней Камчатской, 3. нижне Шантальской, 4. при гавани Петропавловской, а 5. при рѣкѣ Тигилѣ.

Большерѣцкой острогъ стоитъ на сѣверномъ берегу Большой рѣки между впадающими во оную по-сторонними рѣками Быстрою и Гольцовкою въ 33 верстахъ отъ Пенжинскаго мѣря. Крѣпость во ономъ острогѣ четвероугольная, во всѣ стороны по 10 сажень, съ востоку и сѣверу огороженъ полисадникомъ, южную и западную стѣну составляетъ спроеіе, а именно ясная изба, аманатская казенка, между которыми здѣланъ анбаръ для содержанія аманатской ююлы, да двоестной анбаръ, въ которомъ ясная казна хранится. Входъ въ острогъ съ западной стороны небольшими воротцами. За острогомъ спроеіе часовня, что нынѣ уже дерьковъ, во имя Николая Чудотворца, съ колокольнею на столбахъ, а при ней дерьковной анбаръ: обывательскихъ домовъ по разнымъ островамъ тридцать, кабакъ съ винокурнею, служивыхъ 45 человекъ, да казачьихъ дѣтей положенныхъ въ подушную окладъ, которые однакожъ служашъ вродѣ съ казаками, 14 человекъ.

Въ разсужденіи крѣпости сей острогъ всѣхъ хуже, но и нужды нѣшъ въ укрѣпленіи: по тому что подмасленные сему острогу Камчадалы издавна надежны

денег и вѣрны. Въ разсужденіи же мѣстоположенія имѣетъ оной передъ другими великую выгоду: 1) что морскіе суда припадаютъ на Большой рѣкъ, чего ради жители всегда получаютъ привозные товары изъ первыхъ рукъ; 2) что жители содержатъ у себя прѣвѣжихъ въ квартирахъ и довольствуютъ стогомъ изъ пласты, отъ чего получаютъ немалую прибыль; 3) что кладь отпущу въ другіе остроги подымаютъ на своихъ сабакахъ; а за перевозъ берутъ немалыя деньги; 4) что морскихъ бобровъ, которые нынѣ за главной Камчатской поваръ почитаются, получаютъ они больше жителей другихъ остроговъ, 5) что въ лѣтнее время имѣютъ они рыбы съ изобиліемъ, и ловятъ съ малымъ трудомъ и коштомъ: ибо по состоянію рѣки не употребляютъ они сѣтей больше 20 сажень; чего ради и главной командиръ Камчатскихъ остроговъ по большей части живетъ въ Большерѣцкомъ, а въ другіе остроги носмаетъ у себя закладиковъ. Гдѣ помяну сей острогъ недостаточенъ, что въ лѣтнее время, когда рыба изъ моря идетъ, и занасается въ зиму, всегда бываетъ морская погода, отъ чего происходитъ въ пріуготовленіи кормовъ великое затрудненіе: ибо отъ неказаннаго множества рыбы отъ нуждою запасается отчасти, чтобъ на зиму спалло, а по большей части къ веснѣ бываетъ великая дороговизна сѣтанныхъ припасовъ и голодъ. Если бы лѣтомъ сія рѣка была довольна, то бы сей недостатокъ отъразитъ можно было конченіемъ и сушеніемъ рыбы въ мешкахъ по примѣру Охотскихъ жителей; но главной мешки здѣлать не мало денегъ надобно,

ибо лѣсъ къ строенію годной издадека плавится съ великимъ трудомъ и опасностію. Къ каждой лодкѣ привязывается не болѣе десяти бревенъ, да и такимъ образомъ на быстрыхъ мѣстахъ часто разбиваетъ ихъ. Для большаго изъясненія трудности въ плавленіи лѣсу довольно только то объявить, что отъ моря не по лѣсъ годной, но по сухіе дрова, которыя употребляютъ на вареніе соли и жиру, вѣдаяшъ по шрок и по четверы сушки, а привозятъ только, что не сварить и пуда, отъ чего шамъ и соли не столь довольно, какъ въ нижнемъ Камчатскомъ острогѣ или на Авачѣ. У кошераго казака одна лодка, шощъ мѣсяцъ и балаганъ строитъ у моря, къ котораго строенію токмо колья, шрава да 9 подставокъ потребны.

Верхней Камчатской острогѣ, которой прежде всѣхъ построены, и былъ нѣсколько лѣтъ главнымъ острогомъ, для того что Комисары въ немъ жили, а въ другіе остроги посмлали вакашиковъ, строитъ на лѣвомъ берегу рѣчки Камчатки при устьѣ рѣчки Кали, отъ Камчатской вершины въ 69 верстахъ отъ Большерѣдки по прямой дорогѣ въ 242, а по дорогѣ чрезъ Оглукоминской хребтъ въ 436 верстахъ въ 50 сажняхъ. Крѣпость въ немъ четвероугольная, съ полисадникомъ во всѣ стороны по 17 сажень. Ворота съ рѣчную сторону стѣны, а надъ воротами анбаръ, въ которомъ хранится ясачная казна. Вънутрь крѣпости строенія ясачная изба съ камеркою, въ которой аманаты содержатся, два анбара двоежилые, въ которыхъ кладется жиръ на свѣтъ и аманатская докола. За крѣпостью часовня, что нынѣ церковь, во имя Николая.

чудо-

чудошворца, Государевъ домъ съ принадлежащимъ строеніемъ, кабакъ съ винокурнею, обывашельскихъ домовъ 22, а служивыхъ и казачьихъ дѣшей 56 человекъ.

Сей острогъ въ разсужденіи погоды и лѣсу великое имѣетъ предъ Большерѣцкимъ преимущество : ибо тамъ всегда бываетъ изрядная погода, а лѣсъ хотя шополовой, однако шолстой, и съ малымъ трудомъ получить можно, чего ради и хоронное строеніе въ ономъ острогѣ гораздо лучше Большерѣцкаго. Имѣетъ же помянутой острогъ и въ шомъ преимущество, что земля тамъ способна къ плодородію, и пахатныхъ мѣстъ больше и лучше тѣхъ нигдѣ не находишся. Но въ разсужденіи рыбныхъ промысловъ бѣденъ: для шого что рыбы по дальности разстоянія его отъ моря, и не много шуда доходятъ и весьма поздно, такъ что Нижношаншальскіе жители шогда кормомъ со всѣмъ исправляющся, когда въ Верхнемъ начинаешся промыселъ. Чего ради жители по всякую ночь весну претерпѣваютъ голодъ, и принуждены бываютъ весною закупать рыбу по Пенжинскому и Бобровому морю. Соль и жиръ они покупаютъ въ нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, или сами на устьѣ Камчатки для варенія ея ѣдятъ, не взирая на великое разстояніе: ибо отъ верхняго Камчатскаго острога до устья Камчатки болѣе 400 верстъ. Прежде сего помянушые недоставки награждаемы бывали морскими бобрами съ Боброваго моря, кошорыхъ казаки получали довольно: но нынѣ и ша ихъ польза миновала, для шого что на Бобровомъ морѣ мало приваловъ бываетъ, при которомъ случаѣ самой лучшей шого звѣра

ря промысль. Ештли же у помянушаго острога Бобровое море приписано по близости къ Авачинскому острогу, то жителямъ сего острога вся надежда на земледѣіе ошанется, чѣмъ они, ежели не полъняшя, болѣе прибыли получаютъ будущь, нежели ошъ торгу съ Камчадалами; въ противномъ случаѣ и жить имъ шамъ почши не у чего будетъ.

Нижней Камчатской или Нижнотанпальской острогъ ошъ верхняго Камчатскаго острога въ 397 верстахъ, стоишъ на томъ же берегу рѣки Камчатки, не довшая за 30 верстъ до ея устья. Крѣпость въ немъ четвероугольная, огорожена полисадникомъ длиною 42, а шириною 40 сажень съ провѣжною рубленою башнею, которая здѣлана посреди стѣны западной. Внутри крѣпости строенія церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Николая Чудотворца, ясажная изба съ сѣвми и амункою, домъ Государевъ, въ которомъ живущъ прикащики, два анбара кладовые, въ которыхъ содержится ясажная казна и военные припасы. Все строеніе въ разсужденіи другихъ остроговъ изрядное и прочное, для того что все изъ лиственничнаго дѣрева. За крѣпостью строенія обывательскихъ домовъ 39, да кабакъ съ винокурнею. Жителей всякаго чина 92 человекъ.

Сей острогъ въ разсужденіи вещей потребныхъ къ человѣческому содержанию по тамошнему обстоятельству, можно почестъ производильнымъ и преспособнымъ мѣстомъ: 1) что шамъ довольно презрядной рыбы, которой жителю и соляшъ и сушашъ со излишествомъ. 2) что въ лѣсу не токмо къ хорошему

му

Устье р. Тонк. 2.

му, но и къ судовому строенію годномъ изобиліе. 3) что въ разсужденіи состоянія рѣки плавить его можно безъ всякой опасности; чего ради жиру и соли варишя шамъ столь много, что и другіе остроги оною снабдѣваюшя. 4) что около шѣхъ мѣстъ множество дичи промышляешя, кошорой жители получаютъ ошъ Камчадаловъ шакъ много, что нѣтъ шакого бѣднаго казака, кошорой бы нарядной обѣдъ здѣлаалъ безъ лебедя, а о гусяхъ, ушкахъ и упоминать нѣчего. 5) что они получаютъ завсегда свѣжую рыбу, кошорая на ключахъ и зимою ловится. 6) что родился шамъ много ягодъ морошки, брусницы и голубицы, кошорыхъ прожиточные люди запасаютъ въ зиму великія кѣды, а сіе составляетъ по рыбѣ главную часть свѣстныхъ припасовъ. 7) что могутъ они, сколько надобно, достать всякой домашней посуды, при шомъ дешевою цѣною, кошорую въ Большерѣцкѣ едва можно получить за великія деньги. 8) что имъ достаютъ самыя лучшія Камчатскіе соболи съ рѣки Тигиля. 9) что Коряцкіе товары, оленья плашья, камасы, постѣлы, пыжики, ровдуги и самыя олени на пищу, безъ кошорыхъ имъ меньше нежели безъ Россійскихъ и Китайскихъ обойтись можно, получаютъ они дешевле другихъ и способнѣе. 10) что шамъ въ близости есть имѣста плодородныя, гдѣ всякой хлѣбъ и овощи рожатся. Одинъ недостатокъ состоитъ въ шомъ, что Россійскіе и Китайскіе товары дороже у нихъ продаются нежели въ другихъ острогахъ, для шого что купцы должны провозъ на товары накладывать, кошораго ошъ Большерѣцка до сего

Томъ II.

Э

остро.

острога не меньше чешырехъ рублевъ на пудъ приходитъ.

Чепвершой острогъ заведенъ при Авачинской губѣ въ 1740 году, а жители переведены шуда изъ нижняго и верхняго Камчатскихъ остроговъ. Тамъ построены преизрядные дома, особливо же великолѣпно по тамошнему состоянію строеніе Камчатской Экспедиціи, кошорое стоишь около Петропавловской гавани. Вѣщшее еще украшеніе придаетъ ему церковь съ пристойнымъ зданіемъ, что на изрядномъ мѣстѣ воздвигнуша.

Преимущества и недостатки сего мѣста почти тѣже что и Большерѣцкаго острога; въ томъ шокмо есть вѣкошорая ошмѣна, что на Авачѣ бобровые промыслы передъ руками, напрошивъ шого вода не столь хороша и здорова, какъ въ Большой рѣкѣ. Многіе отъ ней хворали одышкою, чего ради знавшійше изъ Камчатской Экспедиціи не рѣдко за водою посылашь принуждены бывали на рѣку Авачу, кошорая въ Авачинскую губу впадаетъ.

Въ какомъ состояніи пятой острогъ, что при рѣкѣ Тигилѣ, про то объявишь не лзя: ибо оной зачашъ строишь уже по выѣздѣ моемъ съ Камчатки, шокмо то извѣстно, что отправлено во оной 37 человекъ на поселеніе. Господинъ Шеллеръ пишетъ, что помянушой острогъ заблаго разсуждено строишь для шрехъ причинъ: 1) чшобъ буншующихъ сидячихъ Корякъ содержать въ послушаніи, 2) чшобъ отшуда проложишь дорогу вкругъ Пенжинскаго моря до Охотска, 3) чшобъ защищашъ въ нужномъ случаѣ Оленныхъ

ныхъ Корякъ отъ Чукочъ, которые ихъ всегда раззоряюшъ. Жишели сего острога могушъ много пользы опнять у Нижношаншальцовъ: 1) что имъ не столь способно будешъ получать соболей Тигильскихъ; 2) что Коряцкіе шовары прежде, Тигильцамъ доставашся имѣюшъ; 3) что яшныя Коряки Пенжинскаго моря, которые были подъ Нижнимъ, чаяшельно къ Тигильскому острогу какъ къ ближайшему приписаны будушъ.

ГЛАВА 6

О жишѣ тамошнихъ казаковъ, о изобрѣшеніи правянаго и ягоднаго вина, о куреніи, о прежней винной продажѣ и о доходахъ казачьихъ.

Казачье жишье на Камчаткѣ не разншвуешъ почти отъ Камчадальскаго: ибо какъ шѣ, такъ и другіе питаюшся коренѣмъ и рыбою, и въ шѣхъ же шрудлахъ упражняюшся: лѣтомъ промышляюшъ рыбу и запасаютъ въ зиму, осенью копаюшъ коренье, дерушъ кропиву, а зимою вяжушъ изъ оной сѣши. Вся разность состоитъ въ шомъ: 1) что казаки живушъ въ избахъ, а Камчадалы по большой части въ земляныхъ юртахъ; 2) что казаки ѣдятъ больше вареную нежели сухую, а Камчадалы больше сухую; 3) что казаки изъ рыбы дѣлаюшъ различныя кушанья, какъ напримѣръ, шельныя, пироги, блины, олады и прочее, чего Камчадалы до Россійскихъ людей не знали. Но понеже въ такомъ жишѣ безъ женскаго полу обойтись никакъ не возможно, для того что большая часть помянушыхъ шрудовъ лежишъ на ономъ, какъ

на примѣрѣ, чищеніе рыбы, копаніе кореня, порш-
ная и сапожничья работа, сученіе пряжи и прочая, а казаки поселились на Камчаткѣ безъ женскаго пола для того, что по трудности пуши и одни проходили съ нуждою; того ради сообщу я средства, кошорыя они употребляли.

Что казакамъ новое оное мѣсто не все ласкою, но иногда и силою покорять надлежало, о томъ всякому довольно разсудишь можно. Изъ острожковъ покоренныхъ силою брали они довольное число въ полонѣ женскаго полу и малолѣтнихъ, кошорыхъ раздѣляя по себѣ владѣли ими какъ холопами. Оные холопы должны были спарашься о всемъ потребномъ къ содержанію, а они какъ господа довольствовались гошовымъ ни за какіе труды не принимаясь. Для присмотру за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на кошорыхъ они по прижишю дѣшей по большой части и женивались. А кошорые желали чрезъ сунружество свойство имѣшь съ вольными Камчадалами, шѣ давали имъ на себя записи, что они по прижишю священника дочерей ихъ за себя возмушѣ. Такиимъ образомъ случалось, что указака крестины невѣсны, свадьба, молитва и крестины дѣшей отправлялись вмѣстѣ: ибо во всѣхъ острогахъ одинъ былъ священникъ, кошорой жилъ въ Нижнемъ острогѣ, а въ другіе прѣвѣжалъ чрезъ годъ или чрезъ два года; между шѣмъ многіе женившись по вышеписанному обыкновенію, давъ на себя записъ дѣшей рождали, кошорыхъ дѣчку должно было крестить, а священнику прѣвѣавъ и родителей вѣчашъ и совершашъ тайну преденія.

Камчат-

Камчатское жишіе казакамъ , какъ шакимъ лю-демъ, кошорые не видали лучше, не непріятно казалося, шѣмъ наипаче, чшо жили они какъ дворяне за холопами. Соболей и другой мягкой рухляди получали довольно. Въ карты, кошорая ихъ вящшая была забава, имѣли чшо проигрывать. Одно ихъ мучило, чшо вина достать имъ было не гдѣ, однако и шомъ недоставокъ ошъ охошниковъ награжденъ вскорѣ , какъ ниже сего объявлено будешъ : а здѣсь надобно упомянуть о карпошномъ ихъ увеселеніи, какое они получали удовольствіе и прибыль. Прже сего лучшее сходбище у нихъ было въ ясашной избѣ : шамъ были суды, совѣшы, споры и зерновое мѣшо ; а когда завелась кабаки, шогда все помянутое въ нихъ произходить начало. Игроки приходили шуда съ соболями или лисицами, а когда шого не доставало , приводили холопей. Лучшее у нихъ мѣшо на палаткахъ: игрывали въ великую сумму по шѣхъ порѣ , пока оба оставались наги, ибо соболи и лисицы расходились на вино, на карпяное и на свѣшное ; а кшо въ выигрышѣ оставался, шомъ доволенъ бывалъ мнимою прибылью, чшо биралъ письмо въ долгу, кошорой они кабалой называли. Почши повѣрить шому не лзя, какое при шомъ бѣдные ихъ холопи шерпѣли мученіе: часто случалось, чшо въ одинъ день доставалось имъ имѣшь по двадцаши хозяевъ, о чемъ и понышъ многіе съ горестію воспоминають.

Чшо касается до изобрѣшенія вина , шо оное нашли казаки Большерѣцкіе шакимъ образомъ: обычай у нихъ ешь всякія ягоды заготовляшь въ зиму , какъ

уже выше объявлено. Нѣкогда случилось, что ягоды къ веснѣ окисли, и ни въ какую пошребу кромѣ квасу не были годны; между тѣмъ нѣкоторыя пьютчи окислой цѣльной росолѣ почувствовали хмель въ себѣ, чего ради пригошова кошель перегонили оныя съ желаемымъ успѣхомъ къ великой радости всѣхъ жителей. Съ тѣхъ поръ на Камчаткѣ безъ вина уже не было, а особливо когда провѣдано, что и изъ сладкой шравы вино родится. Когда у нихъ недосшавало на вино ягодъ, тогда мочили они сладкую шраву въ водѣ, и положи въ сусло толченыхъ кедровыхъ орѣховъ и сквася пили вмѣсто меду. Но какъ и онѣ того почувствовали шумъ въ головѣ, шотчасъ усшрелились на опышы. Въ началѣ квасили сладкую шраву въ кипрейномъ суслѣ, и шот сусло перегоняли, но безъ успѣху; шот шомъ начали и самую шраву въ кошлы класть; шогда получили, чего искали. Но понеже сладкую шраву въ кипрейномъ суслѣ мочить убыщочно было, шот отвѣдывали они гнашь вино и изъ одной сладкой шравы, въ чемъ меньшей успѣхъ имѣли. И сей способъ какъ непроторной понынѣ въ употребленіи.

Какимъ образомъ сладкая шрава заготовляется, о шомъ во второй части сего описанія упомянушо, а здѣсь осшало объявить, какъ изъ заготовленной шравы вино выгоняютъ.

Сухую шраву влаштинами мочатъ они въ теплой водѣ, наливъ воды въ небольшое судно шолько, штобъ шрава могла погрузиться; и положи въ оную жимолосшныхъ ягодъ или пьяницы, замаывающъ крѣпко, и сшавятъ

ставяшъ въ теплое мѣсто. И сіе называютъ они приголовкомъ, копорой киснетъ съ превеликимъ шумомъ. Знакъ его совершенства: какъ перестаетъ гремѣть, тогда мочашъ она сладкой шравы въ большіхъ кадяхъ пуда подва и по три, и квасятъ объявленнымъ приголовкомъ, и при всемъ поступающъ, какъ выше показано, а сіе называютъ они брагою. Когда брага гремѣтъ перестаетъ, тогда кладушъ оную въ чугунные или мѣдные кошлы, накрываютъ деревяною крышкою, въ кошорой вмѣсто шрубы обыкновенно намазывается ружейной сволъ, и гоняшъ раку по шѣхъ порѣ, пока въ ней есть кислотъ. Сія рака крѣпостию подобна хорошему вину, чегоради и пьюшъ оную за вино, не переганивая въ другой разъ. А ежели перегнашъ, то вино столь крѣпко бываетъ, что можно травить желѣзо. Дѣлаютъ же брагу и безъ приголовку закваса водою, въ кошорой мочена негодная шрава, что по выгнаніи вина въ коплахъ остаешся. Изъ шрехъ пудъ или изъ двухъ съ половиною выходитъ раки печашное ведро, кошорое изъ казны по 20 рублевъ продавалось.

Естьли кому неизвѣстны шамошнія обстоятельства, шотъ въ разсужденіи помянушаго пространнаго казачья жинья безъ сумнѣнія пожелаешъ вѣдашъ, откуда получающъ шоль великіе доходы; чего ради сообщу я здѣсь для шакіхъ любопытныхъ крашкое о прибыткахъ ихъ извѣстіе. Съ начала завоеванія Камчатки имѣли они довольно случай богашиться: 1) ошъ частыхъ находовъ на немирныхъ Камчадаловъ, кошорыхъ они покоряли военною рукою; 2) ошъ ясашнаго збору,

збору, при которомъ каждому рядовому казаку по нѣскольку мягкой рухляди доставалось на пай, ибо каждой Камчадалъ кромѣ ясаку долженъ былъ дать имъ чепыре лисицы или соболя, одного звѣря зборщику, другаго подьячему, шретьяго шолмачу, чепвертаго нарядовыхъ козаковъ: а такіе излишніе поборы назывались у нихъ чащинами, а въ Якушскѣ бѣлякомъ; 3) отъ шоргу съ Камчадалами, которымъ они при зборѣ всякіе мѣлочныя товары продавали, или въ долгъ отдавали дорогою цѣною. И хошя по бывшемъ слѣдствіи оныя излишніе зборы отшращены, однако шоргъ съ Камчадалами повольной состоитъ за казаками. Они снимаютъ товары у купцовъ, и развозя по Камчадаламъ продаютъ имъ двойною цѣною и свыше, но не всѣ на мягкую рухлядь: ибо берутъ они по цѣнѣ и потребное къ своему содержанию, какъ на примѣръ, лодки, сѣти, сѣвственные принасы и прочая. И сіе есть одно средство, что казаки въ безхлѣбныхъ оныхъ и всѣмъ скудныхъ мѣстахъ могутъ содержать себя жалованьемъ пѣвнхъ казаковъ, котораго денежной окладъ 5 рублей, да за хлѣбъ денегъ по Якушской цѣнѣ, а каждому исправному казаку кромѣ нужнаго къ пропитанію на одно платье лѣтнее и зимнее, на сабакъ и на военные припасы надобно не меньше 40 рублей на годъ: ибо пара куклянокъ продается по 6, по 7 и по 8 рублей, шшаны теплыя рубли по 2 и по 3, на шарбасы зимніе и лѣтніе, на шапку и рукавицы не меньше чепырехъ рублей положить должно, на чулки шерстяные рубль, на двѣ рубахи пестрединныя или холстинныя 4 рубли: ибо шамъ пестредини

спреди и холста по 4 аршина на рубль продается , на льбные ровдужные штаны 2 рубли нарту самыхъ плохихъ сабакъ съ приборомъ ниже десяти рублевъ достать не можно , виншовка по тамошнему мѣсту не малой цѣны стоить , а пороху и свинцу и за великія деньги достать не безъ трудности.

Г Л А В А 7.

О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Корятскихъ острожкахъ , о посылаемыхъ къ нимъ зборщикахъ , и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ.

Понеже выше сего показано , что Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ нынѣ пять , а естли къ нимъ приписные Камчатскіе и Корятскіе острожки или нѣтъ , про то неизвѣстно ; того ради сообщу я здѣсь извѣстіе , какіе иноземскіе острожки въ бытность мою къ шремъ стариннымъ острогамъ къ Большерѣцкому , Верхнему и Нижношаншальскому принадлежали , кто имены въ нихъ Тоюны были , и сколько нѣли подчиненныхъ , и какихъ окладовъ ; а наконецъ по скольку зборщиковъ изъ cadaго Россійскаго острога , и въ которыя имянно мѣста отправлялись.

Большерѣцкой присудъ , какъ выше сего писано , по бѣрегу Пенжинскаго моря отъ устья Вольшей рѣки къ югу до рѣки Опалы , къ сѣверу до Воровской , по бѣрегу Восточнаго моря отъ Авачи до Малачевой рѣки простирается , а всѣхъ острожковъ въ нѣхъ мѣстахъ по переписнымъ книгамъ считается осмивать , а имено :

Томъ II.

Ю

На

	Средъ- мѣрн	Ангар- мѣрн	Число мѣрн
На Большой рѣкѣ ,			
1) Кученичевъ острогъ ; въ немъ Тоюнь Кученичь , ясашныхъ - - -	8	17	25
2) Сикушкинъ , Тоюнь Курухшачъ , ясаш- ныхъ - - - -	12	15	27
3) Апачинъ , Тоюнь Апача , ясашныхъ	4	10	14
4) Начикинъ , Тоюнь Начика , ясашныхъ	6	3	9
	30	45	75
По рѣкѣ Быстрой :			
5) Карымаевъ , Тоюнь Карымай , ясашныхъ	7	9	16
По Пенжинскому морю отъ рѣки Опалы до Воровской :			
6) На рѣкѣ Опалѣ Тоюнь Хантай , ясаш- ныхъ - - -	5	9	14
7) на Ушкѣ рѣкѣ , Тоюнь Келюга , ясаш- ныхъ - - -	4	10	14
8) на рѣкѣ Кыѣчикѣ у Тоюна Шемкочя	13	29	42
9) на тойже рѣкѣ у подчиненнаго Тоюна Тавача - - -	10	20	30
10) на рѣкѣ Немтикѣ у Тоюна Налача	5	5	10
11) на рѣкѣ Корѣ у Тоюна Савачилки	8	12	20
12) на Воровской рѣкѣ у Тоюна Тонача	27	53	80
По рѣкѣ Авачѣ и Авачинской губѣ и ошшу- ды на сѣверъ до рѣки Налачевой :			
13) на Авачѣ у Тоюна Пинича -	2	7	9
14) въ Паратунѣ острожкѣ у Тоюна Ка- рымчи, въ томъ числѣ одинъ кошло- ка плашишь - - -	6	19	25
			15)

	СОБОЛН- НИКОВЪ	СОБОЛН- НИКОВЪ	СОБОЛН- НИКОВЪ
15) Въ Купкиномѣ острожкѣ у Тоіона Тарей да сверхѣ шого одинѣ плашнѣ бобра, другой кошлока, и шого - -	17	37	54
16) Въ острожкѣ у Тоіона Ніаки двое плашнѣ по кошлоку - - -	6	21	20
17) Въ Кóлахтыряхѣ у Тоіона Апауля одинѣ плашнѣ бобра - - -	3	8	12
18) На Налачевой у Тоіона Мгаша шрое плашнѣ по бобру, двое по кошлоку	8	14	27
Да въ 1738 году по разнымѣ рѣкамѣ вновь обѣясачено, одинѣ въ соболиной, 45 человекѣ въ лисичной, да 1 въ окладѣ лисицы сиводущашой.			
И шого Большерѣцкаго вѣденія въ 17 острожкахѣ боброваго окладу - - -			5
кошлоковаго - - -			6
собольниковѣ - - -			151
лисишниковѣ - - -			288
А всего съ новобѣясачеными	47	человѣ-	
ками			497

За зборомѣ въ помянушыя мѣста присылаешся нынѣ изѣ Охопска ежегодно Комисарѣ изѣ шамошнихѣ служивыхѣ людей, которой на Авачу и по Пенжинскому морю самѣ вѣдитѣ, а съ Опалы и изѣ другихѣ

гихъ постороннихъ острожковъ сами Камчадалы въ острогъ прѣбжаютъ. Сколько же ясаку самому Комисару добрать не случится, то по возвращеніи въ острогъ посылаетъ онъ отъ себя служивыхъ за недоборомъ, одного по Пенжинскому морю, другаго на Авачу, прешьяго на Опалу, а иныхъ къ шѣмъ Камчадаламъ, которые оставя прежнія жилища поселились въ вѣденіи другихъ Россійскихъ остроговъ.

Прежде сего и Курильцы состояли подъ Большерѣцкимъ острогомъ, и туда посылался изъ Большерѣцка зборщикъ, но нынѣ изъ Охотска нарочной присылается. При каждомъ зборщикѣ бываетъ пищикъ, толмачъ, цѣловальникъ, да нѣсколько человекъ служивыхъ людей, которыми казану караулить должно. Ясакъ принимаетъ Комисаръ при всѣхъ объявленныхъ людяхъ къ совѣщу ихъ, которой годенъ или негоденъ, причемъ толмачъ переводитъ что надобно, пищикъ вписываетъ въ шнуровыя книги, и даетъ опись. Ясакъ отдается на руки цѣловальнику, а хранится за егою и за Комисарскою печатями. И сіе о всѣхъ Комисарахъ разумѣть должно.

Къ верхнему Камчатскому острогу, котораго вѣдомство отъ вершины Камчатки до Вышылгиной рѣчки, по берегу Пенжинскаго моря отъ Компановой на сѣверъ до рѣки Коврана, а по берегу Восточнаго моря отъ Кроноцкаго носу на югъ до Шипунскаго острожку простирается, принадлежатъ слѣдующіе острожки.

По

	ОСОБЫЕ МЯСЦА	ЛЮДЕЙ МЯСЦА	ЧИСЛО ЛЮДЕЙ
По рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до Вышылгиной рѣчки			
1) Чаничевъ острогъ, Тоюнъ въ немъ Ганала, ясачныхъ - - -	37	57	94
2) Иромлинъ, Тоюнъ Шипкамакъ, ясачныхъ - - -	19	24	43
3) Машуринъ, Тоюнъ Начика Машуринъ	84	70	15
4) Шапинъ или Шепенъ лучшей му- жикъ Начика, людей - -	8	5	13
5) Тулуачъ Тоюнъ Каначъ Кукинъ, ясачныхъ - - -	3	9	12
6) Козыревской, Тоюнъ Накша, яса- чныхъ - - -	5	9	14
7) Вышылгинской, лучшей мужикъ Быргачъ, ясачныхъ - -	4	2	6
По Пенжинскому морю отъ Компано- вой рѣки до Коврана			
8) Компаковской, Тоюнъ Акешъ, яса- чныхъ - - -	11	42	53
9) Крушогоровской, Тоюнъ новокре- щенъ Иванъ Павлушской -	11	30	41
10) Оглуземинской, Тоюнъ новокре- щенъ Иванъ Отласовъ, ясачныхъ	15	34	49
11) Ичинской, въ немъ Тоюнъ Ты- нешка, ясачныхъ - - -	23	61	84
12) Сопонной, Тоюнъ Тоначь, яса- чныхъ - - -	14	36	50
13) Морощечной, Тоюнъ Вайхо, яса- чныхъ - - -	3	10	13
			14)

Ю 3

	Въ горѣ- цѣхъ	Сколько лики	Длины лики	Число людей
14) Бѣлоголовой, Тоіонѣ Таря, ясач- ныхъ	-	11	33	44
15) Быстрой рѣки острожекѣ, Тоіонѣ Хомлишѣ, ясачныхъ	-	10	26	36
16) Харіузовской, Тоіонѣ Брюмча, яса- чныхъ	-	16	34	50
17) Ковранской, Тоіонѣ Игинякѣ, яса- чныхъ	-	6	20	33
По бѣрегу Баброваго моря,				
18) Кронюцкаго острожку, что въ гу- бѣ, Тоіонѣ Гашалья, ясачныхъ	6	8	30	44
19) Усть-Кронюцкаго острожку Тоіонѣ Брючѣ, ясачныхъ	1	2	6	9
20) Кемшча острожка у Тоіона Ижурѣ	5		15	20
21) Шемячинскаго острожка у Тоіона Тенивы	1	1	12	14
22) Березовскаго острожку у Тоіона Тукача	1	1	12	14
23) Жупановскаго острожка у Тоіона Пишкаля	2	4	12	18
24) Калигарскаго острожка у Тоіона Кужаки	1	2	8	11
25) Островной рѣки у Вахила въ острож- кѣ		9		9
26) Тойже Островной рѣки на мор- скомъ острову у Тоіона Аначи	9	1	35	45
				27)

	Всего людей	Сколько из них	Лично из них	Число людей
27) Шипунскаго острожка у Тоюна Кушуги - - - - -	1		10	11
Да сверхъ того ясачныхъ Корякъ , которые живутъ на Авачѣ - - -		3	9	12
И того въ 27 острожкахъ, подсудныхъ верхнему Камчатскому острогу	27	302	651	982

За ясакомъ въ помянутые острожки обыкновенно посылавались по три зборщика, одинъ на Бобровое, другой на Пенжинское море, а шретей по рѣкѣ Камчаткѣ : но нынѣ присылаемые изъ Охотска зборщики иногда по всѣмъ мѣстамъ сами ясакъ збирають , а отъ себя уже посылають токмо за недоборомъ.

Къ Нижношантальскому острогу принадлежатъ слѣдующіе иноземскіе острожки.
По рѣкѣ Камчаткѣ

	Сколько людей	Лично из них	Число людей
1) Усть-Камчатской , Тоюнъ Тавачъ, ясачныхъ - - - - -	15	77	92
2) На озерѣ Колко-кро , Тоюнъ Нама- харучъ , ясачныхъ - - - - -	2	12	14
3) Шантальской , Тоюнъ Тумучъ, яса- чныхъ - - - - -	5	26	31

4)

	СКОЛЬ- КИ	ЛЮДЕЙ	ЧИСЛО ЛЮДЕЙ
4) Хапичинской, Тоюнь Лемшинга, яса- чныхъ - - - -	9	13	32
5) Пеучевъ или Шваноломъ , Тоюнь Камакъ , ясачныхъ - -	17	85	102
6) Щечкинъ, Тоюнь щечка, ясачныхъ	9	15	24
7) Каменной , Тоюнь новокрещеной Иванъ Карбагановъ , ясачныхъ -	6	63	69
8) Ключевской, Тоюнь Ликочъ, ясачныхъ	11	34	45
9) Каначевъ, Тоюнь Налачъ, ясачныхъ	12	39	51
10) Ишашелевъ , Тоюнь Ишашель, яса- чныхъ - - - -	17	27	44
По рѣкѣ Еловкѣ			
11) Усть - Еловской или Коаннимъ Тоюнь Степанъ Харчинъ -	4	11	15
12) Верхо-Еловской, Тоюнь Тавачъ Тени- винъ , ясачныхъ - - - -	40	77	77
По берегу Восточнаго моря			
13) Столбовской, Тоюнь Чегага, ясачныхъ	4	19	23
14) Укинской, Тоюнь Коричъ, ясачныхъ	9	15	24
15) Пильченгыдыпъ, онъ же и Маймлян- ской, Тоюнь Начика , ясачныхъ	8	24	32
16) Уакамелянъ , онъ же и Кахтанской, Тоюнь Холюли , ясачныхъ Корякъ	4	15	9
17) Русаковъ, Тоюнь Куму - -	2	21	23
18) Острожекъ на усть - губы, Тоюнь Камакъ, ясачныхъ - - - -	2	28	30
			19)

	КНИЖЕКЪ КОЛОДЦА	Листовъ КНИЖЕКЪ	Копейки Листовъ
19) Юнгинъ, Тоюнъ Умьсучкинъ, ясачныхъ		25	35
20) Карагинской, Тоюнъ Кумлю, ясачныхъ		20	20
21) На Карагинскомъ морскомъ острову Тоюнъ Таша, ясачныхъ		30	30
и всего	176	636	812
По берегу Пенжинскаго моря,			
22) Тигильской, Тоюнъ Пейвевъ, ясачныхъ	31	61	92
23) Напанской, Тоюнъ Хошкамакъ, ясачныхъ	8	26	34
24) Аманинской, Тоюнъ Ляля, ясачныхъ	1	18	19
25) Ушколошской, Тоюнъ ЛяляКамаковъ, ясачныхъ	5	22	27
26) Ваемпальской, Тоюнъ Унепоха, ясачныхъ	21	59	80
27) Кахтанской, Тоюнъ Кулу Нимгыишъ, ясачныхъ	4	30	34
28) Верхней Паланской, Тоюнъ Амгаль, ясачныхъ	1	16	17
29) Средней Паланской, Тоюнъ Амриль, ясачныхъ	7	15	22
30) Нижней Паланской, Тоюнъ Камакъ, ясачныхъ	4	30	34
31) Лѣсной, Тоюнъ Келлахъ, ясачныхъ	1	37	38
32) Подкагирной, Тоюнъ Томтиргинъ, ясачныхъ	2	33	35
Всего нижняго Камчатскаго острога въ 32 подсудныхъ острожкахъ		254983	1237
Томъ II	Я		38

За ясакомъ въ помянутые острожки посылаются по трое зборщиковъ, одинъ на Тигиль, другій на Уку, третей на Карагинской островъ: а живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ, яко подгородные, сами съ ясакомъ въ острогъ прѣвѣжаютъ, которой отъ Комисара принимается.

Всѣхъ Камчатскихъ остроговъ ясашной зборъ съ 2716 душъ состоитъ изъ 34 бобровъ и кошкоковъ, изъ 17 сороковъ 26 соболей, и изъ 1962 лисицъ, къ которому надлежитъ еще присовокупить до 100 напримѣръ бобровъ съ островныхъ и живущихъ на Лопашкѣ Курильцовъ, котораго збору по шамошней цѣнѣ можно положить на 10000 рублей, шѣмъ наипаче, что иногда вмѣсто красныхъ лисицъ приносятся въ ясакъ соболи, сиводушки, чернобурья, крещовки; а гдѣ бобры ловаются, шамъ и бобры или кошкоки; а по Иркутской цѣнѣ вдвое или выше.

По ясачномъ зборѣ главной казенной шамошней доходъ отъ винной продажи, котораго будетъ до шрехъ или 4000. Подушнаго збору, съ казачьихъ дѣшей малое число, а другихъ казенныхъ доходовъ никакихъ при мнѣ не было, ибо съ купечества десятая выдѣляется въ Охотскомъ острогѣ. Но можеть быть нынѣ казенные оные доходы умножились отдачею на ошкупъ Берингова и другихъ острововъ, гдѣ бобры промышляются.

ГЛАВА

ГЛАВА 8.
о купечествѣ.

Каково было на Камчаткѣ купечество * съ начала ея покоренія, коимъ образомъ оно состояло за одними прикащиками и за служивыми, которые изъ Ядупска присылались за ясачнымъ зборомъ, и какъ у служивыхъ шоргъ бывалъ съ Камчадалами, оное уже изъ вышеписаннаго явствуетъ, а здѣсь должно объявить особливо о томъ, съ котораго времени начали прѣбывать купцы настояще, какіе товары въ тѣхъ мѣстахъ похожи, и какова прибыль отъ шамоннаго шоргу.

Хотя мѣлочники вѣждали на Камчатку при зборщикахъ и съ самаго покоренія Камчатки, однако ихъ за купцовъ почитать нельзя, для того что они не столько пеклись о купечествѣ, сколько о службѣ, которую и на ряду съ Казаками служили, а часто и команду получали надъ ними отъ прикащиковъ; особливо же что никто почти изъ нихъ не желалъ казакомъ не быть, которое однакожъ щастіе случалось

Я 2 не

* Нѣкоторые объявляютъ, яко бы купечество было и у Камчадаловъ съ Японцами еще ста за полшара лѣтъ, и будто Японцы мѣняли имъ на мажкую рухлядь всакіе желѣзные и мѣдные инструмены, особливо ножи и иглы. Но хотя бы то была и правда, однако купечества ихъ купечествомъ почестъ не можно: ибо при томъ сказываютъ, что Японцы шюкию тогда съ ними шорговали, когда ихъ заносило къ тѣмъ мѣстамъ погодою. Напротивъ того иные объявляютъ, якобы Японскія бусы два раза приходили съ шоргомъ въ Большеребцкое устье; однако все сіе требуетъ подтвержденія. Сие можно сказать за истинну, что у Камчадаловъ ни между собою, ни съ сосѣднимъ шоргу не было. Ибожъ до Японцовъ касается, то оны прѣбывали на островахъ Курильскіе, и на рѣзныя вещи вымѣнивали у нихъ мажкую рухлядь и орлиное перье, какъ выше о Курилахъ показано.

не всякому; ибо большая часть, не взирая на военную службу, остались подъ именемъ посадскихъ, и при первой ревизіи въ подушной окладъ положены, какъ тамошніе настояще жили. Уповательно, что тогда изъ столь отдаленнаго, новаго и малолюднаго мѣста никого вывозить не вѣрно было.

Настоящихъ купцовъ прикащики съ довольнымъ числомъ шоваровъ начали прѣвѣжать сперва въ Охоцкъ, а по томъ и на Камчатку, въ то время, какъ вторая Камчатская Экспедиція въ оныя мѣста переѣхала, при которой, въ разсужденіи многолюдства, былъ великой расходъ шоварамъ, и столь съ великою ихъ прибылью, что нѣкоторые мѣлочники, которые изъ Россіи пришли на судахъ въ работѣ, въ шесть или семь лѣтъ здѣлались такими купцами, у которыхъ торгу до 15000 и болѣе. Напротивъ того нѣкоторые ошъ чрезвычайной оной прибыли и свое потеряли, не хотѣя скоро выѣхать, и желая больше обогатиться. Между тѣмъ вдавшись въ роскоши, и несмѣя своимъ хозяевамъ явиться, тамъ было и поселились, уповая что и ихъ, такъ какъ вышепоказанныхъ защититъ ошъ вывоза въ свои мѣста дальнее разстояніе и малолюдство Камчатскихъ обывателей: однако въ томъ ошиблись къ немалой пользѣ купцовъ, которые посылаютъ въ тѣ мѣста прикащиковъ.

Но съ Камчатскою Экспедиціею былъ у купечества весьма другой торгъ въ разсужденіи Камчатскаго: ибо всѣ бывше при оной, жалованные люди, покупали шовары на наличныя деньги, а Камчатскимъ обывателямъ принуждены они все отдавать въ долгъ,

и

и ждашь, пока они зимою изъ Орды возвратятся. Тогда берущь у нихъ за товары свои мягкою рухлядью по шамошной цѣнѣ съ презрѣдною прибылью, такъ что хоша почти всѣ купцы выѣзжаютъ съ Камчатки, оставя по нѣскольку сошъ долгу безнадежнаго, однако барыша вывозящъ по самой малой мѣрѣ въ двое или въ шрое. Ежели же взять въ разсужденіе мѣну Камчатскихъ товаровъ на Китайскіе, то за всѣми проторями, которымъ по дальности разстоянія, по трудности проѣздовъ, по дороговизнѣ найму подводъ и своего содержанія весьма знатнымъ бытъ должно, безъ ошибки можно получить по четыре тысячи на тысячу, какъ изъ нижеписаннаго можно будещъ яснѣя видѣшь. Но такую прибыль отъ большой части получаютъ купцы, которые не свыше года живутъ въ Камчаткѣ; въ противномъ случаѣ не малой ущербъ претерпѣваютъ. Прищина тому: 1) что они съ проѣзду распродаютъ, какъ можно, всѣ свои товары и вещи, не жалѣя и плащя, льстясь на дороговизну; а сами остаются ни съ чемъ, упоая на скорой выѣздѣ. А когда остаются за какимъ препятствіемъ въ другой годъ, тогда нужные себѣ товары принуждены перекупать между собою двойною цѣною; 2) что мягкая рухлядь чемъ болѣе лежитъ, тѣмъ болѣе оцѣняется, а слѣдовательно теряеть свою доброту и цѣну; 3) что лежащіе товары никакой имъ не приносятъ прибыли; а о скукѣ необыкновенному къ шамошнымъ мѣстамъ, о бѣдномъ, но дорогомъ пропитаніи, о найму кварширѣ и кладовыхъ анбаровъ, и о другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ и упомина-

нашь нѣчего; что все въ случаѣ скорого выѣзду избѣгаешся.

Похожіе на Камчаткѣ шовары отчасти Россійскіе или вообще Европейскіе, отчасти Сибирскіе, Бухарскіе и Калмыцкіе, а отчасти Коряцкіе изъ Анадырска. Изъ Европы идущѣ туда сукна цѣвнныя недорогой цѣвны, холстѣ, пещредѣ, шамедѣ, Усолюскіе ножи, всякая обувь, кошорая въ Казанѣ или въ Тобольскѣ закупается, плашки шелковыя и бумажныя, вино красное, шокмо помалу, сахарѣ леденецѣ и бѣлой, шабакѣ листовою, всякія серебряныя мѣлочы и нѣсколькы позуменшу, также зеркала, гребны, проныски и бисерѣ. Изъ Сибири желѣзная и мѣдная посуда, желѣзо полосное и дѣланное въ разные инструменшы, какѣ напрымѣрѣ: ножи, шопоры, клепешныя зубкы и огнива. Отшудажѣ возятѣ воскѣ, соль, пеньку и пряжу на сѣшы, приятнѣйшіе шамошніе шовары; а сверхѣ того лосину дѣланую, хрящѣ и сермяжныя сукна. Изъ Бухаріи и Калмыцкой земли выбойкы, чалдары, зедени и другіе Еркецкіе шовары. Изъ Кишай голи, полуголи и другія симѣ пѣдобныя машеріи, фанзы, лены кишайка, шелкѣ, Кишайской шабакѣ, Кишайскіе королькы, иглы, кошорыя Россійскимѣ предпочитаются, и другія мѣлочы. Изъ Корякѣ гарно, то есть всякія дѣланыя и недѣланыя олениы кошы, кошорыя лучшей шамошной шоварѣ соспавляютѣ, и кошорымѣ много рощходу: ибо другихѣ шоваровѣ надобно привозитѣ смощря по шамошнему мѣсту умѣренно, ежели кшо ихѣ желаетѣ продатѣ хорошею цѣвною. Въ прошивномѣ случаѣ не смощря на дешевизну шоваровѣ залежатѣся могушѣ

могутъ, для того что купить будешь нѣкому: ибо шамошнѣ посадскіе о торгу не стараются, и при отбѣздахъ купцовъ остальныхъ товаровъ не скупаютъ, чтобъ со временемъ съ барышомъ продать, хотя могли бы отъ того получать и не мало прибыли. Для того что Камчатскіе жители, будшобы послѣдую Камчадаламъ, по большей части такъ поступаютъ, что ничего себѣ не покупаютъ, въ чемъ не имѣютъ нужды, какою бы дешевою цѣною товаръ отдаванъ ни былъ; а буде шотже товаръ понадобится послѣ, то у своей братьи или покупаютъ, или вымѣниваютъ четверною или пятерною цѣною.

По какой цѣнѣ привозные товары продаются, онаго для вышепоказанной причины шочно объявить не лзя. Токмо можно вообще сказать, что товаръ осенью всякой, когда купцы прѣвѣжаютъ, и когда бываетъ какъ бы ярманка, продается дешевле; а къ веснѣ, когда товары разходящя, дороже. Но чтобъ прибыль, которую купцы получаютъ, изъяснить нѣкоторымъ образомъ, то сообщу я здѣсь роспись нѣкоторымъ товарамъ по цѣнѣ посредственно, какъ покупной, такъ и продажной:

	цѣна покупная		цѣна продажная	
	рубли	копейки	рубли	копейки
Заморская полошная аршинъ	1	-	2-3	-
Сермяжного сукна аршинъ	-	12	-	50-60
Чулки шерстяные синіе	-	25	1	-
- - - - - бѣлые	-	20	1	-

Рускова

А

	цѣна покупная		цѣна продажная	
	рубль	копейки	рубль	копейки
Рускова холста	-	-	-	-
аршинъ - -	-	4-5	-	25-30
Кишайки конецъ -	-	40-50	1½-2	-
Голи косякъ -	10	-	20-25	-
Полуголи - -	5	-	10-12	-
Семиланной камки -	3	-	5-6	-
Шелку гинь -	3-4	-	10-12	-
Сшамеду Кишайскова	-	-	-	-
конецъ - -	-	50	2	-
Фанзы конецъ -	3-4	-	8	-
Сапоги - -	-	60-80	3	-
Бухарской выбойки ко-	-	-	-	-
нецъ - -	3-	-	7-8	-
Калмыцкой выбойки	-	40	1-1½	-
Олова вѣ дѣлѣ фунтъ	-	25	1	80
Мѣдь вѣ кошлахъ -	-	35	1	20
Желѣзная сковорода	-	15	1	-
Топорь - -	-	15-20	1	-
Усольской ножъ -	-	12-15	1	-
Якутской ножъ -	-	5	-	20-30
Огниво - -	-	5	-	25
Мѣлкова бисеру на-	-	15	1	-
Корольковъ сто -	-	25	1	-
Табаку Черкаскаго фун.	-	10	1-	80
Муки ржаной пудъ	-	25	4-8	-
Сала шопленого пудъ	1	80	4-5	-
Масла коровья пудъ	1	20	6-8	-
Воску пудъ - -	-	-	20-60	-
Ровдуги у Корякъ -	-	50	1-1-	50
Пыжики - -	1	-	2	-

А всякаго шовару разходишся на Камчаткѣ по привозной цѣнѣ штысячь на десячь , по продажной штысячь на штридцать или на сорокѣ; а на Кяхтѣ получается по малой мѣрѣ двойная прибыль. И ежели которому купцу случишся въ годѣ на Камчаткѣ и на Кяхтѣ, когда позволяешся, или въ Иркутскѣ исторговашся, шо сей торгѣ не можно почѣсть неприбыточнымѣ для купечества.

Вывозные съ Камчатки шовары состоятъ въ одной мяхой рухляди, а имянно: въ морскихѣ бобрахѣ, соболяхѣ, лисицахѣ и маломѣ числѣ выдрѣ. И понеже прежде сего денегѣ на Камчаткѣ не бывало , но все покунали на мягкую рухлядь, а деньги всшупили не весьма давно; шого ради шамошнѣе жишели обыкновенно шоргуютъ шовары на лисицы, которыя у нихѣ за рубль почитались: однако отдаютъ деньгами или и лисицами, шокмо уже не по рублю лисицу, но по чему когда цѣна состоитѣ. Съ вывозныхѣ шоваровѣ въ Охотскѣ берешся десяшая пошлина, да за провозѣ по одному соболю съ сорока, и шого по пяши звѣрей съ сорока.

ГЛАВА 9.

О разныхѣ дорогахѣ, которыми изѣ Якушка на Камчатку вѣдять.

Хотя оразныхѣ дорогахѣ на Камчатку пишашъ и вѣшъ: нужды, для шого что ныня нынѣ почти вовсе оставлены ; но довольно объявишъ о пробѣжихѣ дорогахѣ, которыми обыкновенно вѣдять: одна-

Томъ II.

© 1800 by Google

ко любопытной чипашель и шого не почтеть за излишество, когда о всѣхъ порознь объявлено будетъ, шѣмъ наипаче, что такое описаніе имѣеть служить къ изясненію, какія въ шѣхъ мѣстахъ Россійскія поселенія, сколько къ которому зимовью или острогу приписано ясачныхъ, и какого народа, сколько съ нихъ ясаку и аманашовъ биралось, и по сколько человекъ носылалось изъ Якутска служивыхъ: особливо же съ какою трудностію, и съ какимъ продолженіемъ времени ясачнымъ зборщикамъ на Камчатку ходить должно было, хотя бы и отъ непріятельскихъ людей не было имъ тогда въ дорогѣ опасности; ибо они и безъ шого неизбѣжныхъ имѣли непріятелей голодъ и холодъ, которые ихъ часто губили. А что сіе правда, оное всякому легко разсудить можно, что казаки хаживали шѣмъ пушемъ шокмо въ зимнее время. Скарбъ аммуницію и потребное къ пропитанію хаживали на нарцахъ чрезъ значное разстояніе самыми дикими, пустыми и многимъ ужаснымъ вьюгамъ подверженными мѣстами, отъ которыхъ по нѣсколько времени обыкновенно стоятъ на одномъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ не можно не изойти събѣснымъ припасамъ прежде времени. Тогда сыромятнымъ сумамъ, ремнямъ, обуви, особливо же подошвамъ расходъ бываетъ, которыя они пожара на огнѣ употребляютъ въ виду. Новѣришь почти не можно, чтобъ человекъ дорожной могъ снести холодъ чрезъ 10 или 11 дней; однако въ шѣхъ мѣстахъ никто шому не удивляется, ибо рѣдкой бывають въ шой сторонѣ путь свой безъ оной нужды оканчивають.

Изъ

Изъ Якутска на Камчатку ѡзжали 1) по рѣкѣ Ленѣ внизъ до ея устья, гдѣ она пала въ Ледяное море: отъ устья по Ледяному морю до усть Индигирки и Ковымы рѣки, съ Ковымы сухимъ путемъ чрезъ Анадырскъ до Пенжинскаго или до Олюторскаго моря, а отшуду или байдарами по бнымъ морямъ, или и сухимъ же путемъ. Токмо сія дорога была весьма продолжительна: ибо въ благополучную погоду, когда на морѣ льдовъ не бывало, и при способныхъ вѣтрахъ пребывалось цѣлое лѣшо: въ проливномъ случаѣ кочи, на которыхъ они плавали, часто разбивало, и отъ того бывали они въ пуши года по два и по три. Разстоянія отъ Якутска до усть-Яны 1960 верстъ, а именно отъ Якутска до усть-Виллюйскаго зимовья 351, отшуду до Жиганскаго 465, отъ Жиганскаго до Сиктаускаго 224, отъ Сиктаускаго зимовья до устья Лены рѣки 500, отъ устья Лены до Устьянскаго зимовья 419 верстъ. Сямъ путемъ отъправлялись прежде сего изъ Якутска ясачные зборщики въ три зимовья Индигирскія, въ Алазейское и въ три зимовья Ковымскія: токмо сей путь нынѣ все отставленъ; а сколько съ Ковымы рѣки до Камчатки разстоянія, сколько въ упомянутыя зимовья послалось служивыхъ, сколько къ нимъ ясачныхъ людей приписано было, о томъ ниже сего будетъ объявлено.

Другая дорога все сухимъ путемъ: отъ Якутска ѡзаятъ на Алданскую заставу, съ Алданской заставы въ Верхоянское зимовье, отшуду чрезъ Зашиверское, Уядинское, Алазейское, среднее и нижнее Ковымскія зимовья

зимовья до Анадырскаго острогу, изъ Анадырска въ нижней Камчатской, а изъ нижняго Камчатскаго чрезъ Верхней въ Большерѣцкой острогъ,

Верхоянское зимовье отъ города Якутска въ 554 верстахъ, стойшъ надъ рѣкою Яною впадающею въ Ледяное море, отъ устья въ 310 верстахъ, а конной ѣзды до оной со вьюками пять недѣль. Въ сіе зимовье отправлялось изъ Якутска по бчеловѣкъ служивыхъ, Ясачныхъ приписныхъ къ зимовью Якутокъ 195 человекъ, а ясаку съ нихъ збиралось по 10 сороковъ и по 22 соболя, да по 50 лисицъ красныхъ.

Зашиверское зимовье отъ Верхоянскаго въ 360 верстахъ, стойшъ по правую сторону рѣки Индигирки, которая впадаетъ въ Ледяное море; а конной ѣзды отъ Верхоянска до сего зимовья скорою ѣздою двѣ, а шихою четыре недѣли. Юкагирей приписано къ нему 86 человекъ, а ясаку збиралось по 11 сороковъ соболей и по соболю.

Подшиверное или среднее Индигирское зимовье, которое во описаніи геодезистовъ не упоминается, стойшъ надъ Индигиркою же рѣкою, въ двухъ дняхъ нартыаго ходу отъ Зашиверска. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 32 человекъ, а ясаку збиралось по шести сороковъ по 34 соболя.

Удинское или нижнее Индигирское зимовье стойшъ на устьѣ впадающей въ рѣку Индигирку съ лѣвой стороны Удины рѣки, отъ Зашиверска въ 220 верстахъ; а нартыаго до него ходу пять дней. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 57 человекъ, а ясаку збирается 8 сороковъ 28 соболей.

Во

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ съ 15 человекъ служивыхъ, которые должны были хранишь до нихъ Аманатовъ человекъ съ сорокъ.

Алазенское зимовье стойшь при впадающей въ ледяное море рѣкъ Алазей, въ значномъ отъ устья разстояніи. Мѣрныхъ до онаго верстъ отъ Уяндинска 509, а наршняго ходу три недѣли. Ясаку собиралось шамъ съ Юкагирей по 8 сороковъ и по 1 соболю, да по 20 пластинъ собольихъ. Аманатовъ брано съ нихъ по 6 человекъ, а служивыхъ присылалось по 10 человекъ за зборомъ.

Среднее Ковымское зимовье, стойшь по лѣвую сторону Ковымы рѣки, которая впадаетъ въ Ледяное жъ море. Мѣрныхъ верстъ отъ Алазейска до сего зимовья 103 версты, а ясаку шамъ збиралось съ 25 человекъ Юкагирей пять сороковъ и четыре соболя.

Нижнее Ковымское зимовье стойшь по правую сторону шойже рѣки, въ 442 верстахъ отъ средняго, а наршами доходятъ до него въ три недѣли. Ясаку збиралось шамъ съ 32 человекъ Юкагирей по 8 сороковъ по 17 соболей.

Есть еще и верхнее Ковымское зимовье, покмо въ сторонѣ отъ Камчатской дороги. Оно стойшь выше средняго зимовья въ 4 недѣляхъ наршняго ходу, а ясаку въ немъ сбиралось съ 43 человекъ Юкагирей по 5 сороковъ по 38 соболей.

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ въ 20 человекъ служивыхъ, которые должны были содержать подъ охраненіемъ 25 человекъ аманатовъ.

Анадырской острогѣ стоить по лѣвую сторону впадающей въ помянутоежѣ море рѣки Анадыря, въ 963 верстахъ отъ нижняго Ковымскаго зимовья, а наршами доходящѣ въ шесть недѣль. Ясаку збиралось шамѣ съ 31 человекѣ Юкагирей 78 соболей, да 19 плащинѣ собольихѣ. А сколько Корякѣ оленныхѣ и сидячихѣ ему подсудно, про то извѣстія получить не могѣ, шокмо можно думашѣ, чпо число немалое. Ибо плащашѣ во оной не шокмо Якутскіе и Кашырскіе Коряки, но и живущіе по Олюторскому и Пенжинскому морю до самаго Охотскаго уѣзду.

Отъ Анадырскаго острогу до Нижняго Камчатскаго 1144 версты, а ѣзды на оленяхѣ съ кладью, до Пенжины недѣли съ двѣ, а отшуду по бѣрегу Пенжинскаго моря, и отъ Тигиля черезѣ хребетѣ на Еловку, и по Еловкѣ до Нижняго Камчатскаго острогу недѣли съ двѣ же, или не много больше.

Сею дорогою и понынѣ ѣздящѣ во всѣ объявленныя остроги и зимовья до Анадырска, выключая Камчатку, куда оною, кромѣ курьеровѣ съ нужными и время нешерпящими дѣлами, никого не посылаютѣ.

Третья дорога отъ большѣй части водянымѣ путемѣ. Отъ Якутска внизѣ по Ленѣ до устья рѣки Алдана, которая впадаетѣ въ Лену съ правой стороны по печеню. Алданомѣ вверхѣ до устья пекущей во оной съ правой же стороны рѣки Маи; Маею вверхѣ же до впадающей во оную съ тойже стороны рѣки Юдомы; Юдомою вверхѣ же до шакѣ называемаго Юдомскаго креста; отъ креста сухимѣ путемѣ до Охотска, или шокмо до Урацкаго плодбища, а съ
плодбища

плодбища внизъ по Ураку до Ламскаго моря, моремъ до Охотскаго порта. Изъ Охотска на морскихъ судахъ моремъ до Большой рѣки, или сухимъ путемъ вокругъ губы Пенжинской; которая однако дорога недавно проложена, и ради немирныхъ Корякъ опасна, какъ уже въ первой части упомянуто. Но отъ Якушка до Юдомскаго креста, и по Ураку водою не ѣздящъ шамошнѣ обыватели, для того что путь оной шруденъ и весьма продолжителенъ. За щастіе считается, естли суда однимъ лѣшомъ до Креста дойдуть: и для того помянутыми рѣками почти одна только Камчатская экспедиція перевозила на судахъ провіантъ и шажести. А по Ураку никтожъ судами не плавалъ кромѣ объявленной экспедиціи, для великихъ можетъ быть и опасныхъ пороговъ.

Четвертая, и какъ бы пробѣгая дорога, кошорою въ лѣшнее время всякъ ѣздитъ, лежишь чрезъ горы; и понеже мнѣ самому оною ѣхать случилось, по я сообщу описаніе моего пути, которое въ разсужденіи пополненія нашихъ ландкартъ не бесполезно быть имѣетъ, шѣмъ наипаче, что въ нашихъ картахъ не токмо малыя рѣчки, но почти всѣ знатныя рѣки по той дорогѣ опущены, каковы на примѣръ Амга, Бѣлая, Юна, Юнаканъ и прочая.

Отъ города Якушка плавають судами до урочища называемаго Ярманка, которое отъ города въ 10 верстахъ, противъ лежащаго на Ленѣ острова Медвѣжья, а по Якушки Еселяла. Ярмонкою она можетъ быть для того называется, что лѣшнимъ временемъ случается шамъ не мало людей отправляющихся въ Охотскъ

Охотскѣ, которые шамъ стоятъ по вѣскольку дней и въ дорогу отправляются., то есть вывязываютъ лошадей, готовятъ вѣюки, и разравниваютъ побочни, чтобъ каждой былъ въ полтретья пуда: ибо вѣшная лошадь болѣе пяти пудъ глухой кладн рѣдко возитъ, выключая, что наверхъ вѣскольцо запасу или другой мѣлочи кладется, что называется прикладкою. Впрочемъ помянутая Ярманка пустое мѣсто.

Отъ Ярманки первое значное урочище Кумахтай Хоршыга, то есть Песчаной взвозъ или вземъ, на верху котораго по деревьямъ навѣшено отъ Якушовъ множество волосовъ лошадиныхъ въ подарокъ мѣсту оному, чтобъ имъ и подвигаться и опускаться безопасно было; а разстоянія отъ Ярманки до сего мѣста версты съ три. Между вземомъ и Ярмонкою по лѣвую сторону дороги есть озеро по Якутски Намшага, которое въ округъ версты на двѣ.

По томъ слѣдуетъ Булгунняхтахъ пригорокъ, Олонгъ озерко, Букулугъ, Есѣ Елбютъ, Усунь-Ергъ и Сютюръ Долгота пустоши, между которыми урочищами не больше какъ по верстѣ разстоянія. На послѣдней пустоши имѣли мы первой свой наслѣгъ поѣхавъ отъ Ярманки.

Слѣдующаго дня переѣзжали рѣку Солу, которая въ верстѣ была отъ нашего стану. Вершины ея верстахъ во 100 изъ хребта, а устье, гдѣ пала въ Лену, верстахъ въ 6 отъ переѣзду. Лошадей кормили при Кушчугуй Тылгыяхтакъ озеркѣ, между которыми и рѣчкою Солою нижеслѣдующія урочища: Кушердякъ и Урасагагъ пустоши, Олбушъ озеро, Мигу.

огурше пустошь, Кайгарамаръ и Улаханъ Тылгыях-такъ озера. Всѣ помянутыя урочища почти въ равномъ между собою разстояніи, а всего отъ Солы до кормовища верствъ съ 11.

Тогоже дня проѣхали мы Барыніакшакъ, Сыгын-нахъ, Коромокъ и Конмороръ пустоши, а ночевали при озерѣ Урюнъ-хамусъ (бѣлой камышъ) называемомъ, которое отъ кормовища верстахъ въ 13. Близъ помянушаго озера по лѣвую сторону дороги живущъ Якушы, которые поселены тамъ въ 1735 году для содержанія ямской станціи.

На другой день поѣхавъ Хашыли и Чупчулагъ озера кормили лошадей при Арылакъ (островистомъ) озерѣ, которое въ длину отъ запада къ востоку версты на три простирается, а въ ширину отъ одной версты до полушоры; а шрешей наслѣгъ имѣли при озеркѣ Талба, гдѣ Якушы содержатъ станцію. Между кормовищемъ и наслѣгомъ были урочища Кордигенъ и Куччугуй Нарыгана озера, первое по правую а другое по лѣвую сторону дороги, одно прошивъ другаго, по томъ Улаханъ Носраганъ немалое озеро, въ котораго верхней конецъ пала рѣчка Тангага текущая изъ хребта верствъ за 40. Мы вверхъ по сей рѣчкѣ слѣдуя переѣзжали рѣчку Кулулджу, которая впала съ сѣверной стороны въ Тангагу близъ переѣзду, отъ устья ея въ 4 верстахъ, да проѣхали Кышшагай, Сынгасалакъ и Бишшагай озера, изъ которыхъ первое отъ рѣчки Кулулджу верстахъ въ 4, второе отъ перваго въ 5, а шрешіе отъ втораго верстахъ въ 4. За версту до Бишшагай озера переѣха-

Томъ II.

У

ли

ли мы на другую сторону Тангаги рѣчки, а Талба озеро, гдѣ ночевали отъ переѣзду въ полушорѣ, а отъ Бишшига озера въ одной верстѣ. Всего объявленнаго дня переѣхали мы верстѣ съ 30.

Отъ озера Талбы слѣдуютъ озеркижѣ-Кылѣ Са-рыннакъ въ 7 верстахъ, Кучугуй Бахалджима въ 3, Улаханѣ Бахалджима въ 2 верстахъ, и всѣ оспаюшся вправѣ. Отъ послѣдняго озера верстѣ въ полушорѣ подвимающся на хребетѣ, а по другую его сторону проѣзжаютъ пустоши Кубалагѣ, Кейнду, Намчаганѣ, Курдюгень да Сахагай озеро, при которомъ лошадей кормятъ. Всего отъ озера Талбы до Сахагай верстѣ съ 20. По полудни проѣхали мы Чабынчай, при Бысыкшака, Ханчалу и Ала-атбага (пѣгой лошади голова) озера, изъ которыхъ надъ послѣднимъ учрежденъ ямской станокъ, которой Якушы содержатъ. Тутъ мы насѣгѣ имѣли. Всѣ помянутыя озерки были по правую сторону дороги, а разстоянія отъ кормовища до сего станка съ 13 верстѣ.

Отъ-Ала-отъ-баги верстахъ въ 2 слѣдуютъ два озера Вуердашы одно близъ другаго, отъ нихъ въ верстѣ Егдегасъ озеро, а верстѣ въ полушорѣ Кокора рѣчка, которая отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней прѣѣхали, въ 22 верстахъ въ рѣчку Тамшѣ впадала по теченію съ лѣвой стороны. Мы въ низъ по ней ѣхали до ея устья, а на ономъ разстояніи ниже слѣдующія урочища; Огусѣ баса (бычья голова озеро) Кабычма пустошь Кущугуй и Улаханѣ Кыллагѣ озера, Улусѣ Исѣ и Кураннакъ-аласѣ пустоши, депчимѣй, Лумпарыкѣ; Урасалакъ, Куагалы и Чиранчи озера.

озера. За версту не добъжая до послѣдняго озера при помянутой Кокорѣ рѣчкѣ есть Ташская станція, гдѣ обыкновенно лошадей берутъ, и отправляютъ на Бѣловскую переправу для перемѣны шѣхъ, которые везли отъ Якушка, да закупаютъ скотъ на пропитаніе въ пустыхъ мѣстахъ, которой съ собою гоняютъ, и когда нужда потребуетъ, то убиваютъ оной дорожные поочередно, дѣлятъ на всю свишу по равнымъ частямъ, и запекши довольствуются, пока изойдетъ. Впрочемъ стараются, чтобъ скотъ былъ небольшой, чтобъ мяса доставалось не помногу на человѣка; въ противномъ случаѣ и на жареное нападаютъ черви. На помянутую станцію посылается изъ Якушка служивой, а разстояніемъ она отъ того мѣста, гдѣ мы къ Кокорѣ прѣѣхали, верстахъ въ 15.

Переночевавъ на объявленной станціи, пославъ въ передъ подводы на перемѣну Якушскимъ къ рѣкѣ Алдану, и исправя все потребное, отправились мы въ путь нашъ, и ѣхали мимо озеръ Имиште и Талбакана, отъ котораго устье рѣчки Кокоры, гдѣ въ Ташшу пала, было въ виду, на примѣръ верстъ въ полшрешѣ по правую сторону дороги: мимо озера Менга-аласа и чрезъ пустоши Каракакъ, Тишикшякъ, Туара-сысы Вулгунякшакъ, до пустоши Твшпяка, на которой при озеркѣ и ночевали, всего разстоянія переѣхали того дня съ 15 верстъ, а дорога отъ самаго Талбакана озера была въ низъ по рѣкѣ Ташшѣ не подалеку отъ оной.

За Тишшякомъ слѣдуютъ Чоарашна, Менне, Курошшокъ, Табалакъ и Сусунъ-сысы пустоши, по

шомъ Тоуля рѣчка, кошорая верстахъ вѣ 4 отъ переѣзду вѣ Тамшу пала, а разстояніа отъ насльгу до переѣзду сей рѣчки сѣ 12 верстѣ.

Вѣ 13 верстахъ отъ Тюули впала вѣ Тамшу сѣ лѣвой же стороны по печенію отъ переѣзду верстахъ вѣ 5 Намгара рѣчка, кошорая вершинами вышла изъ горѣ верстахъ вѣ 60 отъ устья, между помянутыми рѣчками знашныя урочища Кунгай озеро, да при пустоши, изъ которыхъ первая Саадахтакъ, а двѣ ближайшія къ Намгарѣ однимъ именемъ Бишигитше называются.

Отъ Намгары слѣдуюшѣ Нирга озерко да пустоши Тюулюгушше Каялаху, Булгунняктакъ и Таалджиранѣ, при кошорой не доѣжая до рѣки Тамшы за двѣ версты есть Джоксогонская станція, на кошорую служивые изъ Якутска присылаются; помянутая станція отъ Намгары верстахъ вѣ 14. Здѣсь мы ночевали. А лошадей вѣ полдни кормили на Кунгаѣ озерѣ, кошорое отъ Тюули верстахъ вѣ 4.

Отъѣхавъ отъ станціи вышеписанное разстояніе переправлялись мы за рѣчку Тамшу, кошорой устье, гдѣ вѣ рѣку Алданѣ пала, по объявленію тамошнихъ обывашелей, около 160, а вершина около 150 верстѣ отъ переправы. Близъ переправы есть два озерка называемыя Куллау, одно по правую, а другое по лѣвую сторону дороги.

Верстахъ вѣ 4 отъ переправы переѣзжали мы Лебаганю рѣчку, кошорая пала вѣ Тамшу сѣ правой стороны отъ переѣзду около 4 же верстѣ; не доѣжа
жал

жая до ней за версту есть Елєгнїокъ озерко по правую сторону дороги.

Въ полуверстѣ отъ переѣзду Леебаганю переѣзжали мы Бесѣ Урякѣ (Сосновку рѣчку) которая вѣдала во оную съ правой стороны не подалеку отъ переѣзду, а верстахъ въ 5 отъ Сосновки Бадараннакѣ, которой близъ переѣзду палъ съ правой же стороны въ Сосновку рѣчку, отѣхавъ отъ него версты съ 2 прїѣхали къ вершинѣ Бесѣ Уряка, отшуду переправясь за хребетъ на вершину рѣчки Тюгушше, которая отшуду верстахъ въ 30 пала въ Амгу рѣчку по печенію съ лѣвой стороны; а хребтомъ ѣзды было версты съ 3.

Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Тюгушше по лѣвому ея берегу проѣхали въ началѣ озерко Умя, по томъ переѣзжали впадающія въ Тюгушше рѣчки Кыршакѣ, которая отъ вершины Тюгушше верстахъ въ 8 и Быелшыны, до которой отъ Кыршака съ полшрешьи версты. Ночевали у озера Бысышшаки въ 3 верстахъ отъ Быелшыны рѣчки, а лошадей въ полдни кормили при озеркѣ Умя, которое между вершиною Тюгушше и Кыршакомъ рѣчкою на половинѣ.

Отъ Бысышшаку въ двухъ верстахъ переѣзжали мы небольшую рѣчку Бесѣ Урякѣ, которая пала въ Тюгушше съ лѣвой стороны, а въ двухъ же верстахъ отъ Бесѣ Уряку проѣхали Майчарылакѣ озерко, отъ котораго верстахъ въ 5 переѣхавъ рѣчку Тюгушше въ сторону отъ ней поворошили.

Отъ повороту въ верстѣ слѣдуетъ немалое озеро Тегушше, по томъ Тарага, Маралакѣ, Тыгышшы,

другой Маралакъ и Мелкей, изъ которыхъ Тыгышты въ длину отъ S. къ N. верстѣ на 5, а шириною мѣстами на полторы версты, а прочія озера небольшія. Въ полуверстѣ отъ Мелкея слѣдуетъ переправа Амгинская, а всего разстоянія отъ Бысытшаку до Амгинской переправы съ 18 верстѣ; въ прочемъ Тыгышты озеро отъ рѣки Амги не больше версты разстояніемъ, ибо мы отъ него до переправы вверхъ по Амгѣ ѣхали версты съ четыре.

Амга рѣка шириною отъ 40 до 50 сажень, пала въ Алданъ верстахъ во стѣ отъ переправы. Между устьемъ ея и вышеписанной Тапы рѣки считаютъ шамоніе Якуты верстѣ со сто, а по журналу морскихъ служителей, которые по Алдану на судахъ ходили, 119 верстѣ. Сія рѣка особливаго прямѣчанія достойна по тому, что около шѣхъ мѣстѣ издавна поселены пашенные крестьяне, токмо о успѣхѣ пахашнаго дѣла ничего нынѣ не извѣстно; для того что попомки поселенныхъ крестьянѣ не токмо пашню но и Россійской языкѣ позабыли, а на прошивѣ того и обычай и языкѣ отъ Якутовѣ приняли, такъ что ихъ отъ Якутовѣ ни почему распознать нельзя, кромѣ того, что они Христіане. Здѣсь мы за проводниками и за переправою ночевашъ принуждены были.

Переправясь за Амгу ѣхали вверхъ по ней версты съ двѣ до впадающей во оную меньшей рѣчки Оулбуша, въ которую верстахъ въ двухъ же отъ устья пала съ правой стороны Аиспышѣ рѣчка. Оулбушомъ ѣхали мы вверхъ до самой ея вершины, а съ вершины выѣхали на вершиныжъ Чоопчуню рѣчки, и слѣдо-

валя

вали внизъ по ней до рѣчки Ноху, въ которую она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны, расстоянія отъ устья Оулабуша до вершины верстѣ съ 10, отъ вершины ея до вершины жъ Чіопчуню верста, а отъ вершины Чіопчунь до устья, гдѣ въ рѣчку Ноху течетъ верстѣ съ 15.

По рѣчкѣ Чіопчуню слѣдующія значныя урочища: Даркы озерко, сквозь которое она течетъ, Оюнъ озерко по лѣвую ея сторону, Хашъ рѣчка текущая въ нея съ лѣвой же стороны, Табхалакъ и Кушалакъ озерка. Хашъ рѣчка пала въ Чіопчуню вершины за три до ея устья.

Ноху рѣчка вышла изъ хребта, и пала въ Алданъ рѣку. До вершины ея со 120, а до устья верстѣ съ 40 полагается.

Отъ Ноху дорога лежитъ чрезъ хребетъ на 12 верстѣ до рѣчки (Соирданака,) вореней. которая течетъ въ Ноху съ правой стороны, а устье ея ниже переѣзду чрезъ Ноху въ 8 верстахъ.

Верстахъ въ 2 отъ Соирданака течетъ рѣчка Елгей, которая верстахъ въ 19 отъ переѣзду въ помнящую рѣчку Ноху впадаетъ, а до вершины ея считается 20 верстѣ. Здѣсь мы наслегъ имѣли, а лошадей кормили у вышеписаннаго Даркы озерка, сквозь которое рѣчка Чіопчуню течетъ.

Въ верстѣ отъ наслегу пала въ Елгей съ правой стороны Актахачи рѣчка, по которой мы верстѣ съ 8 вверхъ ѣхали; послѣ поворотили къ рѣчкѣ Чипандѣ, которая верстахъ въ 4 отъ повороту; Чипандю ѣхали до рѣчки Алдана, въ которой она устьемъ впадаетъ

впадаетъ съ лѣвой стороны по теченію, а вѣды Чипандою до Алдана было 16 верстѣ, на которомъ разстояніи при озера Билірѣ, Дрюкѣ и Чипанда по тому знашны, что сквозь нихъ течетъ Чипанда рѣчка.

Алданъ великая и судовая рѣка пала въ рѣку Лену съ правой стороны отъ Бельской переправы верстахъ въ 800, а ниже города Якушка верстахъ въ 200 или болѣе.

Перевозашся за Алданъ рѣку судами, и переправа она называешся Бѣльскою, по тому что въ 24 верстахъ выше того мѣста пала въ Алданъ съ правой стороны рѣка Бѣлая, а устье помянутой Чипанды рѣчки ниже переправы въ 8 верстахъ: ибо дорога отъ ея устья до переправы лежитъ вверхъ по Алдану на объявленное разстояніе.

Отъ Ярманки до Бѣльской переправы ѣхали мы больше лѣсами, а лѣсъ листовякъ и березникъ; соснякъ рѣдко попадаетъ по бесѣ уряку и Амгѣ рѣкѣ, а осинникъ примѣченъ токмо по рѣкѣ Егею.

Переправясь за Алданъ и слѣдуя къ рѣкѣ Бѣлой, проѣхали слѣдующія урочища: Чичимыкъ озеро длиною версты на двѣ а шириною на версту, Керэатмѣ рѣчку, которая пала близъ переѣзду въ протоку рѣки Алдана, Оулбушъ рѣчку, которая въ ту же протоку Алдана пала, которою ѣхали вверхъ мимо Тубуляги озерка до ея вершины, а отъ вершины выѣхали на бѣлую рѣку, которая по Якушки Тайдага называется. Она течетъ изъ хребта, въ Алданѣ пала отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней прѣехали, верстахъ въ 20. Отъ переправы до сего мѣста всего разстояніа

дня верстѣ съ 30, а порознь отъ переправы до Чичимыка озера 15, отъ озера до рѣчки Керэ-ашмѣ 5, отъ Керэ-ашма до Оулбуша 1, Оулбушомъ вверхъ до Тюбылагы озера 4, отъ озера до вершины Оулбуша верста, а отъ вершины черезъ хребетъ до рѣчки Бѣлой двѣ версты. Здѣсь ночевали, а лошадей кормили у Чичимыка озера.

Отъ насѣгу путь нашъ былъ вверхъ по рѣкѣ Бѣлой, чрезъ впадающія во оную съ правой стороны по теченію Сасыль, Улакъ и Лебинн рѣчки, у которой мы и ночевали: а лошадей кормили не доходя версты за 3 до рѣчки Улака. Расстоянія отъ насѣгу до рѣчки Сасыла 6, отъ Сасыла до Улака 17, а отъ Улака до Лебинн 3 версты.

Слѣдующаго дня перебрали мы впадающую въ Бѣлую съ тойже стороны Аргаджини рѣчку, которая отъ Лебинн около 7 верстѣ, а лошадей кормили у горы Тыллай хая, то есть вѣтренной камень, которой такъ названъ отъ безпрестанно вѣющаго вокругъ его вѣтру; а расстоянія до него отъ Аргаджини верстѣ съ девять.

Верстахъ въ 5 отъ вѣтреннаго камня начинается Черной лѣсъ, которой верстѣ на 10 простирается. Пробывъ имъ версты съ при ночевали.

На другой день извѣдавъ помянутой лѣсѣ ночевали, для того что за сильными дождемъ до 4 часовъ по полудни съ насѣгу вхашъ не можно было.

Ходжала рѣчка отъ конца Чернаго лѣсу верстахъ въ 5, пала въ Бѣлую по теченію съ лѣвой стороны.

Томъ II.

А а

Въ

Въ 20 верстахъ отъ Хагдаалы шестѣ въ Бѣлую съ тойже стороны Чагдаала рѣчка, по которой мы въ спорону отъ Бѣлой поѣхали.

Бѣдучи вверхъ по Бѣлой переѣзжали ея при разѣ въ первой между рѣчками Улакомъ и Лебини, въ другой не доѣхавъ за двѣ версты до Аргаджикки рѣчки, а въ претей близъ вѣтренаго камня. И понеже тогда льшо было не весьма дождливое, то переѣзды были благополучны, для того что вода шокмо по чрево была лошади; въ противномъ случаѣ по нѣскольку дней бываетъ шамъ прощеною, ибо за чрезвѣрною быстриною рѣки въ малолюдствѣ и на плоскахъ переѣбираешься опасно; для того что стремленіемъ воды нѣсколько верстъ на низъ плыши унесишь. Между швѣ можешь посадишь плыши на каржу или на камень, гдѣ и плышъ разнесетъ, и люди пошнущъ, какія несчастія и при переборѣ на лошадяхъ не однократно случались.

По Бѣлой рѣкѣ лѣсу весьма довольно, а лѣсъ еловой, сосновой, лиственничной и березовой. Много же по ней ерники, шальнику и смородины, а мѣстцами и можжевельнику, особливо ревеня черенковаго шакое изобиліе, будто бы оной нарочно былъ сѣянъ.

Слѣдуя вверхъ по Чагдаалѣ 23 версты на 16 верстахъ надлежало намъ переправляться чрезъ рѣку семь разъ, и для того онаго дня почевали мы у четвертаго переѣзду въ 8¹/₂ верстахъ отъ устья Чагдаалы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили не доѣхавъ за 5 верстъ до Чагдаалы рѣчки.

Отъ

Ошъ седьмого переѣзду въ 15 верстахъ течетъ Юнаканъ рѣка, которая шириною около 30 сажень, а устьемъ пала въ Алданъ рѣку. По сей рѣкѣ ѡхали мы до самой вершины.

Въ 10 верстахъ ошъ того мѣста, гдѣ мы къ рѣкѣ Юнакану прѣхали, течетъ въ Юнаканъ съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, которой Якушы имени не знали, а по ней въ полуверстѣ ошъ устья есть Накипной ледъ Бусъ кюль (льдяное озеро) называемой, которой ни въ какіе лѣшніе жары не таетъ. Оной ледъ находишся между высокими каменными горами, которые по шаманскому Аранцы называются: въ длину простирается оной сажень на полтораства, въ ширину на 80, толщиною четверти на три, а видомъ совсѣмъ походишъ на вешней ледъ, таковъ же синъ, таковъ на поверхности шероховатъ и шаковъ пропороховатъ ошъ солнечнаго зноу. Въ проѣздѣ мимо устья объявленной рѣчки въ самые жары бываешъ холодъ.

На объявленныхъ десяти верстахъ надлежитъ переѣзжать чрезъ Юнаканъ рѣку 8 разъ. Выше послѣдняго переѣзду въ верстѣ раздѣлилась она на двѣ росошины, изъ которыхъ одна съ южно-восточной стороны въ сѣверо западную, а другая съ востоку на западъ простирается. У соединенія росошинъ переѣбравшись за Юнаканъ въ девятой разѣ поѣхали мы по росошинѣ, которая къ западу имѣетъ теченіе, а до вершины ея только было восемь верстъ, однако и на ономъ разстояніи надлежало переѣзжать чрезъ нея три раза.

А а 2

Между

Между устьями сей рѣки и Бѣлой, гдѣ онѣ въ Алданѣ впадаютъ, по описанію морской команды, шокмо прищцашъ одна верста разстоятія.

На вершинахъ объявленной рѣки накормя лошадей, и ѣхавъ чрезъ горы верствъ съ 20 увидѣли паки вышеписанную рѣку Бѣлую, чрезъ которую въ верствѣ ошѣ прїѣзду и перевралялись: а по переправѣ до ѣхавъ до рѣчки Букакана, которая ошѣ переправы въ 3 верстахъ шенетъ въ Бѣлую съ правой стороны, ночевали.

Слѣдующаго дня ошѣѣхавъ вверхъ по Букакану верствъ съ 6, въ сторону ошѣ ней поворотили, и выѣхали на вершину Акыру рѣчки, которая устьемъ впадаетъ въ рѣку Юну верстахъ въ 15, а ошѣ Букакану до вершины ея верствъ съ 8. Ошѣѣхавши внизъ по ней верствъ съ 7 воѣхали въ сторону, и въ 3 верстахъ лошадей кормили: по томъ слѣдуя вверхъ по Юнѣ не въ дальнемъ ошѣ нея разстояніи къ переправѣ прїѣхали, и стояли тамъ для отдыху лошадей цѣлыя сутки, а переправа чрезъ Юну въ 18 верстахъ ошѣ Акыры. Устьемъ она пала въ Алданѣ рѣку.

Тумусакшакъ-кюль (мысовое озеро) по правую сторону дороги ошѣ Юнской переправы въ 3, а ошѣ берегу ея верствъ въ полушорѣ. По томъ слѣдуетъ рѣка Анча почти не меньше Юны, однако въ Юну впадаетъ, ошѣ того мѣста, гдѣ мы къ ней прїѣхали верстахъ въ 5, а ошѣ Тумусакшакъ-кюль 7 верствъ до ней положить можно.

Ошѣ-

Ошѣхавши вверхъ по ней верстѣ съ 8 ночевали. А на другой день, въ 13 верстахъ отъ стану, переѣхавъ Анчурѣ противъ устья впадающей въ оную съ лѣвой стороны рѣчки Темень Юльбюня (верблюжье падалище) называемой, слѣдовали вверхъ по Верблюжей рѣчкѣ, и ошѣхавъ верстѣ съ 10 лошадей кормили, а ночевали на Кучугуй Тарынѣ, то есть малой наледи, которая поперегъ пади сажень на 200, а въ доль сажень на 50 простирается, толщина льда въ поларшина, видъ шаковъ же какъ у Бусь Кіоля, а разстоянія до ней отъ рѣчки Верблюжей верстѣ съ 10.

Въ 5 верстахъ отъ Кучугуй тарына по тойже Верблюжей рѣчкѣ есть другая наледь длиною 7, шириною шрехъ сажень, а въ 10 верстахъ отъ оной шрешья наледь по тойже рѣчкѣ, отъ которой въ 5 верстахъ находящаяся вершины впадающей въ Юдому рѣчки Аканача.

Въ 18 верстахъ отъ вершины рѣки Аканача по лѣвую ея сторону рѣки есть наледь Капишанѣ Тарынѣ называемая, которая въ длину версты на три, а въ ширину на версту простирается. Здѣсь мы стояли цѣлые сутки.

Отъ Капишанѣ Тарына въ 50 верстахъ слѣдуешь наледь же Кемь Тарынѣ, которая и въ длину и въ ширину по одной верстѣ. Не доѣзжая за 20 верстѣ до сей наледи ночевали, а на другой день при наледи лошадей кормили, ночевали же верстахъ въ 8 отъ оной при озерѣ.

По томъ слѣдуютъ такъ называемыя большія и малыя гари, а по Якшуски Кемь-оршѣ, и Кучугуй-оршѣ.

оршѣ. Большія гари продолжаются верстѣ на 5, а малыя верстѣ черезъ 15: разстоянія отъ озера до начала большіхъ гарей 12 верстѣ, а малыя по окончаніи большіхъ начинаются. Между гарями лошадей кормили, а ночевали избѣхавъ малыя гари.

Въ 15 верстахъ отъ малыхъ гарей шестѣ рѣка Юдома, кошорая устьемъ въ Маю рѣку впадаетъ. У переправы чрезъ оную рѣку поставленъ крестъ, по кошорому мѣсто сіе подъ именемъ Юдомскаго креста извѣстно. Строенія по лѣвую сторону рѣки Юдомы двѣ горницы, въ кошорыхъ живали морскіе Офицеры, для пріему и отправления привозимаго изъ Якушка провіанша и для караулу; двѣ юрты, и одна казарма для служителей, 5 анбаровъ, въ кошорыхъ Экспедиціонной провіаншъ складывался; да въ верстѣ ниже креста одна горница, зимовье да одинъ анбаръ для поклажи провіанша Охотской команды.

Выше Юдомскаго креста въ полуверстѣ шестѣ въ Юдому съ лѣвой стороны Ала-агусъ рѣчка, по кошорой мы верстѣ съ 10 избѣхавъ ночевали, а у Юдомскаго креста въ близости корму лошадямъ не было.

Слѣдующаго дня поднялись со стану послѣ полудни, и проѣхавъ озеро Сасъ, которое отъ стану было верстахъ въ 10, оставили Ала агусъ рѣчку, и верстахъ въ 3 отъ Сасъ озера при маленькомъ озеркѣ ночевали.

На другой день пріѣхали мы къ значной рѣкѣ Ураку, кошорая устьемъ пала въ Ламское море, въ 20 верстахъ отъ устья Охошы, какъ въ первой час-
ши

ши объявлено, и слѣдовали внизъ по ней; а вѣды до ней отъ стану было съ 22 вершны.

Въ 5 верстахъ отъ прѣвду къ Ураку пала въ оную съ лѣвой стороны Коршуновкарвчка, противъ устья которой учреждена отъ Охотска застава, гдѣ осматривають всѣхъ въ Охотскѣ а изъ Охотска проѣжающихъ. Здѣсь ночевали.

Отъ заставы въ 16 верстахъ на лѣвой стороне Урака есть урочище Шангина гарь называемое, и зимовье шоготимени, откуду верстахъ въ 14 Урацкое плодбище, гдѣ живали морскіе служители для строевнїя судовъ плоскодонныхъ, на кошорыхъ по рѣкѣ Ураку сплавливають провїантъ Экспедицной до Охотска. Того дня проѣхавъ плодбище ночевали мы на Урочищѣ Коновъ сполбѣ именуемѣ, отъ плодбища въ 5 верстахъ, а лошадей кормили въ 4 верстахъ отъ Шангиной гари

По томъ слѣдуетъ Таланкино зимовье, кошорое стоить на лѣвомъ берегу Урака и Поперешная рѣчка, кошорая пала въ Уракъ съ лѣвой же стороны, а разстоянїя отъ Конова сполба до зимовья 23, а отъ зимовья до Поперешной рѣчки 16 верстѣ. Здѣсь мы ночевали.

Въ 3 верстахъ ниже Поперешной есть на рѣкѣ Уракѣ порогъ, а въ 2 верстахъ ниже порогу поворачивають отъ рѣки Ураку въ сторону.

Бдучи по сей рѣкѣ пять разъ чрезъ оную переѣжали. Первой бродъ у самаго прѣвду къ ней, другой верстахъ въ 6 ниже Коршуновской, заставы прешей въ 4 верстахъ ниже Шангиной гари, четвертой

не

не доѣжая версты за три до Таланкина зимовья, а пяшой въ верстѣ ниже порогу.

Отѣхавши горами отъ Ураку рѣчки верстѣ съ 13 прѣехали къ рѣкѣ Блудной, которая верстахъ въ 30 отъ того мѣста въ Уракѣ пала по теченію съ правой стороны. Здѣсь ночевали.

Луктурѣ рѣчка отъ стану верстахъ въ 16 пала въ Блудную близъ переѣзду съ правой стороны по теченію.

Боброво поле отъ рѣчки Луктура верстахъ въ 9, а отъ устья Блудной рѣчки, гдѣ Уракѣ пала, верстахъ въ 2, длиною версты на двѣ, которое прѣехавъ паки прибыли къ рѣкѣ Ураку, и въ пяшой разѣ чрезъ оную перебирались, отъ Боброва поля въ 5 верстахъ: на конецъ въ 3 верстахъ отъ броду прочь отъ ней поворошили, и на поворошѣ наслѣгѣ имѣли.

Въ 12 верстахъ отъ поворошу слѣдуетъ рѣчка Поперешная, которая верстахъ въ 30 отъ переѣзду въ Джолоконѣ пала.

Ночевавъ на Поперечной слѣдующаго дня переѣжали рѣчку Мешу, которая близъ переѣзду въ рѣку Охоту пала, по теченію съ правой стороны. Оттуда ѣхали мы внизъ по Охотѣ до стараго Охошскаго острогу чрезъ Джолоконѣ и Амунку рѣчку. Ночевали въ старомъ острогѣ, а лошадей кормили близъ рѣчки Мешы. Расстоянія отъ Поперешной до Мешы 10, отъ Мешы до Джолокону 15, отъ Джолокону до Амунки столько же, а отъ Амунки до стараго острога одна верста.

Въ Старомъ острогѣ было въ то время строенія
только

шолько при избы, а стоялъ онъ надъ прошкокою Амунки рѣчки, чрезъ которую шамъ слѣдуя къ порту и перебираться надобно, а оная протока верстахъ въ 3 ниже острога впадаетъ въ рѣку Охоту.

На другой день прѣѣхали мы въ Охотской портъ по ушру рано, ибо оной отъ стараго острога не болѣе какъ въ 6 верстахъ. Строенія тогда въ немъ было, часовня во имя Спаса Всемилошпваго, канцелярїя, управителевъ домъ, и 5 избъ шамошнихъ обывателей; да морской команды строенія, чешыре дома, 6 избъ и двѣ казармы. Впрошчемъ много строенія вновь заводилось.

Отъ Ярманки побѣжали мы 9 числа Юля 1737 года, а въ Охотскъ прѣѣхали Августа 19. Простою на дорогѣ было у насъ на Бѣльской переправѣ три дни, на урочищѣ Хорá-масъ день, на Капишанѣ Тарыиъ два дни, да на малыхъ горяхъ день; всего простою было 7, а ѣзды 34 дня.

Вообще о сей дорогѣ объявить можно, что она отъ Якутска до Бѣльской переправы гораздо сносна, а отшуду до Охотска шоль безпокойна, что шруднѣе пробѣжей дороги представить не лзя: ибо она леишь или по берегамъ рѣкъ, или по горамъ лѣсисшымъ. Берега обломками камней или круглымъ сѣровикомъ такъ усыпаны, что шамошнимъ лошадямъ довольно надивишь не лзя, какъ онѣ съ камня на камень лѣпяшя. Впрошчемъ однакожъ ни одна съ цѣлыми копытами не приходяшъ до мѣста. Горы чѣмъ выше, тѣмъ грязняе: на самыхъ верьхахъ ужасныя болоша и зыбуны, въ которыхъ ежели вьюш-

Томъ II.

В 6

ная

ная лошадь проломилась, но свободить ея нѣтъ никакой надежды. Съ превеликимъ страхомъ смотрѣть должно, коимъ образомъ земля въпереди сажень за 10 валами колеблется.

Лучшая ѣзда онымъ путемъ изъ Якушка съ весны до Юля мѣсяца, а ежели подняться въ Августѣ, то надлежитъ опасаться, чтобы снѣги не захватили, которые весьма рано на горахъ выпадаютъ.

Въ Охотскѣ жили мы Октября по 4 число тогожъ 1737 году, пока прибывшее съ Камчатки Августа 23 числа перегозное судно Фортуна сгружена, и починкою была исправлена.

Около Охотска живешь нѣшихъ Ламутокъ, которые во оной острѣгъ ясакъ плащяшъ, пять родовъ: Ивлянской, Адганской, Шолганской, Уларской, и Ньючинской.

Въ Ивлянскомъ роду Князецъ Чалыкъ, ясашныхъ Ламутокъ 4 человекъ. Въ Адганскомъ Князецъ Унды Деяновичъ, ясашныхъ у него 12 человекъ.

Въ Шолганскомъ Князецъ Курука, ясашныхъ 4 человекъ; въ Уларскомъ Князецъ Шарыганъ, ясашныхъ три человекъ.

Въ Ньючинскомъ Князецъ Джолдонкуръ, Буйнаковъ, ясашныхъ девять человекъ.

Всѣ помянутые роды живутъ не подалеку отъ Охотска по рѣкамъ Охотѣ, Кухтую и подлѣ моря; питаются рыбою, а ясакъ плащяшъ по соболу и по лисицѣ съ человекъ.

Олен-

Оленныхъ Ламушокъ, которые съ ясакомъ въ Охошскъ прѣвѣжаютъ, семь родовъ, Уяганской, Горбиканской, Келарской, Еджанской, Долганской и Кукуирской, а кто имени въ шѣхъ родахъ Князцы, и сколько въ каждомъ роду ясашныхъ, о томъ узнать было не черезъ кого, по тому что оленныхъ Ламушокъ близъ Охошска не было.

Какъ судно перевозное совсѣмъ было исправлено, то Сентября 30 для отъ Охошскаго командира отдалъ приказъ, чтобъ грузиться на судно, а Октябрю 4 числа послѣдовало и отправленіе онаго.

Изъ устья рѣки Охошы вышли мы часу во второмъ по полудни благополучно, и къ вечеру извиду отъ береговъ отбѣжали. А въ 11 часу оказалась въ нашемъ суднѣ такая пещь, что люди въ нищюмъ по колѣно въ водѣ ходили. И хотя въ двѣ помпы, въ кошлы, и что кому попало, вода выливана была, однако не убывала. Судно наше шакъ ужѣ грузло, что вода заливалась въ Шидгашы. Другаго спасенія не было, какъ облегчить его изверженіемъ кладь: ибо тогда случилась на морѣ совершенная шишина, (что немало къ спасенію нашему способствовало) авъ Охошскъ ворошиться не можно было. Чего ради все что на верху ни лежало, и что около судна навѣшено ни было, побросано въ море, но какъ и отъ того не послѣдовало пользы, то изъ внутрь судна до четырехъ сотъ пудовъ выброшено въ море безъ всякаго разбору. Нещастливы были, которыхъ кладь на верху лежала. На конецъ вода начала убавляться, а носкъ и вся вылиша, однако помпы изъ рукъ выпускашь неможно было,

ибо въ полумишную спклянку по два дюйма воды прибывало въ суднѣ. Всѣ бывшіе на суднѣ, включая больныхъ, должны были смѣняшься одинъ за другимъ и качать сто разъ насосомъ.

Такимъ образомъ бѣжали мы до 14 числа Октября, претерпѣвая сверхъ объявленнаго беспокойства спужу и слякоть ежедневную, а помянушаго числа около 9 часу по ушпру пришли къ Большерѣдскому устью, и пустились въ оное. Но и входъ нашъ неблагополучиве былъ пущи нашего. Мореходы не узнали, убываетъ ли вода или прибываетъ: чего ради почитая опливъ за приливъ едва только вбѣжали въ бѣлые валы, которые въ началъ прилива и оплива въ самую шихую погоду на уствѣ ходящъ, а тогда отъ великаго Сѣвернаго вѣтра были весьма велики, тогда часъ пришли въ опчаянѣ, ибо валы ходили чрезъ судно. Ушлое судно вездѣ шредало; и ни какой надежды не оставалось войши судномъ въ устье, отъ часпи для боковаго вѣтра, а опчаспи для спремленія оплива. Многіе совѣтовали опойши въ море и ожидать приливу, и ежели бы по сему было поступлено, то бы судно наше совершенно погибло; для того что Сѣверной прешокой вѣтрѣ продолжался больше недѣли, которымъ бы насъ отнесло въ открытое море, а чрезъ шакое время не спаслись бы было отъ разбитія нашему судну; однако другимъ безопаснѣе показалось пущить судно на берегъ, что и воспослѣдовало, и судно наше выкинуло саженьхъ въ 100 къ югу отъ устья большей рѣки, которое тогда же часъ и на сушѣ спало, ибо опливъ еще продолжался.

къ

Къ вечеру въ слѣдующей приливѣ выставило изъ него мачшу, а на другой день находили мы шокмо обломки нашего судна, а прочее все унесло въ море: тогда могли мы видѣть, сколь фортуна наша была ненадежна, ибо дѣски внутри были всѣ черны и гнилы, и можно было ихъ ломать руками безъ шрудяости.

У моря жили мы по 21 число того мѣсяца, ожидая лодокъ изъ острогу въ балаганахъ и барабарахъ, а въ то время происходило безпрестанное почини земли шрясеніе: но понеже оно шамъ легко было, то мы шашаясь ходя, причитали шрясеніе нашей слабости, что ошъ морскаго качанія ходить не можемъ: однако вскорѣ узнали, что мы ошибались въ мнѣніи; ибо прибывшіе изъ Куриль, которые зашли насъ у моря, сказали, коимъ образомъ было въ шѣхъ мѣстахъ и ужасное шрясеніе и странное наводненіе, о чемъ сообщено во второй части сего описанія.

Ошъ моря поднялись мы Октября 21 числа, а въ Большерѣдской острогѣ прѣехали на другой день подъ вечеръ.

Сколь шруденъ и продолжителенъ пушь ошъ Якушка до Камчатки, столь напрошивъ шого шособенъ и скоро съ Камчатки обратно: 1) что судно всегда зимовало на Камчаткѣ, ошшуду отпралялось въ Охотскъ въ шакое время, въ которое больше пріятности, нежели опасности на морѣ: ибо тогда и дни ясны и погоды умѣренныя; одна скука, что часто не бываешь въшру, 2) что изъ Охотска можно плышь повизною водою до самой Бѣльскай переправы, или и

до Алдана, кто пожелаетъ, а опшуда до Якушка верхами, одна трудность переѣхать до Юдомскаго креста.

Мы отъ Охотска къ помянутому кресту прѣехали въ седьмой день, по Юдомѣ съ простоемъ выплыли на Маю въ пятницу день, а плыли шокмо днемъ: на усть Маю прѣехали на другой день, въ Якушкѣ опшуду въ пятницу, всего и съ простоемъ въ двашцашой день. А вверхъ по объявленной Юдомѣ, которою мы плыли, не считая простую, меньше трехъ дней. Судами ходящъ по 5 и по шести недѣль, изъ котораго одного примѣра о быспринѣ шамошнихъ рѣкъ, и о трудности ходу по нихъ разсуждашь можно.

К Р А Т К О Е И З Ъ Я В Л Е Н І Е
В Е Щ Е Й
на
К Н И Г У В Т О Р А Г О Т О М А
О П И С А Н І Я К А М Ч А Т К И,

с о б р а н н ы х ъ
по
А Л Ф А В И Т У

с к о р а г о р а д и п р і с к а н і я .

А

<p>Аангичъ, пѣсня сложенная на
 вѣшу по голосу морской пши-
 чки, сѣраница 116.</p> <p>Авачинской острѣвѣ, 242.</p> <p>Авачинскихъ Камчадаловъ воко-
 реніе и усмиреніе 216.</p> <p>Августѣ мѣсяцѣ по Камчатски
 какъ называется, 20.</p> <p>Агду-Коачъ, Мартѣ мѣсяцѣ, 21.</p> <p>Агламичъ сѣрѣда съ костянымъ
 широкимъ конейцомъ, 67.</p> <p>Адамаль, дѣто называется, 20.</p> <p>Адгачской Князѣвѣ съ своимъ дса-
 комъ, 290.</p> <p>Адской богъ называемый, 72.</p> <p>Ажаба, мѣсяцѣ называемый бѣ-
 лой рыбы, 19.</p> <p>Ажулвачъ, Идолъ домовый, 27.</p> | <p>Ажушакъ, Идолъ носоваго хвоста въ
 юртахъ въ какой знакѣ, 26.</p> <p>Азкедѣ, мѣра начало, 20.</p> <p>Айсимѣ, рѣчка, 278.</p> <p>Акачана, рѣчка, 285.</p> <p>Акшахачи, рѣчка, 279.</p> <p>Акхалаладай, рѣчь воспоминаіи
 радостнаго при торжествѣ
 праздника о ошценіи грѣ-
 ховъ, 105.</p> <p>Акыру, рѣчка, 284.</p> <p>Ала-агусъ, рѣчка, 286.</p> <p>Ала-атбага, озерко, 274.</p> <p>Алазейское зимовье, 269.</p> <p>Алаки, лямки или шаки собачьи,
 56.</p> <p>Алдана, рѣка, 275, 276, 278,
 279.</p> |
|---|--|

Алдан-

- Алданская застава, 267.**
- Алулулу, рѣчь восклицанія веселаго, при отправленіи праздника очищенія грѣховъ 105.**
- Амга, рѣка, 277.**
- Ангинская переправа, 278.**
- Амплеа, внукъ Бога Кушкху, 72.**
- Амунка рѣчка, 288.**
- Анадырской острогъ, 270.**
- Андроны двѣ палочки, которыми Камчадалы избъ юртѣ голловни выбрасываютъ, 28.**
- Анцифера бунтовщика смерть, 210.**
- Анча, рѣчка, 284.**
- Анчурѣ, рѣка, 285.**
- Апрѣль мѣсяцъ, Масгалъ-коачъ называется, 21.**
- Аранцы, горы такъ изымаемыя, 283.**
- Аргаджижи, рѣка, 281.**
- Архимандритъ Мартианъ, проповѣдникъ слова божіаго на Камчаткѣ, 208.**
- Арылакъ, озеро островистое, 273.**
- Ашласовъ Володимеръ, первый обрѣшатель Камчатки, 192.**
- Услуга ево показанная въ службѣ, 193.
- Честь свою какъ потерялъ, 194.
- Поручена ему опять команда, 198.
- Доносъ на него учинившійся, 201.
- Посаженъ въ тюрьму, 202.
- Ашынумъ, жилище или селбище Камчадаловъ, 25.**
- Б**
- Бабы Камчадалки умнае мужицѣ, 15.**
- Всѣ ворожейки, 82.
- Сочинители пѣсней, 114.
- Парики травяные носятъ, 15.
- Вшивы, и вши свой ядятъ, 15.
- Бадараннакъ рѣка, 277.**
- Баечъ, богъ мертвыхъ или подземнаго свѣта, 76.**
- Бажабажъ, шалацъ травяной, 29.**
- Байдара, судно морское, 36.**
- Дѣлается изъ какова лѣсу, 32.
- Балаганы, лѣпніе покой и запасные анбары подобны круглымъ шатрамъ, 28.**
- Балатулъ, мѣсяцъ начинаеть тепла, 19.**
- Барабанъ, смотри бажабажъ.**
- Барыніактакъ пустошь, 273.**
- Баталія Россійскихъ казаковъ съ Камчадалами, 208.**
- Башалин двѣ великія, бывшія въ 1710 и 1713 годахъ, 66.**
- Баты лопки такъ называемыя, 36, 37.**
- Баюнъ и ганика, рѣчи прибываемыя въ пѣсняхъ, 114.**
- Безвѣстная рѣчка, 283.**
- Безчестіе въ вѣдѣ какое имѣють, 57, 58.**
- Безчестное дѣло у Камчадаловъ мужинамъ за женское дѣло принятыя, 40.**
- Березову корку ядятъ съ икрою, 50.**
- Бесъ-**

- Бесѣ-урякѣ рѣчка сосновка, 277. Вогиня заря называемая Фалла, Бетежѣ, вѣтрѣ сѣверной, 22. 107.
- Билюкай, Богѣ облаковѣ, дождя Богопочитаніе отдають многимѣ животнымѣ, 80.
- Жена сво, 76. Божба ихѣ вѣ правдѣ, и какѣ кле- вущся, 161.
- Битигиште, даѣ пустоши, 276. Болшерѣцкой острогѣ называе- мый, 236.
- Битпагай озеро, 273. — Изобиліе и недостатокѣ его, 237.
- Блудная рѣка, 288. — Вѣ присудѣ къ нему другіе остроги, 249.
- Бобровое поле урочище, 288. Большой посаѣ острогѣ, 216.
- Богатымѣ на томѣ свѣтѣ хуже бытъ здѣшняго (вѣряшѣ) 87. Волѣзни на Камчаткѣ какія боль- ше обходятся, 130.
- Богѣ, имя обще называемое, 74. — Лѣкарства на оныя, 132.
- Незвѣдомый вѣ почтеніи у Камчадаловѣ, 74. — Новыя на Камчатку нанесен- ныя, 131.
- На ихѣ языкѣ Кушху назы- вается, 71. Болѣзней на отгнаніе нѣкія дѣй- ства производятѣ во время праздника ихѣ, 100, 103.
- Вѣ великомѣ у нихѣ почте- ніи имѣется, 73. Бранѣ безчестная у Коряковѣ, 163.
- Носитѣ онѣ плашье какое, 72. Брани и войны частыя бывають, а больше для добычи жеи- скаго полу, 62.
- Богѣ обламовѣ, грома и дождя, 75. Брачноесочешаніе докоторой сте- пени берется, 124.
- Имѣетѣ жену себѣ, 76. — Женидѣба ихѣ на вдовахѣ, 124.
- Морской на подобіе рыбы, 75. Врачныя ихѣ обряды, 122.
- Трясеніе землей, 76. Бродильщики, смотри каюры.
- Подземной или мертвымѣ, 76. Буердаши озеро, 274.
- Адскій, 72. Букана рѣка, 284.
- Мухаморѣ или пьянства, 109. Букулугѣ урочище, 272.
- Бога вѣ какомѣ почтеніи имѣють Камчадалы, 18. Булгунняхтахѣ, пригорокѣ, 272.
- Почитають его развращенно, 16. Булгунняхтакѣ пустошь, 275.
- Рассуждають о немѣ причи- ну ни къ добру, ни къ злу, 77. Буишовцикѣ Кыргызовѣ, 212.
- Боги горныя, называемые враги, 74. Буишѣ
- Благодѣянія отѣ нихѣ себѣ ни какова не надѣюшся, 75. Вѣ

- Бунтъ Камчатскихъ казаковъ, 200
— Повинная ихъ, 207.
Бунтъ Камчадаловъ, 197, 227.
— Отъ чего больше проис-
диль, 220.
— Главной ихъ бунтъ, 215.
Бусъ-кюль, ледяное озеро, 283.
Бысельшны рѣчка, 277.
Быкымыгъ, западный вѣтръ, 22.
Бысыктака, озерко, 274, 276.
Бѣдственное претерпѣнїе Росси-
анъ въ пути морскомъ, 291.
Бѣлая рѣка, 280.
Бѣилъ вмѣсто, женщины чѣмъ
бѣлятся, 84.
Бѣлякъ, смотри чащина.
Бѣльская переправа, 280, 289.
Бѣса Камчадалы признавають за
обманщика, 76.
Бѣсами населенныя мѣста, причи-
пають за опасныя, 74.
- В**
- Варзаство учиненное надъ Япон-
цами, 223.
Василей Колесовъ покорилъ Ку-
рильскую землю, 196.
Великановъ на Камчаткѣ ивтъ,
15.
Верблюжья рѣка, 285.
Вѣрствъ въ пути счисленїа Камча-
далы не знаютъ, 24.
— Считаютъ разстоянїе днями
взды, 160.
Верхней Камчатской острогъ,
238.
— Присудны къ нему другїе
остроги, 252.
- Верхоятское зимовье, 268.
Весна по Камчатски какъ назы-
вается, 20.
Вешняя работа Камчадаловъ, 39.
Вещи домовыя дѣлашь искусны,
11.
Вино изъ ягодъ и сладкой травы
Высиживаютъ, 38, 245.
— Цѣна ему, 247.
— Доходу съ него сколько въ
годъ приходитъ въ казну,
258..
Видъ Камчадалы лишь охотники,
53.
Владѣльцовъ надъ ними прежде
сего не бывало, 161.
Владѣнїе мѣствъ или жилищъ и
острововъ почитаютъ за
природное урочденїе, 30.
Властелинъ надъ вѣтрами, 76.
Властолюбїе у сихъ народовъ на-
ходится, 68.
Вода Камчадаловъ всегдашнее
питье, и оной чрезмѣрно
много пьютъ, 53.
— Освященная, которая быва-
етъ въ праздникъ очище-
нїя грѣховъ, 101.
Воду припадкою кто пьетъ, за
великой грѣхъ ставится,
21.
Воздаянїе будущей надежды по
смерти, кое есть, 78.
Возмущенїе казаковъ, 219.
Войны междуособныя бывають въ
нихъ за что, и за какїи
причины, 16, 62.
— Въ сраженїи хитры, но
робки, и больше обма-
жомъ,

- номъ, нежели храбростію побѣждаютъ, 63.
- Большость прежняя Камчатскаго народа, 14.
- Володимеръ. Смори Ашласовъ.
- Воровство въ похвалу себѣ причитаютъ, 161.
- Дѣвка, ежели въ воровствѣ не обличена, жениха себѣ не получитъ, 162.
- Воровъ невѣдомыхъ чѣмъ облачаютъ, 23.
- Казни какія воздаютъ ворахъ, 23.
- Воспа болѣзнь, 131.
- Воспаніе мертвыхъ вѣрятъ, купно припомъ и живописимъ, 77.
- Враги, бѣсы, которые вселяются въ бабъ, онымъ жертву приносятъ, 97.
- Время года дѣлать на 4 времени, 60.
- Лѣта щитаютъ не погодамъ но по случаю причинъ, 22.
- Вѣра у Камчадаловъ содержится на преданіяхъ ихъ древнихъ, 77.
- Коряцкая, 157.
- Вѣра христіанская на Камчаткѣ нынѣ насаждается, 18, 235.
- Вѣтренной камень, урочище, 281.
- Вѣтры знакомы Камчадаламъ только четыре, 16.
- Имена онымъ, 22.
- Властелинъ надъ ними, 76.
- Васки, на которые собакъ привязываютъ, 57.
- Гасель, обладатель надъ мертвыми и подземными, 78.
- Ганька и баюнъ, рѣчи припѣваемые въ пѣсняхъ, 114.
- Гари, большія и малыя, два урочища, 285, 289.
- Генварь мѣсяцъ называется Зизакоачъ, 21.
- Годъ лѣтній начинается съ кошараго мѣсяца, 20.
- Раздѣляется на сколько частей, 20, 21, 60, 160.
- Головную болѣзнь лѣчатъ мерзлою брусницею, 133.
- Голодъ несносной претерпѣваютъ въ вѣдѣ зборщики Ясаковъ, 266.
- Горы и доли отъ чего здѣлались, 72, 73.
- Чѣмъ оныя намъ выше, тѣмъ болотнѣе и грязнее, 289.
- Госшей подчиваютъ впрѣдъ для знакомства, 117.
- Во время пирушки, 118.
- Подчиваютъ столько, сколько онъ захочетъ, 162.
- Приходящихъ принимаютъ гордо, 161.
- Дарятся межъ собою, 117, 119.
- Государыню Императрицу Самодержицу нашу, какъ называютъ, 4.
- Граматы Камчадалы свои не имѣютъ, 22.
- Границъ и предѣловъ межъ собою не полагаютъ, и спору объ нихъ

- нихъ не имбють, 23.
 Громъ и молнію отъ чего бытъ соспавляютъ, 22.
 Грѣхъ главной у Камчадаловъ почитается какой, 16.
 — Великой славятъ погашеніе огня во время варенія кушанья, въ праздниѣ жершвеннаго приношенія, 99.
 Грѣхи ихъ самыя тяжкіе и смертныя, 79.
 — И прочіе нмѣ, 90.
 Грѣшныя слятѣ со вдовъ, которыя идутъ за мужъ, 124.
 Грѣхосмишель поминуемыхъ грѣшкхъ, 124.
 Губы и уста Курчалца чернятъ, 120.
- Д**
- Дары озарю, 279.
 Дары госпнямъ приходящимъ 117, 119.
 Дежичъ, планета Палеада, 22.
 Декабрь мѣсяцъ называютъ зяблымъ, 21.
 Деньги на Камчаткѣ когда вспушили въ торгъ, 265.
 Джелоконъ рѣка, 288.
 Джоксогонская спанція, 276.
 Дзилеть, смотри згаейнутъ.
 Дичины или живности въ нижнемъ острогѣ довольно, 241.
 Дней числа въ году и въ мѣсяцѣ Камчадалы не знаютъ, и на недѣли не раздѣляютъ, 22.
- Долговъ прежнихъ на Камчадалахъ не спрашиваютъ, 235.
 Домовой скарбъ и посуда какая у нихъ находишся, 31.
 Дороги на Камчатку описаніе отъ Якутска, 265.
 — Трудность превеликая въ бѣдѣ, 269.
 Въ дорогахъ на Камчаткѣ какии образы ходятъ, 67.
 — Отъ сибирей великая опасность, 60, 290.
 Древнее состояніе Камчатскаго народа, 14.
 Дружба и соединеніе Камчадаловъ межъ собою, 117.
 Дрюкъ озеро, 280.
 Духа признанія не имбють, 73.
 Душа какъ называется, 74.
 — О ней попеченія не имбють, 11.
 — Разсуждаютъ бытъ безсмертну, и съ тѣломъ опять вѣчно жить будетъ, 77.
 Дѣвичей уборъ головной, 47.
 Дѣвка, ежели красть не умѣетъ, жениха себѣ не получитъ, 162.
 Дѣвки шамоннія сочинили пѣсенъ, 114.
 Дѣвство въ бракахъ не въ почтеніи, 125.
 Дѣла сумнительныя чѣмъ рѣшатъ, 161.
 Дѣти Бога Купху, 71.
 Дѣти Камчадаловъ обучаются Россійской грамотѣ, 235.
 — Возрастные, ежели онѣ женишся похоятъ, или за мужъ

ужь итши, 139.

Дѣшей рожденіе и воспишаніе ,
125.

— Какое надѣ ними иногда въ
родахъ и во ушробѣ носи-
мымъ, злодѣйство чиняшъ,
127.

— Если двойни рождаются, изъ
нихъ одново убиваютьшъ ,
127, 184.

— Качають какъ, 128.

— Патнають чѣмъ, 129.

— Любяшъ ихъ, и къ трудамъ
пріучаютьшъ, 162, 165.

— При осадѣ непріятелю живь-
емъ въ руки не дають ,
но рѣжутъ, 63.

— Для обученія въ Рускія шко-
лы охотно ошдаютьшъ , 25.
81.

— Почтеніе и новиновеніе къ
родителямъ негодное, 129.

Дѣшамъ своимъ имена дають ошъ
средства своего, 127.

— Званія именъ даемыхъ обоого
пола, 128.

Е

Еганъ, ошущка около плавня, 44.

Егдегасъ озеро, 274.

Еемшхъ, западной вѣтрѣ, 13.

Елгей рѣчка, 279.

Еліегніокъ озерко, 276.

Еловскіе жителі славные воины,
9.

Ельчичъ, началo мѣра значить, 20.

Все-елботъ урочище, 272.

Етемеша-коачъ, Ісаль и всяцѣ, 20.

Ж

Желшуху болѣзнь лѣчатъ лѣсны-
ми фѣлками, 134.

Желѣзо куютъ студеное камнемъ
вмѣсто молота, 33.

Желѣза кусокъ у кого есть, оное
за великое богатство по-
чищаються, 33.

Желѣзныхъ орудій, ножей, по-
воровъ и прочаго не имѣ-
ютьшъ, 31.

— И всего онаго продавать не
позволяется, 33.

Жена Купха Бога, 71.

Жены Камчадаловъ къ рожденію
дѣшей легки, 126.

— Для сего способу что упо-
требляють, 133.

— Родятъ дѣшей ешъ на ко-
лѣбикахъ публично, 126.

— Для желанія дѣшорожденія
ядятъ науковъ, 127.

— Чтoбъ ошять скорѣе очрева-
тнить, ядятъ пупки съ
кипрейною травою, 127.

— Трудолюбивы въ домашнихъ
вещяхъ, 38.

— Всякую работу дѣлають въ
рукавицахъ, 48.

— Лицъ прежде сего ушмывать
не знали, 48.

— А нынѣ бѣлятся и руняняшъ-
ся, 48.

— Для посторонняго человека
убираються во весь нарядъ,
48.

— Пришлаломъ въ разобраніи
скоша, 163.

Жены

- Жёны Оленныхъ Коряковъ ревности ради ходяшб гнусно , 148.**
— **Сидячихъ Коряковъ ходяшб чисто , 148.**
— **У Чукчей очень щеголлывы 148.**
— **Неслыдливы при стороннихъ людяхъ ходяшб и нагя , 149.**
— **у Курильцовъ жёны губы черняшб , а руки вышиваюшб , 108.**
Жёнв Камчадалы достаютъ дорого , 17.
— **Полоняшб при праздничныхъ торжествахъ одинъ у друга какимъ образомъ , 106.**
— **Поскольку имбюшб ихъ , 24. 124, 163.**
— **Наложницъ не имбюшб , 163.**
— **За прелюбодбнiе убиваютъ и сб прелюбодбемб , 148.**
— **При осадб непрiателямъ живыхъ вб руки не даютъ , 65.**
— **Пбнiе ихъ при веселiяхъ , 111.**
— **Спыдливы отб мужицнб , 125.**
— **Казакн отжуду доставали , 244.**
Женишва Чукчей и Коряковъ , 163
Женской полб весь упражняется вб поршномб , сапожномб и кожевномб дблб , 40.
— **Вб наложницы берутб войскою , 62.**
- Женского полу головной уборб , 47.**
— **Танцы ихъ , 112.**
— **Странное ихъ позорище при отсправленiи праздника очищенiя грбховъ , 88.**
— **Гдб скудно прежде бывало , 244.**
Женское веселiе при банкетахъ , разговоры , плясанiе и пбнiе пбсней , 110.
Жертвы приношенiе различными духамб , 18, 157.
Животныхъ и прочихъ тварей почитаютъ за боговъ 80.
Жировой вбтрб. смотри сбверной.
Жишели шамошнiе кто гдб живешб , тбмб мбшомб и слывешб , 9.
Житiемб Камчадалы глупы и гнусны , 24.
— **Беззаботны , 16.**
Жупанб , дверь или шворило вб юршу , 27.
- 3.**
- Забавы праздничныя отсправляемыя , 105.**
Зашмбнiя солнца и луны не знаютъ , 22.
Зациверское зимовье , 268.
Зборщики ясаковъ , 251, 255. 258.
Звалб , смотри юкола.
Звбрей земныхъ кто сошворитель , 73.
— **Имена имб , 188.**

Згоейнутб ,

- Згосиушѣ, обувь холостнымъ носить подозрительная, 47.
 Зелень изъ травъ, коя употребляется на пищу, Ъсть охошники, 40.
 Земля сотворена изъ чего, 71.
 — И горюста, 72.
 Змза-коачь, мѣсяцъ Генварь, значить не прогай меня, 21.
 Зима называется Кошхемь Коеглань, 20.
 — На Камчаткѣ она долга 6 мѣсяцовъ, 20.
 — А лѣто коротко, 11.
 Зиму числятъ за годъ, а лѣто за другой, 20.
 Зимняя работа Камчадаловъ, 39.
 Злословители Бога, 18.
 Злоумышленіе на приказниковъ, 205.
 шанье, 50.
 — Квашеная за прѣшное почишаютъ, 51.
 Ильхвумъ, жена Кушка Бога, 71.
 Имена Камчатскихъ народовъ, 5.
 — Даютъ младенцамъ, 184.
 — Народовъ шамошнихъ неправильное званіе, 5.
 Имянь переимѣна чужимъ народамъ по своему свойству, 4, 9, 116.
 Имнште озеро, 175.
 Индигирское зимовье, 268.
 Иркипа, пляска веселая, 111.
 Исповѣдь грѣха шажкаго, 90.
 Исы пустошь, 274.
 Ишкуохъ, міра начало такъ называютъ, 20.
 Ишки, голосъ кричанія въ шамайствѣ, 82.

И

И

- в м дѣрева корка, употребляется въ пищу съ икрою, 50.
 Ивьянской Князецъ съ своимъ яскомъ, 290.
 Игамъ для шитья платья, употребляютъ косяныя, 32, 42.
 — Желѣзные въ великомъ почтеніи имѣютъ, 33.
 — У которыхъ ушки опломашся, другія здѣлать искусные мастера, 33.
 Игошежидъ, смотри пошягъ.
 Идунгъ, Идолыцы новые, 87.
 Ижичъ, планета Плеада, 22.
 Измѣна Камчадаловъ, 225.
 Икра рыба сушеная любимое кушанье, 50.
 — Квашеная за прѣшное почишаютъ, 51.
 Ильхвумъ, жена Кушка Бога, 71.
 Имена Камчатскихъ народовъ, 5.
 — Даютъ младенцамъ, 184.
 — Народовъ шамошнихъ неправильное званіе, 5.
 Имянь переимѣна чужимъ народамъ по своему свойству, 4, 9, 116.
 Имнште озеро, 175.
 Индигирское зимовье, 268.
 Иркипа, пляска веселая, 111.
 Исповѣдь грѣха шажкаго, 90.
 Исы пустошь, 274.
 Ишкуохъ, міра начало такъ называютъ, 20.
 Ишки, голосъ кричанія въ шамайствѣ, 82.
 Иванъ Енисейской смиришель Камчадаловъ, 215.
 Идолы домовые поставляемые въ юртахъ, 26.
 — До женскаго полу надлежащіе, 91.
 Идолыцы новые, 87.
 Идолабъ угощеніе, 91.
 — Пріуготовленіи имъ, 92.
 Инструменты желѣзные въ великомъ почтеніи имѣютъ, 33.
 — Кошорые прежде получали отъ Японцовъ, 34.
 — Нужда требуетъ о нихъ разсуждать, 11.

Июнь

Июнь и Июль мѣсяцы на ихъ язы-
кѣ, 20.

К

- Кабычиа пустошь, 274.
- Казаки Камчатскіе жипьемѣ не
разнятся отъ Камчада-
ловъ, 243.
- Живушъ они какъ дворяне,
245.
- Женѣ себѣ отпуду молучаа,
244.
- Козаковъ прибывки и доходы
прежніе, 247.
- Возмущеніе ихъ, 205, 219.
- Казнь смертная бунтовщикамъ,
234.
- Казни ворахъ каковыя чиняшъ, 23
- Кайга, чмаръ озеро, 273.
- Камасы, обувь, 46.
- Камплеи, платье верхнее особли-
ваго маніра, 43.
- Камуды, Идолы до женскаго полу
надлежащіе, 91.
- Камули, Боги горные, 74.
- Канною, бѣсѣ, 76.
- Камчадалъ отъ чего названъ, 5,
8, 18.
- Какъ они себя называютъ,
3.
- Камчадалы неплодородны къ про-
изведенію дѣшей, 125.
- Жипьемѣ глупы и гнусны,
15, 16.
- Къ учливости шапокъ не
снимаютъ, 17.
- Въ пищу прожорливы, 32.
- Подобны скотамъ, 11.

- Камчадалы жипьемѣ своимъ ииашъ
себя бытъ отъ прочихъ
народовъ лучшими, 24.
- Историческую древность о
себѣ сказываютъ только
на словахъ, 10.
- Кроиѣ себя другихъ народовъ
не знаютъ, 19.
- Природою народъ сей Мун-
гальской, 10, 11.
- Прежде сего живааъ за Аму-
ромъ рѣкою въ Мунгалии,
13.
- Раздѣляется на три націи, 2.
- Въ языкѣ межъ собою раз-
нятся, 13.
- Какіе народы имѣютъ около
себя въ сосѣдствѣ, 2.
- За границы своихъ земель съ
сосѣдами ссорѣ не имѣютъ,
63.
- Ружьемъ огненнымъ владѣтъ
не умѣютъ, 33.
- Полишка ихъ въ обманѣхъ
состоитъ, 64.
- Богатства и славы себѣ не
ищутъ, 16.
- Искусны въ знаніи натураль-
ныхъ вещей, 11.
- Пересмѣхать и передражни-
вать другихъ горазды, 24.
- Тщательны перелагать всѣ
вещи на свой языкъ, 8, 17.
- Умѣютъ удавать чужія рѣчи
и дѣйства, такъ какъ бы
кого передражживать, 116.
- Любопытны, 76.
- Склонны къ музыкѣ, 114.
- Терпѣливы къ службѣ, 6.

Камчадалы

- Камчадалы во время вьюги въ пути крѣпко подь снѣгомъ лежать, 60.
- Смертной казни и жестокихъ пытомъ не боятся, 234.
- Приосадѣ непріятелямъ живьемъ себя не даютъ, 65.
- Бога не знаютъ, и грамматы не имѣютъ 2.
- Нынѣ же почти всѣ приведены въ Христіанскую вѣру, 135.
- Дѣтей своихъ охотно въ школы отдають, 25, 81.
- Камчадаловъ природа шѣла и обычай, 14.
- Мнѣніе ихъ о своей природѣ, 10.
- Прародитель ихъ я творецъ кто, 10.
- Природа ихъ, 2.
- Умноженіе и упадокъ, 11.
- Измѣна ихъ, 225.
- Замысль ихъ о полученіи прежней своей вольности, 225.
- злый ихъ къ тому умысль, 226.
- Общей бунтъ, 232.
- Кабалишь и въ рабство ихъ брать не позволено, 234.
- Камчатка земля какова и народы ея, 1.
- Рѣка тогожъ имени, 8.
- Камчатки наименованіе, 8.
- Населитель ея кто, 72.
- Обрѣтатель оной сперва, 190, 192.
- О покореніи оной въ Россіи-Томъ II.
- скую державу, 189.
- Приведеніе ея во усмиреніе, 234.
- Камчатской языкъ многослоденъ съ Мунгалами и Кишайцами, 13, 14.
- Произношеніе онаго, 7.
- разность его, 6.
- народъ сей прежде жилъ въ вольности своей, 14.
- Камчатскаго народа происхожденіе, 11.
- Доказать о томъ прямо не лзя, 10.
- Камчатскихъ народовъ нравы, 1.
- Нынѣшнее ихъ состояніе, 236.
- Капитанъ Тарынъ, наледѣ такъ называется, 289.
- Каракакъ пустошь, 275.
- Картежная игра казакамъ увеселеніе, 245.
- Кауглачь, стрѣла съ костянымъ конейцомъ, 67.
- Кахпичаць, верхнее платье, 47.
- Кахшанъ, мѣсяць настовой 19.
- Каю мѣсяць, въ которомъ дикіе олени шелятся, 19.
- Каюры, прокладчики дорогъ для проходу ловцамъ соболинымъ, 59.
- Кейнду пустошь, 274.
- Келуооль-кулечъ, мѣсяць рѣкоставъ, 19.
- Кемь-ортъ, малые гары урочище, 285.
- Кемь-тарынъ, наледѣ называется, 285.
- Кереативъ рѣчка, 280.

- Кипрей** трава, изъ которой Коновъ столбъ урочище, 287.
плешущъ ковры и епанчи, Кончатъ, славной воинъ былъ и
38. жипель памошняго мѣста,
Киповой и тюленей жиръ Камча- 9.
далы ядятъ. 52. — отъ его имени рѣка Кам-
Кихзуа-коачъ Августъ мѣсяцъ, чашка названа, 8.
20. Коочъ-ай, воины называемые,
Кихперу, мѣсяцъ листопадъ, 19. 9.
Кича-коачъ мѣсяцъ Февраль, 21. Кордюгенъ урочище, 273.
Клей дѣлаютъ изъ киповыхъ Коромакъ пустошь, 273.
кожъ 42. Короста болѣзнь, 130.
Книги ясашины для збору, зача Коршуновка рѣчка, и при ней за-
ты кѣмъ, 196. става, 287.
Князцы Ламутокъ, 290. Коряки народы съ кѣмъ смежны,
— Оленные, 291. 2.
Коависъ, плащъ верхнее, 43. — Имѣютъ въ языкѣ своемъ два
Коазухта-коачъ, мѣсяцъ Сен- варѣчя, 6.
тябрь, 21. — Сея поставляютъ лучшими
Коспель, вътрѣ жировой, съ- всего свѣша жипѣмъ,
веровосточной, 22. 149.
Коачъ, луна и солнце называ- — Изъ довольства скопа скупы
ютъ, 20. на пищу, 153.
Ковыиское зимовье, 269. — Природа ихъ, 147.
Коекчучей, женщины, которыя — Къ женамъ своимъ ревнивы,
съ мужинами обхожденя 148.
не имѣютъ, 24, 40, 125. — Называютъ другихъ народовъ
— Сіе поносное слово и му- какимъ имянемъ, 5.
щинъ, 26. **Коряки** сидячіе имѣсто женъ и ѣ-
Кожъ мѣсяцъ, когда ѣжжале о- кіе камни или куклы по-
лени шелятся, 19. читаютъ, 146.
Кожевное дѣло женщины работа- — Женами своими посужаются,
ютъ, 40. 148.
Козей, сабака называется, 79. — Вѣру Хрістіанскую принима-
Кокодъ, столбы стоячіе въ юр- ютъ, 235.
тѣ, 28. **Коряковъ** наименованіе, 5.
Кокора рѣчка, 274. — Два ихъ рода, 3.
Комъ, сирѣла томарова съ костью — Оленные и сидячіе, 146.
ною головкою, 67. — Жилища ихъ, 151.
Конморогъ пустошь, 273. Ипища, 152.

Коряцкого

- Коряцкаго народа разность въ Кувгай , озеро , 279.
 языкѣ , 168.
 — Произмошеніе его , 7.
 Кошловъ вмѣсто , пицу варятъ въ деревянныхъ сосудахъ , 31.
 32.
 Кошпедъ, полостыя бревна внутрь юрты , 28.
 Кояхташмы лодка 36.
 Краихль, планша медвѣдь, 22.
 Крови пусканіе употребляютъ , 135.
 Кропива, козаанъ называется, 21.
 Куагалы бзеро, 274.
 Куа-коачъ мѣсяцъ Іюнь, 20.
 Кубалагъ пустошь, 274.
 Кужни вмѣсто стакановъ употребляютъ , 31.
 Кузучъ, юрша сѣверныхъ Камчадаловъ , 28.
 Кузалькинга, танецъ такъ называется , 113.
 Куйгулы, смотри узда.
 Куйлькожаидачь , мѣсяцъ рыболовной , 20.
 Куйше, мѣсяцъ красной рыбы лова , 19.
 Кукамлинначь кулечъ , мѣсяцъ студеной , 19.
 Кукаянка, платье верхнее, 43.
 Кулечъ , гужичъ , западніе солнца и луны , 22.
 Кулау, два озера одного имени 276.
 Кулульджу, рѣчка, 273.
 Куль шюрюкѣ головной ушубы, 43.
 Кумахтай хомьга урочище пещаного мѣста , или взвемь , 272.
 Кунешхтъ , восточной вѣтрѣ , 23.
 Купечества началопроизведеніе на Камчаткѣ древяго 259.
 — Нынѣшнее состояніе онаго и прибыль ихъ, 260.
 — И ущербъ , 261.
 Кураннакъ-галасъ, пустошь, 224.
 Курдюгель , пустошь , 274.
 Курмальцы учтивѣ другихъ тамошнихъ народовъ, 182.
 — Съ женами и дѣтьми какъ обходятся 283.
 — Они богатѣ Камчадаловъ, 48.
 — Съ кѣмъ смежны , 2.
 — Постороннихъ народовъ какими именами называютъ , 5.
 Куриловъ два рода , 3.
 — богочитаніе ихъ и жертвы , 181.
 — Промыслы ихъ , 182.
 Кирильской народъ добронравенъ 7.
 — Природа ихъ, 179.
 — Покоренъ оной чрезъ В. Колесова , 196.
 Куроттакъ, пустошь , 279.
 Куталакъ, бзеро, 276.
 Кущугуй-шылгыяхтакъ, озерко, 272 , 273 , 274.
 Кущугуй-ортъ, гарн урочище , 285.
 Кутъ , Богъ Камчадаловъ, прародитель ихъ и населитель 30.
 — Жена его и дѣти, 71.
 — Сестра, сынъ и внукъ, 71, 72.
 Кууль ,

- Кууль, мѣсяцъ , въ которомъ Ледъ накипной 284.
 тюлени щенятся, 19. Леебагана рѣчка, 276.
 Кучугуй бахаджимъ, озерко, 274 Лена рѣка, 280.
 Кучугуй шаринъ, малая наледь , Лешкуль, начало мѣра , 20.
 285. Лисицы кожи, въ торгу вмѣстѣ
 Кушанье лучшее у Коряковъ и денегъ по цѣнѣ ходящъ ,
 Чукчей, 162. 265.
 — Самое деликатное , рыба Листопадъ мѣсяцъ , 19.
 гноеная въ ямахъ 52. Личь нижнее окно у юрты, 28.
 — Изготовленное про праздникъ Лодка одна дѣлается въ три года,
 53. 32
 — Варятъ въ деревянной посу- — называется она какъ , 36.
 дѣ горячими камнями , Лотокъ морскихъ перышекъ вымы-
 32. селъ , 72.
 Куякъ, лапы косяныя и коржо- Луктуръ рѣчка , 288.
 выя , 35. Луна и солнце на ихъ языкѣ ко-
 Кыдышкуннычъ мѣсяцъ, въ ко- ачь , 26.
 торомъ удалгіе дни быва- — Зашибніа ихъ , 22.
 ютъ, 19. Луннаго шеченія счисленіе , 20.
 Кыжатъ, мѣсяцъ удобной къ ло- Лѣкарства на разныя болѣзни, 132.
 вѣ зѣрей, 19. Лѣсу на Камчаткѣ въ которыхъ
 Кыжу мѣсяцъ, ловля бѣлой рыбы, мѣстахъ довольно и ску-
 19. дно , 238 , 239 , 240.
 Кыль сарынакъ, озерко , 274. Лѣто на Камчаткѣ коротко , а
 Кыргызовъ буншовщикъ, 212. зима долга , 11.
 — Казнь ему 214. Лѣто почитаютъ за годъ, а зи-
 Кыртакъ рѣчка , 277. ну за другой , 20.
 Кышпагай озеро , 273. Лѣто счисляють не по годамъ ;
 но по случаю причинъ 22.
 Лѣтъ продолженія житія своего
 щипать не знаютъ , 18.
 Лѣтописи о случаяхъ не имѣ-
 ютъ , 22.
 Лѣтняя ихъ работа , 37.

Л

- Ламарыки озеро , 274.
 Ламушки ласныя около Охотска
 290.
 — Оленные , 291.
 Лашки , лыжи , которыми про-
 кладываютъ по сибгу до-
 рогѣ , 59.
 Лебнинъ рѣка , 280.

М

- Майчарылакъ озеро , 277.
 Мандарной ремень , 44.
 Маралакъ

Маралакъ, два озера , 277.
 Матвѣягорода прѣѣзъ торговыхъ
 людей на Курильскіе ос-
 трова , 214.
 Махва, поясъ ременный мужеской
 45.
 Мача, рѣчь, которая выше счета
 или числа превосходитъ , 18.
 Маю рѣка , 286.
 Медвѣдь планету называютъ
 кранхль , 22.
 Мелкѣй озеро , 278.
 Менга-аласъ озерко , 275.
 Менне пустошь , 275.
 Мерлинъ и Павлуцкой , слѣдова-
 тель Камчатскаго бунта ,
 233.
 Мершныя когда во снѣ имъ ви-
 дящяся , что примѣчаютъ ,
 65.
 Мершныхъ людей тѣла , вмѣсто
 погребенія собакамъ броса-
 ютъ , 135.
 — Плашь послѣ умершаго на-
 дѣвать гнушаются , 136.
 — Очищеніе дому послѣ умер-
 шаго творятъ , 136.
 — Сидячіе Коряки тѣла мерт-
 выхъ жигаютъ , 166.
 — Курилы лѣтомъ въ землю ,
 а зимою въ снѣгъ зарыва-
 ютъ , 284.
 Мешу рѣчка , 288.
 Митъ , богъ морской , 73.
 Михаила Зиновьевъ первый збор-
 щикъ ясака , 196.
 Мюгурте пустошь , 272.
 Мира начало какъ полагаютъ , 20.
 — Мнѣшь оной бычь вѣчный , 77.

Младенцевъ въ небытность свя-
 щенника , дѣлчекъ кре-
 ститъ 244.
 Молнію блистающую отъ чего
 бытъ разсуждаютъ , 22.
 Море кто сотворилъ 71.
 Мужескъ полъ трудитсяо домаш-
 немъ , 38.
 Музыка у Камчадаловъ однѣ дуд-
 ки , 114.
 Мухоморъ богъ, владѣтель ядови-
 шаго зелія , 106.
 Мухоморы грибы ядятъ для чрез-
 мѣрнаго пьянства , 108 ,
 109 , 110.
 Мѣста плодородныя въ нижнемъ
 острогѣ , 241.
 Мѣсяцовъ въ году числятъ только
 десять , 18.
 — Имъ имена , 20 , 21.
 Мѣсяцы временъ или случаевъ на-
 зываемые тако:
 1. Грѣховъ очищеніе , 18 , 19.
 2. Листопадъ , 19.
 3. Рѣкоставъ , 19.
 4. Звѣрей слѣдствъ удобный 19.
 5. жестокихъ морозовъ , 19.
 6. Настовой , 19.
 7. Трясогускинъ , 21.
 8. Тепла начало , 19.
 9. Долгой день , 19.
 10. Промышляють рыбу начи-
 наютъ , 20.
 11. Бѣлой рыбы , 19.
 12. Красной рыбы . 19.
 13. Тюлени щемятся , 18.
 14. Вжалье олени щемятся 19.
 15. Когда лакшаки щемятся ,
 19.

Мѣсяцъ продолжаемый чрезъ при
мѣсяца , 19.
Мясное кушанье какъ варятъ и
ядятъ , 52.

Н

Нангара рѣчка , 276.
Нантага озеро , 272.
Нанчаганъ пустошь , 274.
Напитки пьяные изъ чего дѣла-
ются , 108.
Народа Камчатскаго сходство съ
другими народами Сибир-
скими , 14.
Нарѣчїя разныя Камчадаловъ , 137.
Наслѣдство въ жилищкахъ послѣ
отца отдается первому
сыну , 130.
Нарта, санки чепырьма сабаками
возимы , 54.
— Цукъ собакъ по чему поку-
пается , 58.
Начатки трудовъ приносятъ богу
на жертву 85.
Небо кто сотворилъ, не знаютъ
71.
Невоздержаніе во всемъ имѣютъ
16.
Ня ни , знакъ привѣстивенной
рѣчи невѣсны къ жениху ,
122.
Нижней камчатской острогъ , 240.
— Камчадалами взяты были ,
227.
— Торжествуютъ о благополу-
чїи своемъ , 228.
Нижняго Камчатскаго острога
оспроеніе , 233.

Нижношантальской острогъ , 240.
— Присуды къ нему подчинен-
ные остроги , 255.
Нитокъ вмѣсто употребляютъ
оленьи становыя жилы , 42.
Новый морской путь изъ Охот-
ска на Камчатку сысканъ ,
218.
Ножи дѣлаютъ изъ камня, хру-
стала и кости , 32.
— Оные въ великомъ почтенїи
имѣются , 33.
Нокко-оснобиль, мѣсяцъ Декабрь
21.
Ноху рѣчка, 279.
Нравы Камчадаловъ грубы , и
жизнь ихъ гнусно , какъ
скопское , 11, 17.
Нюйчинской Князецъ съ своими
подчиненными , 290.

О

Обиды Камчадаловъ важныя въ
чемъ состоятъ , 62.
Обычаевъ старыхъ перемена въ
Камчадалахъ , 24.
Огонь высѣкаютъ вмѣсто огнива
изъ дерева , 32.
— Жертвенный въ почтенїи
какъ у древнихъ Евреевъ ,
107.
Огусь-баси, бычья голова озеро, 274
Одежда на Камчаткѣ дорога, 248
Одежды изъ кожъ кто первый у
нихъ вымыслитель , 73.
Олбутъ озеро , 272.
Олени лучшіе у сидячихъ Коря-
ковъ , 166.

Олений

Оленей кладушь какимъ образомъ, 156.

— Пасухи какъ ихъ раздѣляютъ сшадю отъ сшадю, 156.

Оленные Коряки прелюбодѣвъ убиваютъ, 143.

Оленныхъ кожъ дѣло, 41.

Олонгъ озеро, 272.

Омеръ, кушанье употребляемое при очищеніи грѣховъ, 107.

Оночь, верхнее пворило, или окно у юрты, 28.

Опанга, похлебка собачья, 52, 108.

Орѣонъ планета знаема Камчадаламъ, 22.

Оружіе ихъ военное, 66.

Осенняя работа Камчадаловъ, 39.

Острогъ имя что значитъ, 25.

Остроговъ на Камчаткѣ Россійскихъ пять, 236.

— Приписныхъ сколько бѣнимъ, 249, 253.

Ошакъ употребляемая въ нападеніи острога или юрты, 63.

Отче нашъ молитва Господня, на Камчатскомъ языкѣ, 145.

Оулбута рѣка, 278.

Охота рѣчка, 288.

Охотской портъ, 289.

Ошатъ, шакъ называются копылья у саней, 57.

Ошейники собачьи для впряганія въ сани вмѣсто хомушовъ конскихъ, 56.

Ошталъ, папка кривая или шеспикъ, которыми вмѣсто вожжей собакъ въ бѣдѣ правятъ, 57.

Оюнь озеро, 279.

П

Павлуцкаго партія для описанія Камчатки отправленная, 222.

— Слѣдователь съ Мерлиномъ Камчатскаго бунта, 233.

Парики женщины носятъ правыми, 47.

Парка, платье лучшее у Камчадаловъ, 44.

Парма, судно для перевозу людей большихъ, 37.

Партія Россійская отправленная для освобожденія острога, 229.

Пастухъ надъ звѣрми первый уставленный, 73.

Пашенные крестьяне живущіе при Алданѣ рѣкѣ, 278.

Петрильской грабитель ненасытный 219.

Петръ Чириковъ прикащикъ на мѣсто Апласова удостоенъ, 203.

Пейшъ, стрѣла съ костянымъ тонкимъ копейцомъ, 67.

Пирожное кушанье дѣлаютъ изъ рыбьяго шѣльнова, 243.

Пиршества бываемыя у Камчадаловъ, 108.

Письма тамошній народъ не знаетъ, 22.

Питье

- Пище ordinarily у Камчадаловъ
 всегда вода, 53.
 — А самое пьяное изъ мухомо-
 ру дѣлается, 53.
 Пйца у Камчадаловъ изъ какихъ
 качествъ спростя, 49.
 Пйцу варяшъ въ корытахъ кале-
 ными каменьями, 87, 97.
 Плащъ Камчадалы дѣлають изъ
 разныхъ кожъ, 42.
 — Лучшее ихъ 44.
 — На Камчаткѣ дорого прода-
 ютъ, 48.
 — разсамачье въ великомъ у
 нихъ почтеніи, 73.
 — Куряльцы носятъ коженоежь,
 но при шомъ любятъ сукна
 и камки, 180.
 Планета медвѣдь знакома Камча-
 даламъ, 22.
 Пльниковъ какъ мучатъ, 63.
 Плодородная земля только въ
 нижнемъ острогѣ, 248.
 Пляску мушины при веселѣхъ
 употребляютъ, 110.
 — И женщины, 111, 112.
 Побѣжикъ, вмѣсто дышла у са-
 шей, 56.
 Погребеніе мертвыхъ, 135.
 — Младенцовъ, 135.
 — Поминки по нихъ, 137,
 166.
 Подводчики, смотри бродильщики.
 Подзоръ, опушка около плащя
 какой знакъ, 44.
 Подушной зборъ на Камчаткѣ зби-
 рается только съ казачь-
 ихъ дѣтей, 258.
 Подчиненіе Камчатскихъ и Коряц-
 кихъ остроговъ къ Россій-
 скимъ каждому по скольку,
 149.
 Пома Идолъ въ подобіе богини
 Сирской фалла, 107.
 — Дѣлается изъ соломы для
 сожженія на огнѣ въ празд-
 никъ очищенія грѣховъ, 104.
 Поминовеніе по умершимъ, 137,
 166.
 Поперешная рѣчка, 288.
 Попъ поганый, 229.
 Пороху и свинцу шамъ достать
 трудно, 249.
 Порса, мука изъ сушеной рыбы,
 51.
 Пословица Камчатская, 210.
 Посуда домовая такая у нихъ об-
 ходится, 31.
 — Дѣлають оную искусно, 11.
 — Желѣзная и мѣдная у нихъ
 въ чести, 34.
 Поступки сего народа грубыя, 1.
 Пошаги, ремни у собачьей шлеи
 вмѣсто постромокъ шор-
 ныхъ, 67.
 Въ походы възять на чемъ, 56.
 Пересмѣхать кого Камчадалы ис-
 кусны, 24.
 Пошлина съ вывозныхъ товаровъ
 Камчатскихъ, 265.
 Праздникъ годовой очищеніе грѣ-
 ховъ, 18, 19, 84, 89,
 97, 100.
 — Празднуютъ въ новомѣсячїи,
 107.
 — Празднества онаго обрядъ,
 95.
 — Дѣйствіа отправляемья, 102.
 Праздники

Праздники у Камчадаловъ въ злоупотребленіи, 107.
 — У сидячихъ Коряковъ, 160.
 Праопцы ихъ, или народопроизводители, 72.
 Преимуществовалъ въ Камчатскомъ народѣ жонъ, кто сирѣе и удаче, 14.
 Прелюбодѣи какъ бьются съ мужьями пѣхъ женъ, съ коиими блудничовали, 183.
 Прелюбодѣевъ и прелюбодѣицы убиваютъ, 148.
 Приказчики бывшіе на Камчаткѣ до главнаго бунта, 215.
 Припѣвъ стишма къмопороге въ паясаніи, 112.
 Присада въ вѣрности Камчадаловъ въ чему производятъ, 161.
 Пшцицъ пшмошнѣвъзавія, 188.
 Пѣніе женщинъ при веселіи, 111.
 — Подобіе разныхъ голосовъ звѣрей и пшцицъ, 113.
 Пѣсня сочиненная Камчадалами на Подпольковника Мерлина, и Магора Павлуцкаго, и Студенца Крашенинникова, 114.
 Пѣней сочинители шамоннія бабы и дѣвки, 64.

Р

Работа разная Камчадаловъ въ прѣготовленіи годовыхъ припасовъ, 38.
 Равдуга, кожа замшеная, 41.
 Толь II.

Разводъ мужа съ женою, 124.
 Раззореніе нижняго Камчатскаго острога, 215.
 Разстоянія мѣстъ въ пути числять не верстами, но станціями отъ мѣста до мѣста, 14.
 Раны отъ стрѣлъ ядовитыхъ чѣмъ излѣчиваютъ, 67.
 Ревность къ женамъ своимъ имѣютъ, 125.
 Римзегъ, смотри танецъ.
 Рогожа, смотри чирела.
 Родильницы послѣ родовъ изъ хортъ вонъ не выходятъ, 166.
 — Оправляются чѣмъ, 127.
 — Ядятъ науковъ, чшобъ олянь очреватѣть 127.
 Родословія о себѣ Камчадалы не знаютъ, 70.
 Россіамъ Камчадалы называютъ огнедѣшущими людьми, 4.
 Ружья огненнаго тамъ достать въ великой цѣнѣ, 249.
 Ружьемъ огненнымъ владѣть Камчадалы не умѣютъ, 33.
 Румяна для красоты лицъ изъ чего дѣлаютъ, 48.
 Рыбу ловить первый начинатель Тыжиль Купиху, 72.
 Рыбы въ нижнемъ острогѣ довольно, 240.
 — Тожъ и въ Большерѣцкомъ, 238.
 — А въ верхнемъ скудно, 239.
 Рѣка Камчатка отъ Кончата вонна названа, 8.

Д А

Рѣки

Рѣки и **ѣвкія** произведены отъ Сладкая трава употребляется
бога Купху, 73. на пищу и сидѣніе вина, 38.

Рѣчь позволительная невѣстина Слѣдствіе о причинѣ бунта,
опца къ жениху, 120. 233.

— **Къ** Идоламъ, во время празд- Смертное убивство опасно шоль-
нованія очищенія грѣховъ, ко въ родствѣ своемъ, а въ
88. — прощемъ ничего, 162.

С

Саадактанъ пустошь, 276.

Савина, богиня зари, 76.

Санки Камчадалскія, 55, 57.

— **Какъ** дѣлаются, 36.

Сасылъ рѣка, 281.

Сасъ озеро, 286.

Сагагай, озеро, 274.

Сахаръ у Камчадаловъ въ вели-
комъ удивленіи, 154.

Свадьба и сватовство, 120.

Свадьба, родины и крестины у
казаковъ нужды ради свя-
щенниковъ оправдывается за
одинъ разъ, 244.

Свѣта сотворенія вѣрятъ какъ, 20.

— **Систему** его какову бытъ
разумѣютъ, 77.

Сентябрь мѣсяць называется
блеклой, 21.

Сидуку, дочь бога Купху, 72.

Сидуканшичь, внука бога Куп-
ху, 22.

Сидячіе Коряки женами своими
пришельцамъ посуждаются,
148.

Сипангъ, рѣчь знака бѣды, 80.

Скота закупаютъ дорожные лю-
ди на пищу въ дорогу на про-
ѣздъ пустыхъ мѣстъ, 275.

Сновидѣній исполкователи, 83.

Сибгу Камчадалы охошники
ѣсть, 53.

— **А** лѣтомъ съ трудомъ оной
достають, 54.

Соорданакъ, рѣчка воронья, 279.

Собакъ нарта по какой цѣнѣ по-
купаются, 249.

— **Они** видѣсто лошадей къ
ѣздѣ употребляютъ, 54.

— **По** сколько на нихъ верстъ
въ дорогѣ ѣздить, 59.

Собачьихъ кожъ дѣло, 41.

Соболи лучшіе гдѣ водятся, 241.

Сбли въ нижнемъ острогѣ до-
вольно, 241.

Солнце, коачъ называется, 20.

Солнчнаго года раздѣленіе, 2.

Сосновка рѣчка, 277.

Ссоръ о имѣніи и о юртахъ межъ
собой не имѣютъ, 23.

— **Бываютъ** же болѣе за какія
причины, 17, 68.

Строеніе, избы, горницы, Кам-
чадалы строятъ по Россій-
скому обычью, 24.

Стрѣлы дѣлаютъ костяныя и
каменные, 32.

— **Ядомъ** для вреда наполютъ,
67.

Суда конопатятъ мехомъ и пра-
вомъ, 36.

Судъ

- Судъ и расправа Камчадаловъ по-Тарага, озеро, 277.
ручена Тоюнамъ ихъ, 23; Татская Станція, 275.
24, 235. Татшу рѣчка, 274.
Суевѣріе ихъ, 18. Тгомкегсичъ, юрта южныхъ
Камчадаловъ, 28.
Сусунъ-сысы, пустошь, 275. Темена юльбенія рѣчка верблюжье
падалище, 285.
Сцаки пьянаго человѣка отъ му-Тигильской острогъ, 242.
хомору, пьютъ, 110. Тимусчичъ, сѣверныхъ Камчада-
ловъ юрта, 28.
Сыгыннахъ пустошь, 273. Тингекъ, лучшее плащье Камчат-
ской, 44.
Семскалинъ, сынъ бога Кутху, Тиранство учиненное въ постуц-
кахъ съ пѣвными, 63.
71. Тишиктякъ, пустошь, 272.
Сѣверной вѣтрѣ называютъ жи-Товары похожіе на Камчатскѣ, 262.
ровой, 22, 23. — Цѣна имъ шамошья, 263.
Сѣтей вымыслишель первый кто, — Вывозные изъ Камчатки,
72. 265.
Себпюръ, долгоша пустыни, Тогу, сѣверозападной вѣтрѣ, 23.
272. Тоюнь, начальникъ надъ Камча-
далами, 22.
— Богаты олени, 153.
— Оешка Харчимъ начальникъ,
бунша, 227.
Тоюны бывшіе въ Камчат-
скихъ острожкахъ, 250, 253,
255.
Табхалакъ, озерко, 279. Толкуша кушанье, 53.
Тава, мѣсяць Май, 20. Томаръ стрѣла, 67.
Тайнага, смотр. бѣлая рѣка. Тоншичъ шрава мятая видѣсто
труда употребляется къ
высѣканію огня, 33.
Тайныя дѣйствія отправляемыя Топоры каменные и костяные
употребляютъ, 32.
въ праздникъ очищенія грѣ- — Желѣзные у нихъ въ вели-
комъ почтеніи, 33.
ховъ, 102. Торбасы, обувь изъ оленьихъ
кожъ, 46.

Т

Торгъ Японцовъ прежде сего бывалъ дѣи когда съ Камчадалами, 259.

Торгъ Камчадаловъ съ Коряками мѣною обходится, 17, 39.

— Казаковъ, 248.

— Вибсто денегъ лисицами торгуютъ, 265.

Торжество Камчадаловъ о благополучіи взятія Россійскаго острога, 228.

Тоула, рѣчка, 276.

Трудъ для присѣканія огня изъ чего употребляютъ, 33.

Трасеніе земли učinившееся въ пуши, 293.

Туара-сюемъ пустошь, 275.

Тубуага, озеро, 280.

Туйла, богъ трасенія земли, 76.

Тумусакшакъ Кіола, мѣсное озеро, 284.

Ту, ту, ту, рѣчь повторительная, которую говорятъ при празднованіи очищенія грѣховъ, 103.

Тыгышшы, озеро, 277.

Тыжилъ Купху, второй сынъ бога Купху, 72.

Тыгыяктакъ озеро, 273.

Тылапхала, гора, 281.

Тыгышхшѣ, свѣтлый вѣтеръ, 23.

Тюгуше, рѣка, 277.

Тюленей жиръ адатъ, 42 43.

— Кожа ихъ дѣлаютъ, 41, 42.

Тудулюгуше Каялахъ пустошь, 276.

У

Убивства при женскомъ полѣ не чинятъ, 65.

Увѣще получаемое при сватовствѣ невѣсты, въ хвостѣ ея, 122.

Уга, знакъ рѣчи собакъ въ вѣдѣ поворотахъ на лѣво, 57.

Уголь, весна называется, 2.

Узда на собакъ надѣваемая для вѣды 56.

Укалтежидъ, планета орѣонъ, 22.

Улажанъ, озеро, 273, 274.

Улакъ рѣка, 281.

Улусъ, пустошь, 274.

Умершихъ тѣла Курильцы лѣтомъ въ землю хоронятъ, а зимою въ снѣгъ зарывають, 184.

Умя, озеро, 277.

Уракъ, рѣка, 282.

Ураесалакъ, озеро, 274.

Урацкое плодбище, 287.

Урасягабъ, пустошь, 272.

Урилыдачь, болванчики съ обшесанными головками дѣлаемые для церемоніи у праздника, 87, 97, 106.

— Какъ подчивають ихъ при празднованіи, 100.

Уршиъ-хамъ съ, озеро, 273.

Усунъ-ерга, урочище, 272.

Ушлейгынъ, богъ морской, 71.

Уфай, рѣчь приговора въ сожженіи Идола Нома, 104.

Учши-

- Учтивства въ поступкахъ Камча- Хоньбы, женское платье , 43.
далы не имбютъ, 17, 161. Херемась, урочище , 289.
Ушахчу , боги лѣсные, которые Храбрость тамошнихъ народовъ,
людей съ ума сводятъ , 75 71.
Уярской Князець съ подчиненны- Хуйгуль , проквашенная рыба ,
ми , 290. или згноена въ ямахъ , де-
ликапное ихъ кушанье , 52.

Ф

Фалла богиня древняя Сирская, 107.

Х

- Хай, идолъ новой здѣланной изъ здѣланная костяная работи
березоваго кряжа , 87. жемъ , 35.
Хантай идолъ домовою постава- Церковь святаго Николая въ боль-
емой въ юртѣ , 26 , 97. шервцкомъ острогѣ , 236.
Ханчало , озеро, 274. — Тогожь имени въ верхнемъ
Харчинъ Оедька начальникъ бунта острогѣ , 238.
227. — Успеніе пресвятыя Богороди-
— Казакамъ здася на договорѣ, цы въ нижнемъ Камчат-
и взяты подъ карауль , 231. скомъ острогѣ , 246.
Хашмыли , озеро , 273. — Въ Авачинской острогѣ , 242.
Хашъ рѣчка , 279. Цыngu лѣшомъ чѣмъ лѣчатъ ,
Хаутеля танецъ такъ называ- 131.

Ц

Ч

- Хаяошкукигъ , слово значить Чагдада , рѣчка , 282.
плясаніе , 111. Чажи , чулки оленьи , 47.
Хиромашію Камчадалы искусно Чаговня при Охотскомъ портѣ все-
знаютъ , 84. милостиваго Спаса , 289.
Хна, хна , хна , знакъ голоса въ Часовни молитвенныя у Камчада-
вздѣ поворотить сабакъ на ловъ крещенныхъ разножуются
право , 57. 25.
Ходжала , рѣчка , 281. Чаши большія дѣлаются чрезъ
Холосаго человека подозрѣнне 47 годъ , 22.
Хомата сосудъ , съ чѣмъ по воду Чащина, званіе поборова излито-
ходятъ , 101, нихъ сверхъ асака , 248.
Хомакъ чашка большая , шожъ Чесу-

Чекуша, смотр. Уа-карель ,
Чекуши костяныя вмѣсто копей
употребляются 35.
Челюгымгь, южной вѣтръ , 23.
Черной лѣсѣ , урочище , 281.
Чипанда, рѣчка и озеро, 279, 280.
Чиранчи , озеро , 274
Чирела, рогожа изъ травы спле-
тенная , 26 , 102.
Чирьи болѣзнь злая на Камчаткѣ,
131.
Чириковъ прикащикъ , 205.
Числа счесту Камчадалы кромѣ
десяти не знаютъ , 18.
Чисту, опушка у плаща вокругъ,
Чичимыкь озеро , 280.
Чюпчуна , рѣчка , 278.
Чоарайшта пустошь , 275.
Чужлигачь-кулечь мѣсяць грѣ-
ховъ очищеніе , 18 , 19.
Чукчи народъ по чему называет-
ся , 5.
— Дѣтей своихъ къ трудамъ
пріучаютъ , 162.
— Приходящимъ гостямъ жена-
ми своими посужаются ,
148.
Чукчей дружба въ чемъ состоитъ,
248.
Чукоцкой народъ какъ обилень
живьемъ , 147.
Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ
жениха получитьъ , ежели въ
воровствѣ не окажется , 162.
Чулки дѣлають изъ собачьихъ
кожъ , 47.
Чумана , куженка берестеная, 31.
Чуприки, рыба вмѣсто жареной ,
51.

Чупчулагъ , озеро , 273.

Ш

Шаманы или волхвы , 82 , 158
— Онижъ и лѣкари , 166.
Шамановъ начальникъ , 69.
Шаманства главное отправленіе ,
82.
— Во время праздниковъ , 83.
Шангина гарь , и зимовье , 287.
Шангышь, вѣтръ восточный, 22.
Капки носятъ Камчадалы на подо-
бие трюховъ , 47.
Шапокъ Камчадалы ни предѣкѣмъ
не снимаютьъ , и не кланя-
ются , 17.
Шежедѣ, санки для ѣзды на со-
бакахъ , 55 , 57.
Шишо , мѣсяць , въ которомъ
лактаки щенятся , 19.
Шишь , игла , 34.
Школьное ученіе на Камчаткѣ для
Камчадалскихъ дѣтей имѣет-
ся , 25 , 81.
Шолканской Князецъ съ своимъ
ясакомъ , 290,
Шопамачъ , закрышка дверей у
юрты , 28.
Штаны лѣтніе и зимніе , 45.

Ъ

Ѣзда въ дорогѣ , гдѣ и въ какое
время , 60.
— Опасная въ какихъ мѣстахъ,
61.
— Коряцкая на оленяхъ , 154.
— И на собакахъ , 54.
Ѣдншь

- Бздить на собакахъ быть остро-
рожну , 58.
- По сколько верствъ на нихъ
перебжжаютъ , 59.
- Въ сей бздѣ какое у нихъ
состоянѣ безчестіе , 57.
- Зборщики ясаковъ въ пищѣ
великую нужду претерпѣ-
ваютъ , 266.

Ю

- Юдона рѣка , 286.
- Юдомской крестъ урочище , 286.
- Южной вѣтръ, Челюгынкѣ назы-
вается , 23.
- Юкагирскаго народа наименова-
ніе, 5.
- Юкола , сушеная рыба вмѣсто
хлѣба , 49.
- Юна рѣка , 284.
- Юнаканъ рѣка , 283.
- Юрта, жилище Камчатское какъ
дѣлается , 25.
- Сѣверныхъ и южныхъ Камча-
даловъ , 28.
- Коряцкія и Чукоцкія , 146.

Я

- Ягодъ морошки , гдѣ довольно ,
241.

- Языкъ Камчатской имѣетъ сход-
ство съ Мунгальскимъ , 13.
- Произношеніе его , 7.
- Якуты хвалятся тѣмъ, что онѣ
ѣдаѣ жирную кобыляшину,
161.
- Якутской народъ отъ Китайцовъ
отпадшій , 12.
- Японская буса занесенная на Кам-
чатку , 222.
- Японцовъ прежде сего бывалъ ли
какой торгъ съ Камчада-
лами , 249.
- бывшихъ прежде сего въ
Россіи дву человекъ , об-
стоятельное о нихъ описа-
ніе , 222.
- Японскихъ острововъ провѣдыва-
ніе 214.
- Ярманка урочище , 271, 280, 289.
- Ясаку плаща отъ Камчадаловъ на
годъ , 234.
- Ясаковъ зборы , 252.
- До какой суммы оной пре-
восходитъ , 258.

Ѡ

- Ѡедохъ Алексѣевъ изобрѣшатель
Камчатки , 190.

КОНЕЦЪ ВСЕЯ КНИГИ.

THE UNIVERSITY OF TORONTO

1.7

